

Я. Э. Стэн

**СТАТЬИ
И ВЫСТУПЛЕНИЯ
ПО ФИЛОСОФИИ**

МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

УДК 1(470)(091)
ББК 87.3(2)6
С79

Стэн Ян Эрнестович. Статьи и выступления по философии / Составители С. Н. Корсаков, М. В. Бахтин. М.: Издательский дом «Энциклопедист-Максимум»; СПб: Издательский дом «Мирь». 288 с.
ISBN

В книге впервые собраны статьи и выступления легендарного советского философа-деборинца Я. Э. Стэна. Сборник отражает начальный этап разработки диалектической логики в СССР и борьбу философов-марксистов против сталинизма. Ряд работ публикуется впервые по архивным источникам.

ББК 87.3(2)6

- © С. Н. Корсаков, М. В. Бахтин, составление, 2015
- © ИД «Энциклопедист-Максимум», 2015
- © ИД «Мирь», 2015

ISBN

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Ян Эрнестович Стэн по всеобщему признанию как друзей, так и противников, был самой яркой фигурой в деборинской школе. «В гордом облике этого латыша с выразительным умным лицом, сократовским лбом и копной светлых волос было что-то величественное», – вспоминала вдова Бухарина А. М. Ларина. Мощь интеллекта, бесстрашие мысли столь сильно просвечивали через внешний облик, что он сохранял это первенство, несмотря на то, что очень мало печатал философских работ. Потом, после мрачной ночи сталинизма многие имена забылись, но не имя Стэна. И здесь – спасибо его вдове, Валерии Львовне, которая сумела наказать главного из сталинских палачей-погромщиков от философии Митина: за плагиат персональным делом и снятием с должности главного редактора «Вопросов философии». Так легенда о Стэне перешла в коллективную память нового поколения философов, которые лично его не знали, и дошла до наших дней. Настало время прочитать его самого.

Сама жизнь Стэна легендарна. Сын батрака, он с семи до двенадцати лет был пастухом. Он научился грамоте, читая с дедом Библию, но в тринадцать лет из проповеди местного пастора узнал о книге Геккеля «Мировые за-

¹ При поддержке РГНФ. Проект № 15–03–00244 «Институт философии РАН в период сталинизма».

гадки». Прочитав её, он пережил кризис, который привёл его к разрыву с религией. Страстная любовь к природе и интерес к науке заполнили всю его детскую душу. Он читал Геккеля и Бюхнера, собирал коллекцию камней, растений и насекомых. С тринадцати лет он батрачил у кулаков, а по ночам, прочитав «Астрономию» Фламариона и позаимствовав у соседа старый морской бинокль, изучал звёздное небо. Простудировав «Школу химии» Оствальда, он приучил своего товарища по начальной школе, сына местного аптекаря, таскать из аптеки склянки, колбочки и кислоты и устроил в роще химическую лабораторию.

Все эти стремления и склонности не могли получить свободного развития. Нужда и тяжёлая борьба за кусок хлеба были уделом батрака. Кормить и воспитывать детей было не на что. Дети сами должны были зарабатывать. Мать раньше времени постарела и согнулась под тяжким бременем забот. Болезненные брат и сестра умерли один за другим, а потом умерла и мать. Отец Яна горел ненавистью против немецких помещиков и латышских кулаков.

В 1914 г. Ян вступил в молодёжный социал-демократический кружок. Дорога в гимназию или реальное училище была для него закрыта из-за отсутствия средств. Он поступил в учительскую семинарию, куда неохотно шли дети зажиточных родителей и вынуждены были идти дети бедняков. Занятия в семинарии давали чрезвычайно мало. Ян усиленно занимался самообразованием, читал Спинозу, Маркса, Энгельса, Каутского, Плеханова. В 1915 г. впервые услышал имя Ленина. Социал-демократический кружок печатал на гектографе свой журнал, где Ян поместил свои первые статьи и стихи против войны. В 1916 г. он был арестован и просидел месяц в тюрьме.

В 1917 г. вместе с учительской семинарией Стэн эвакуировался в Сызрань, где принял участие в Октябрьской революции и организации отрядов Красной гвардии. Во время чехословацкого мятежа был он арестован; освобождён красноармейцами из камеры смертников при взятии Сызрани. Командовал отрядом при подавлении кулацких восстаний в Сызранском уезде; участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа.

В 1921 г. уехал в Москву учиться на курсы марксизма, откуда перешёл на философское отделение Института красной профессуры. По всеобщему мнению и преподавателей, и слушателей, он был подающим большие надежды выдающимся молодым учёным. Он с увлечением изучал диалектику, особенно привлекала его внимание «Феноменология духа» Гегеля. Интересы его были разносторонни. Много внимания он уделял логике, истории новой философии, математике и естествознанию, хорошо знал труды классиков марксизма. Его однокурсник В. Я. Кирпотин вспоминал, как Стэн читал книгу Хвольсона об успехах современной физики, только что вышедший «Двадцатилетний опыт изучения высшей нервной деятельности» Павлова, работы по теории относительности и многое другое. Он прекрасно владел словом, был хорошим товарищем, скромным, никогда не кичился ни своими знаниями, ни своим положением, но был твёрд и упорен в своих убеждениях.

В 1925 г. Стэн нелегально ездил в Германию, Австрию и Чехословакию как уполномоченный Исполкома Коминтерна, чтобы готовить коммунистические восстания в этих странах. Он успешно справился с полученным сложным заданием и по возвращении был избран членом ЦКК ВКП(б). В 1928 г. Стэн ездил в Германию с научной целью.

О крестном пути Яна Стэна, который начался в 1929 г. статьёй в «Комсомольской правде» и закончился в 1937 г. пулей в лубянской застенке, подробно рассказано в книге «Наш философский дом» (М., 2009. С. 154–175).

Стэн является ключевой фигурой в советской философии 1920-х гг. Именно он своей рецензией, посвящённой И. И. Скворцову-Степанову, положил начало спору диалектиков и механистов. Это стало продолжением спора Ленина и Плеханова с махистами, и предшествовало спору Ильенкова с нашими неопозитивистами о том, что есть философия, как она соотносится с наукой. Своими статьями Стэн положил начало разработке диалектической логики. Сегодня это словосочетание звучит «почти неприлично», как говорила Настасья Филипповна. Но отказом от него не отменена проблема адекватности отражения в мышлении процессов развития природы, общества и самого мышления. Потеря интереса к этой проблематике закономерна в эпоху торжества постмодернистского цинизма, отрицания историзма и логики. Иначе и быть не может в ситуации, когда философы пренебрегли своей нравственной ответственностью за духовное состояние человечества, уклонились от борьбы за прогрессивный путь общественного развития.

Стэн был одним из самых активных сторонников Сталина, помогал ему в политической борьбе с его противниками – Троцким, Зиновьевым и Бухариным. Сегодня в это трудно поверить. Но если бы было иначе, Сталин бы не приглашал его к себе в дом давать уроки гегелевской диалектики. Близкое общение со Сталиным открыло Стэну глаза, чего он не скрывал в разговорах с товарищами. Стэн не только проникся отвращением к Сталину как к человеку, но и оказался одним из немногих, кто понял,

к какой трагедии ведёт русскую революцию её могильщик, и стал сознательно бороться со сталинизмом как мог. В этой борьбе погиб он сам, погибли и его рукописи, которые мы никогда уже не прочитаем. Он закончил гигантские труды «“Фауст” Гёте и “Феноменология духа” Гегеля» и «“Феноменология духа” Гегеля в свете материалистической теории познания», исчезнувшие при аресте.

Все брошюры, которые напечатаны самим Стэном и большая часть его статей не представляют никакого интереса. В них просто, хотя и талантливо, воспроизводится аргументация сиюминутной идейно-политической позиции Сталина. А идейно-политические позиции Сталин менял, разворачиваясь на ходу на 180°, если это было необходимо для удержания власти. Поэтому он с такой лёгкостью использовал чужие идеи, выдавал тексты уничтоженных и обогланных им людей за свои.

Отсюда становится понятной та совершенно личная нота, которая звучит и в знаменитой статье Стэна в «Комсомольской правде». Статья – эта, по сути, антисталинский памфлет. Отсюда понятна и личная мстительная реакция Сталина на выказанное Стэном презрение. Сталин был в бешенстве и в самый день выхода статьи написал указания для Политбюро, где наметил меры преследований Стэна. Сталин интересовался потом каждым шагом в судьбе Стэна, последовательно доведя его через травлю, допросы в партконтроле, арест, тюрьму, ссылку, вынужденные ритуальные самоубийствования, снова тюрьму – вплоть до могилы. Отсюда понятна и устойчивая легенда о том, что четвёртая глава «Краткого курса» – это искажённые Сталиным до своего примитивного уровня мышления записи лекций Стэна о диалектике. Незадолго до смерти Сталин говорил своим идеологам, что в фило-

софии нечего «увлекаться единством противоположностей, это гегельянская терминология».

Стэн жил и мыслил вольно, он не занимался учёным крохоборством. Все его философские статьи и выступления выполнены по конкретному поводу. Хорошо, что поводы эти жизнь предоставляла. Поэтому так трудно было собрать мозаику из осколков его интеллектуального творчества. Некоторые выступления удалось найти в архиве. Они никогда не публиковались. Те же, что публиковались, напечатаны в изданиях, о существовании которых не подозревают современные философы. Разумеется, в подборку не включены те статьи и выступления, в которых Стэн под угрозой ареста и смерти был вынужден опровергать свою жизнь в философии и идеи деборинской школы советской философии марксизма.

С. Н. Корсаков

Раздел I

У ИСТОКОВ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ. ДИАЛЕКТИКИ И МЕХАНИСТЫ

**Руднянский. Беседы по философии
материализма.
Государственное издательство. С предисловием
Семковского и примечаниями Л. И. Аксельрод**

Перед нами попытка создать книжку, просто и понятно освещающую главные вопросы материалистической философии. Потребность в таком руководстве, которое в доступном виде для партийцев-средняков и рабочих разбирала бы главные проблемы диалектического материализма, – огромная.

Революционный и критический метод – диалектика – «душа» и непоколебимый фундамент стройного здания, именуемого марксистской теорией.

Важную роль, принадлежащую диалектическому методу в марксистской теоретической системе, сейчас усугубляет полоса исторического развития, нами проходимая. «Марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно резкой смены условий общественной жизни», – так писал тов. Ленин в 1910 году, имея в виду смену первого трехлетия, приблизительно закончившегося летом 1907 года и давшего основу для разработки в области марксистской теории вопросов тактики и политики, вторым трехлетием, выдвинувшим на первый план вопросы об общих философских основах марксизма. Эта смена интересов в области марксистской теории была не случайна. Диалектика исторического

развития, сняв с порядка дня непосредственный, революционный штурм старого порядка, выдвинула проблему переработки опыта, усвоение его более широкими массами. Работа широких масс, всколыхнутых и разбуженных трехлетием революционной грозы и глубоких потрясений, над усвоением опыта, должна была выдвинуть в центре внимания марксистской теории вопросы философских основ марксизма, вопросы марксистской методологии. Дать отпор всем тем шатаниям, всему тому невероятному теологическому распаду, которое проникло в ряды рабочего класса и в ряды его передового отряда – социал-демократии; повести последовательную и решительную борьбу с антимарксистскими уклонами в политике, подрывавшими работу воссоздания и сохранения революционной социал-демократии, можно было, только защитив и укрепив методологические, философские позиции марксизма. Всякому философскому «отступничеству от марксизма» должна была быть объявлена беспощадная, истребительная война. В это время тов. Ленин написал свою работу по философии: «Материализм и эмпириокритицизм», занимающую среди марксистских философских работ, после работ Маркса и Энгельса, одно из первых мест.

Та историческая полоса, которую мы проходим, хотя по другим причинам и для иных целей, тоже подчеркивает важное значение методологии марксизма. Массы, приведенные в движение потоком революции, прошедшие сквозь огонь и муки гражданской войны, бросились на «учебу», чтобы обобщить и осмыслить свой опыт. Эта глубокая и широкая работа масс над выработкой основ своего мировоззрения и процесс изживания ими буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков подводят

нас вплотную к необходимости заняться общими философскими основами марксизма. Движение масс, не изживших еще полностью своих мелкобуржуазных предрассудков, в сторону марксизма, создает всевозможные извращения марксизма и уклоны в сторону от него. Рыночная стихия, возродившаяся у нас, поддерживает целый ряд идеологических явлений, оказывающих отрицательное влияние на процесс формирования классового самосознания рабочего класса. Колоссальная революция, совершающаяся в современном естествознании, вследствие чуждости естествоиспытателей диалектическому материализму, создает основу для существования всевозможного рода «школ» и «системок», защищающих физический идеализм и распространяющих «слухи» и «сплетни» об опровержении и окончательной гибели материализма.

Такого рода положение вещей выдвигает перед нами необходимость защитить философские основы марксизма, пропагандировать их среди широких масс и учить их владеть методом материалистической диалектики. Владеть методом материалистической диалектики в особенности важно в эпоху краха капитализма и социалистической революции, в эпоху, которая сама «более диалектична», подвижна и изменчива, чем эпоха органического, мирного развития. Эпоха социалистической революции ставит перед пролетариатом в практической плоскости всеобъемлющую, целостную задачу переустройства старого общества, распадающуюся на множество частных задач, взаимно между собой переплетающихся и друг за другом следующих. Суметь раскрыть диалектическую связь между частью и целым, отыскать ту частную задачу, от решения которой зависит решение

всеобщей задачи данной исторической полосы, найти знаменитое ленинское звено, за которое необходимо ухватиться, для того, чтобы вытянуть всю цепь, можно, только прекрасно владея и умея применять диалектический метод. В эпоху бешеного и головокружительного темпа социально-исторического развития нельзя безнаказанно игнорировать диалектический метод и подходить к общественным явлениям метафизически.

Если мы признаем такую важность изучения основ диалектического материализма, то мы внимательно должны следить за литературой, по этим вопросам предназначенной для широких масс. Этой литературе должны быть предъявлены серьезные научно-методологические и педагогические требования. Иначе она вместо пользы принесет величайший вред.

Книжка, с которой мы имеем дело, одним из видных представителей ортодоксального марксизма в области философии, Л. И. Аксельрод, рекомендуется, «как логически связанное изложение основных принципов марксистской философии, как они развиты в произведениях марксистов-теоретиков ортодоксального направления». Нам придется, однако в этой книжке, написанной действительно живым и популярным языком, констатировать целый ряд крупных ошибок научно-методологического порядка, на разборе которых мы вкратце и остановимся.

Определение философии

Руднянский, верно указывая на то, что философия занимается изучением способа познания, вместе с тем дает итоговое определение, которое попадает в тон знаменитому махистскому принципу – экономии мышле-

ния. Он заявляет, что философию можно определить: «как науку об умственном хозяйстве, как экономию человеческого духа». Основная задача познания никогда не может заключаться в том, чтобы экономить духовный труд, чтобы мыслить о мире таким образом, чтобы наше представление о нем вырабатывалось на основе экономии мысли. «Принцип экономии мышления, если его действительно положить в основу теории познания», не может не вести ни к чему иному, кроме субъективного идеализма. «Экономнее» всего мыслить, что существуют только я и мои ощущения, это неоспоримо, раз мы вносим в гносеологию столь нелепое понятие»¹. Экономнее всего, конечно, устранить объективные вещи и свободно без препятствий носиться на крыльях субъективизма.

Нам нужно не «экономное», а объективное, правильное познание мира. Точно также неправильно величает Руднянский философию «наукой наук». Энгельс, имея в виду историческое превращение фазиса философии, когда она была «наукой наук», в методологию науки, в логику науки, писал: «Философия таким образом „устранена“, т. е. одновременно превзойдена и сохранена, превзойдена по форме, сохранена в смысле реальности содержания»². Энгельс, отрицая, в связи с утверждением диалектического метода, за философией право почетно называться «наукой наук», вместе с тем не соглашается с нашими упразднителями философии, а вполне понимает, что философия приняла новую форму, сохранив свой реальный смысл и значение. «Поскольку каждой отдельной науке предъявляются требования выяснить свое по-

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. С. 194.

² Энгельс. Анти-Дюринг. С. 114.

ложение по отношению общей связи явлений в сфере их познаний, всякая особая наука об этой связи становится излишней. От всей прежней философии остается еще, в качестве самостоятельной науки, учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все остальное относится к положительной науке о природе и истории»¹. Это и значит, что философия из «науки наук» превратилась в теорию науки, в методологию.

Понятие действительности

Вопрос о том, что такое действительность, это вопрос, по которому проходит водораздельная линия между двумя главными философскими направлениями, между материализмом и идеализмом. Руднянский говорит, что действительность создается человеческим трудом, что действительность представляется совсем иначе нам в странах промышленных в наше время, чем сто лет назад, когда не знали еще крупной промышленности и не умели надлежащим образом эксплуатировать силы природы. «Что тогда было действительностью, то ныне перестало ею быть; действительность постоянно меняется, благодаря усилиям человеческого труда... Отсюда вывод: обобществленной и собирательной является действительность, которую создает человеческий труд».

Правильно то, что категория природы, объекта – категория историческая. Верно и то, что картина мира возникает у нас на основе общественно-практической деятельности. Маркс и Энгельс по этому поводу в своем проекте предисловия к «Немецкой идеологии» писа-

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. С. 18.

ли: «Окружающий нас чувственный мир не есть вовсе какая-то непосредственно от века данная, всегда самой себе равная, вещь, а продукт промышленности и общественного состояния, продукт в том смысле, что он является в каждую историческую эпоху результатом деятельности целого ряда поколений, из которых каждое стоит на плечах предшествующего ему поколения, развивая его промышленность, его способ сношения и видоизменяя, в зависимости от изменившихся потребностей, его социальный строй. Даже предметы простейшей чувственной достоверности даны нам только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговому сношениям»¹. Здесь Маркс, определяя понятие действительности, противопоставляет точку зрения диалектического материализма точке зрения созерцательного, старого материализма, понимавшего действительность, как голое ощущение. Указывая это отличие диалектического материализма, от метафизического в данном вопросе, Маркс не забывает указать, чем отличается в данном вопросе материализм вообще от идеализма. Говоря о том, что наше понятие чувственного мира создается общественно-производственной деятельностью человека, Маркс отмечает, что: «конечно, при этом сохраняется приоритет внешней природы, и, конечно, все это не имеет никакого отношения к первичным, порожденным путем *generatio aequivoca* людям»². Если диалектический материализм требует революционно-практического отношения к миру и данную картину природы считает возникшей на основе данной истори-

¹ Архив Маркса и Энгельса. Кн. 1. С. 217.

² Там же. С. 218.

ческой ступени развития производительных сил человеческого общества, то он вовсе не отменяет основного элементарного положения всякой формы материализма, что внешняя природа, объект существует независимо от человеческого сознания.

Руднянский, сосредоточив свое внимание на определении действительности, как результата общественного труда, забывает о том, что в тот момент, когда природа человеку в процессе общественного труда обнаруживает свои свойства, она вовсе не создается и не возникает, а для того, чтобы обнаружиться в процессе труда, она должна существовать независимо от человеческого труда и независимо от человеческого сознания. Если понятие действительности, существующее на данной ступени развития, полностью хоронится на следующей ступени, как это думает Руднянский, то мы не имеем объективного познания и путь развития человеческого знания не дает нам постепенного, но все возрастающего приближения к абсолютной истине. Объявить безусловно исторически условным всякое знание – значит впасть в субъективный релятивизм. К этому и приводит понятие действительности, даваемое Руднянским.

Критерий истины

Из основной ошибки Руднянского в постановке проблемы действительности вытекает и его другая основная ошибка – его понимание критерия истины. Если действительность есть только обобществленный и собирательный опыт человечества, то только он и может явиться той последней инстанцией, к которой мы должны обратиться для того, чтобы узнать, что истинно и что ложно. Восприняв богдановское понимание

действительности, как «социально-организованного, социально-гармонизованного опыта», Руднянский неизбежно должен был прийти к богдановскому критерию истины – «общезначимости». Заявляя о том, что вопрос о том, что достоверно и что недостоверно, мы не можем решить, пользуясь личным опытом, Руднянский критерием истины объявляет коллективный опыт, правильность нашего знания доказывается тем: «что объект существует не только для меня, но и для других; он является, таким образом, общим для всего человечества» (стр. 64). Это есть субъективный, идеалистический критерий истины, покоящийся на субъективно-идеалистическом понимании категории действительности. Если мы считаем критерием истины «общезначимость», то стирается принципиальная, коренная грань между религиозным опытом, который тоже является обобществленным и собирательным опытом и научным опытом. Отрицание объективной истины идет по линии поддержки религии и поповщины. Тов. Ленин, имея в виду ошибку Богданова, однородную с ошибкой Руднянского, писал: «современный фидеизм вовсе не отвергает науки, он отвергает только „чрезмерные претензии“ науки, именно претензию на объективную истину. Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир „в опыте“ человека, одно только способно дать нам объективные истины, то всякий фидеизм отвергается безусловно. Если же объективной истины нет, если истина (в том числе и научная) есть лишь организационная форма человеческого опыта, то этим самым признается основная посылка поповщины, открывается дверь для нее, очи-

щается место для „организующих форм” религиозного опыта»¹.

Можно было бы указать еще целый ряд более частных ошибок Руднянского, но достаточно разбора этих основных ошибок, выявляющихся у него в весьма противоречивой форме, чтобы сказать, что книжка может взрастить в головах широких масс, для которых она и предназначается, большую путаницу по целому ряду основных вопросов диалектического материализма.

Для того, чтобы эта книжка, написанная живым и популярным языком, могла быть использована с некоторой выгодой, необходимо при следующем издании предпослать ей настоящее предисловие и написать настоящее примечание, раскрывающее указанные ошибки.

¹ *Ленин*. Материализм и эмпириокритицизм. С. 137.

Об ошибках Гортера и тов. Степанова Герман Гортер. Исторический империализм. Приложение: И. Степанов. Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм

Книжка Гортера предназначена для широкого круга читателей. Важность изучения исторического материализма широкими кругами членов партии и беспартийных рабочих, никем не может отрицаться. Осмыслить свой опыт, более или менее правильно и сознательно подойти к вопросам текущей, политической и общественной жизни, всякий член партии и рабочий сможет только, зная основные положения метода исторического материализма и умея ими пользоваться. К книжке, предназначенной для такого круга читателей, как основное требование, должно быть предъявлено, ясное, четкое и правильное изложение основных категорий исторического материализма, покоящееся на жизненном, близком для рабочих иллюстративном материале. Уяснить же и понять сущность метода исторического материализма можно только при том условии, если мы поймем место и роль исторического материализма в общей системе марксистской теории. Рассматривая исторический материализм изолированно, оторванно от теории марксизма, в особенности от философских основ марксизма, мы не только не будем знать этих философских основ марксизма, но мы ничего не поймем и в историческом материализме.

Среди марксистов II-го Интернационала была распространена очень плохая теоретическая привычка при-

нимать не всего Маркса, а только отдельные его части. Некоторые принимали теорию стоимости и соглашались на всякие идеалистические «поправки» к историческому материализму. Другие, отстаивая исторический материализм, охотно отбрасывали теорию стоимости. Но самой распространенной являлась и является третья «порода». Представители этой «породы» не прочь «друзьями счастия» и с историческим материализмом, и с экономическим учением Маркса, но они обнаруживают сильную нелюбовь к философским, материалистическим основам марксизма. Всех этих Фрицев и Максов Адлеров неудержимо влечет к себе безвкусная и жиденькая каша махистской и кантианской философии. При их слабой «теоретической комплекции», чтобы хоть как-нибудь устоять на ногах, им вредно пить «крепкое вино» диалектического материализма, которое по силам только стойким и крепким борцам за дело пролетариата – им надо пить пресную водичку. Естественным видом их пищи является «эклетиическая похлебка». Не поняв философских материалистических основ марксизма, такого рода марксисты» утрачивают понимание живого единства, органической связи всех сторон марксистской теории и начинают калечить и коверкать даже те части марксизма, искренними сторонниками которых они себя заявляют. Диалектическое единство марксистской теории блестяще характеризует Плеханов в следующих словах: «Марксизм – не только известное экономическое учение (учение о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу); он не только известная историческая теория (исторический материализм); он так же не есть известное экономическое учение, плюс известная исто-

рическая теория. У Маркса, экономическое учение не поставлено рядом с исторической теорией: оно насковозь пропитано ею. То, что говорится у него о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу, является плодом изучения экономики данной эпохи с точки зрения исторического материализма. Вот почему безусловно правы те, которые говорят, что «Капитал» есть не только экономическое, но также историческое сочинение. Однако, и это не все. Исторический материализм, с точки зрения которого Маркс изучал экономические отношения капиталистического общества, еще не составляет мирозерцания. Он – только часть материалистического понимания мира: материализм в его применении к области истории. Вот почему исторический материализм, – иначе: материалистическое объяснение истории предполагает материалистическое понимание природы»... «Таким образом, марксизм представляет собою цельное и стройное материалистическое мировоззрение, и кто упускает из виду эту цельность его, – как материалистического учения, имеющего своим предметом не только историю, но также и природу, тот рискует очень плохо понять даже и те отдельные стороны этого учения, которые почему-либо привлекают к себе его внимание и пользуются его признанием¹.

Основным грехом Гортера и является его непонимание того, что исторический материализм покоится на фундаменте философского материализма. Очень интересны те мотивы, по которым Гортер противопоставляет исторический материализм философскому. «Ведь,

¹ Плеханов. От обороны к нападению. С. 480, 481.

противники и прежде всего верующие, начинают с того, что они сваливают в одну кучу оба вида материализма, и пользуясь отвращением верующих рабочих к первому, (т. е. философскому), подвергают опале второй» (с. 18). Здесь Гортер ради того, чтобы приспособиться к мещанским и религиозным предрассудкам отсталых слоев рабочих, жертвует коренной философской, материалистической позицией марксизма. Здесь перед нами ясно вырисовывается одна из тех линий, по которой наметилось и шло идеологическое перерождение германской социал-демократии. Такую крупную теоретическую уступку мещанским предрассудкам делает Гортер, стоявший на левом крыле социал-демократии, и прикрывает Каутский, авторитетнейший представитель и вождь второго Интернационала, написавший к книжке Гортера предисловие, и не единым словом не оговоривший этой вопиющей ошибки Гортера.

Восставал против философского материализма, Гортер заявляет, что «исторический материализм, подобно всякой опытной науке, является средством достигнуть известного общефилософского мирозерцания». Но это общее представление о мире, к которому приближает нас исторический материализм, «не материалистически-механическое, равно, как и не христиански-католическое, не евангельское, не либеральное представление: оно – другое, новое понимание, новое созерцание». В этих словах скрывается та невероятная путаница, которая существует по основным вопросам материализма в голове Гортера. Он против материалистически-механического представления о мире и поэтому он против философского материализма вообще. Гортер понятия не имеет о том, что механический материализм это – частная форма ма-

териализма, и что быть против частного вида материализма еще не значит быть против материализма вообще. Он не слышал также о том, что новейшей формой, которую принял материализм, является диалектический материализм. На протяжении всей книжки Гортер ни единым словом не упоминает о диалектике и диалектическом методе. Для него он просто не существует. Но еще более странно то, что тов. Степанов, взявшись в своем приложении к книжке Гортера поправить и разъяснить его ошибку, впадает в точно такую же ошибку. Озаглавив свое приложение: «Исторический материализм и естествознание», тов. Степанов каким-то образом ухитрился совершенно обойти вопрос о диалектике и диалектическом материализме.

Непонимание Гортером сущности и роли диалектического материализма приводит к целому ряду неправильностей в его понимании исторического материализма и заставляет его платить, в области практической политики, обильную дань абстрактной метафизической, анти-диалектической революционности – «детской болезни левизны». Но и тов. Степанову не проходит даром такое холодное равнодушие к материалистической диалектике. Первым следствием такого невнимания к диалектике у тов. Степанова является упразднение марксистской философии. В виду того, что материалистическая диалектика исчезла из поля внимания Степанова, ему приходится объявить тождество философского материализма и современного естествознания. По этому поводу он пишет: «Исторический материализм продолжает то дело, которое в одной своей части вполне философским материализмом, или, употребляя более ясное и прямое выражение, выполнено современ-

ным естествознанием: для марксизма не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для него – последние и наиболее общие выводы современной науки» (с. 152). Забыв, что существует метод материалистической диалектики, и что основная задача марксистской философии и заключается в выработке научной методологии, логики науки, т. Степанову ничего не осталось делать, как свести понятие марксистской философии к плоскому определению: «последние и наиболее общие выводы современной науки». Как раз по той причине, что игнорируемый т. Степановым диалектический метод начинает проникать в современные науки, особая наука, занимающаяся сводкой и регистрацией общих выводов отдельных наук становится ненужной. Чем единственно является и может являться марксистская философия, это ясно видно из следующего заявления Энгельса: «Поскольку в каждой отдельной науке предъявляется требование выяснить свое положение по отношению к общей связи явлений и в сфере их познания, всякая особая наука об этой связи становится излишней. От всей прежней философии остается еще, в качестве самостоятельной науки, учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все прочее относится к положительной науке о природе и истории»¹. Отсюда ясно, что Энгельс не растворяет марксистскую философию в положительных науках, а признает за ней самостоятельную область существования. Тов. Степанов же, совершенно упустил из виду активную, сознательную роль диалектического метода по

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. С. 18.

отношению к современному естествознанию, в котором стихийно, бессознательно возникают зачатки диалектического материализма. Задача марксистской философии, которая разрабатывает и обосновывает всеобщие категории метода материалистической диалектики, по отношению к естествознанию заключается в том, чтобы «стихийные настроения» современного естествознания поднимать до уровня «сознательности».

Вторым следствием невнимания тов. Степанова к диалектике является его движение вспять от диалектического материализма к материализму механическому. Тов. Степанов знает, что нельзя быть марксистом, не будучи материалистом, но ввиду отсутствия у него ясного представления о диалектическом материализме и его отношении к другим формам материализма, ему приходится стать на путь механического материализма. Тов. Степанов, подобно Горттеру, знает только один вид материализма – материализм механический. Разница только в том, что Горттер отвергает механический материализм и думает, что он этим отвергает материализм вообще, а тов. Степанов, желая быть сторонником материализма, но, не зная другого вида материализма, кроме механического, его принимает. По мнению тов. Степанова: «марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает это, так называемое механистическое воззрение на природу, механистическое понимание её. Недостойно марксиста приходиться в трепет перед попами в угоду или давать грубые формулировки этого понимания и затем отмежевываться вообще от механистической точки зрения на процессе природы» (с. 166).

Вопросы о том достойно или недостойно марксиста придерживаться механистического понимания приро-

ды, мы сейчас и постараемся разобрать. Материализм не есть какая-нибудь постоянная, неизменная и самой себе равная величина, он имеет свою историю развития. Основное положение всякой формы материализма заключается в том, что признается объективное, независимое от человеческого сознания существование внешней природы. На этом общем базисе историческое развитие воздвигало разнообразные конкретные надстройки, создавая этим отличие одной формы материализма от другой. Энгельс писал в своем «Людвиге Фейербахе»: «материализм, подобно идеализму, прошел различные степени развития. Ему приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием, составляющим эпоху в естествознании. А с тех пор, как стали рассматривать с материалистической точки зрения историю, здесь также прокладывается новый путь для развития»¹. Для того, чтобы уяснить методологическую природу диалектического материализма, мы вкратце остановимся на этапах развития материализма в новое время.

Материализм, как он проявился в начале истории новой философии, мы можем охарактеризовать, как материализм механический. Выдающимся представителем этой формы материализма является Декарт в области своей физики и Бэкон. Центральным вопросом этого периода истории философии является вопрос выработки нового метода познания, создания новой логики. Чтобы справиться с этой задачей представители философии должны были связаться с естествознанием, которое до них уже не осознанно и недостаточно планомерно изменяло метод, который философам предстояло обоб-

¹ Энгельс. Людвиг Фейербах. С. 15.

щить и принципиально обосновать. Новейшая философия, выполняя эту задачу, становилась самосознанием новейшего естествознания. Основными науками, на которых покоилось тогдашнее естествознание, были: математика и механика. Недаром декартово объяснение природы покоится всецело на математико-механических принципах. Основной категорией в физике Декарта является категория чистого количества. Изменение и деление этого количества и составляет содержание жизни материальной природы. Понятие материи у Декарта «геометризовано» т. е. отождествлено с понятием пространства.

Дальнейшее историческое развитие и в особенности дальнейший рост естественных наук отрицает чистый механический материализм и ставит на его место французский материализм XVIII века. Французский материализм имеет двойственную природу: с одной стороны он включает в себя интерес к вопросам биологического естествознания, а с другой стороны – интерес к вопросам общественно-историческим, возникшим вследствие жгучей потребности французской буржуазии изменить старые феодальные производственные отношения, пришедшие в противоречие с ростом новых производительных сил. Конец XVII и начало XVIII века ознаменовались крупным подъемом и ростом биологических наук. Механические методы были перенесены в области органических явлений. Самое понятие механического претерпело под влиянием изучения организма, превращение, потеряв свой автоматический, безжизненный характер. Понятие материи у французских материалистов не исчерпывается механическим движением, а является единством движения и ощущения. «Человек-машина»

Ламетри вовсе не то же самое, что «животное-машина» Декарта. Материализм обогатился, включил в поле своего внимания свойства организма и начал подходить в лице Гельвеция к материалистическому освещению общественной и исторической жизни человечества. База, на которой покоился французский материализм, расширилась по сравнению с чистым механическим материализмом, но отсутствие диалектического метода не дало возможности точно и ясно установить конкретные особенности, качественную определенность механических процессов в отличие от органических и наоборот. В развитом виде значение и роль категории качества была выяснена Гегелем. Если великие представители механического естествознания и механического материализма считали основной категорией – категорию количества, то Гегель в противовес им начинает свою «Науку логики» с категории качества. Для Гегеля, конечно, не существует реально абстрактное качество. Для него существует только реальное единство, количества и качества – мера. Все, что существует в действительности, есть синтез количества и качества – мера. Начиная свою «Науку логики» с категории качества, Гегель подчеркивает важное значение качественно конкретного изучения действительности. Задача науки не может заключаться только в том, чтобы выразить мир в абстрактных, всеобщих формулах, чтобы все наличные различия свести к абстрактным тождествам, кроме того, необходимо качественное изучение каждой особой части действительности. Познать закономерность всякого развития, заключающегося в исчезновении старых и возникновении новых, особенных состояний, можно только на основе качественно-конкретного исследования. Категория ка-

чества указывает ту линию, по которой проходит грань между формальной логикой и логикой диалектической. Формальная логика отрывает форму от содержания, для неё формы мышления не связаны с действительностью, диалектическая же логика выражает в мышлении действительное бытие. И только тогда, когда мы подходим к охвату нашим сознанием качественно-конкретного содержания всей действительности возникают все проблемы диалектической логики.

Из материалистов уже Фейербах понял важное значение качественно-конкретного момента. В своей «Истории новой философии» он писал: «Это без сомнения возвышенная и справедливая мысль, что движение есть принцип природы» и ошибка Гоббса и Декарта, по мнению Фейербаха, заключалась не в том, что они применяли этот принцип, но в том, «что они возвышали на степень всеобщего начала только частный случай движения, именно, движение механическое, определенное в математических признаках... Пока математические представления господствовали над умами, не мог возникнуть правильный взгляд на жизнь, на природу качеств, на то, что является специфически-физическим. Математик должен возвести механическое движение на степень всеобщего принципа, а природу должен сделать машиной, в противном случае она для него не может быть конструирована. Качество, которое именно, одушевляет природу и составляет ее истинную физическую сторону, сводится к ее математической концепции, к чему-то превзойденному, идеальному, является простой акциденцией, чем-то не-реальным».

Из материалистов только Маркс и Энгельс первые полностью поняли значение качественного исследо-

вания действительности. Специфическую ограниченность старого, механического материализма по Энгельсу составляет: «исключительное приложение мерила заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям, – т. е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами». Здесь Энгельсом выражено требование качественно-конкретного подхода к изучению явлений. Энгельс восстает против растворения органических и химических процессов в механических и считает необходимым открывать специфические, особые законы каждого из этих процессов. Требование качественно-конкретного исследования не разрешает нам применять механические и биологические аналогии и в области изучения общественно-исторических явлений, не отменяющих законы механики и биологии, но подчиняющихся высшим историческим законам. В историческом развитии разные формы материализма основывались на той или другой группе естественных наук. Тип связи между явлениями раскрывавшейся группой естественных наук, служивших основой данной форме материализма, распространялся на все остальные области. Диалектический же материализм есть высшая форма материализма, которая «отменяет» в гегелевском смысле этого слова прежние, ограниченные формы материализма и покоится на изучении всей природы и человеческой истории. Диалектический материализм восстает против перенесения специфической закономерности данного вида процессов на другие формы и виды процессов и требует качественно-конкретного исследования каждой особой части действительности.

Эта методологическая предпосылка диалектического материализма полностью подтверждается современным естествознанием. Имея в виду это подтверждение, тов. Ленин писал: «Как не диковинно с точки зрения “здорового смысла” превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни странно отсутствие у электрона всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д. – все это только лишнее подтверждение диалектического материализма. Новая физика свихнулась в идеализм главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики. Они боролись с метафизическим материализмом. С его односторонней “механичностью”, – и при этом выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка»¹. Таким образом, мы ясно видим, что с точки зрения диалектического материализма недопустимо сведение всех процессов природы на механический процесс, и напрасно тов. Степанов авторитетно заявляет, что марксиста достойно только механическое представление о мире. «Это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал... обязательно “механическую”, а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как движущейся материи»². Тов. Степанов хотел исправить ошибку Гортера, но впал сам в крупную ошибку, только что нами разобранную. Вернемся же теперь вновь к ошибкам самого Гортера.

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. С. 312.

² Там же. С. 35.

Из незнания диалектики Гортером вытекает его неправильное понимание категории производительных сил. Он ставит знак равенства между техникой, орудиями труда и производительными силами. «Техника, производительные силы, образуют базис общества» (с. 24). Если техника исчерпывает собою понятие производительных сил, то совершенно непонятно каким образом она может связываться с общественным развитием и воздействовать на его ход. Ограничивая категорию производительных сил, понятием техники, мы метафизически отрываем основу человеческой истории от самой этой истории и неизбежно должны прийти к нелепому заключению, что процесс самостоятельного автоматического развития техники параллельно протекает процесс общеисторического развития. Производительной силой орудия труда, и не только орудия труда, но в широком смысле слова средства производства могут быть только в диалектическом единстве с рабочей силой. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена вещества. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из возможных в действительные и действующие потребительные стоимости»¹. Только живое единство человеческого труда и средства производства составляет живую основу человеческой истории и дает нам возможность понять самому диалектику развития производительных сил и всей человеческой истории. (См. письмо Маркса к Анненкову).

¹ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 148.

Ошибка Гортера в вопросе о понимании завоевания государственной власти, игнорирование им понятия диктатуры пролетариата, переоценка натуралистического момента в процессе происхождения религий и неправильный уклон в понимании отношения рабочего класса к религии, правильно разобраны и освещены тов. Степановым в его приложении. Поэтому мы на этих вопросах не считаем нужным здесь останавливаться.

Приложение тов. Степанова, если бы оно не заключало в себе указанных двух грубых ошибок, могло бы сделать книжку Гортера полезной для широких масс, книжку, которая хотя и не отвечает нашему основному требованию, дать четкое и правильное изложение основных категорий исторического материализма, но зато является книжкой, написанной живо и популярно. Можно только пожелать, чтобы тов. Степанов поосновательнее подумал над этим вопросом и исправил бы свои ошибки. Если же тов. Степанов считает возможным не отнестись к этому серьезно, то мы можем дать ему только единственный совет, не выдавать того, что является его «личным», «индивидуальным» взглядом, за марксистскую философию, за ортодоксальный марксизм.

Наша партия и вопросы теории

Та обстановка, внутренняя и международная, в которой приходится действовать нашей партии, требует от нас весьма внимательного и серьезного отношения к вопросам революционной марксистской теории, этого компаса пролетарской революции. Но эта обстановка, выдвигающая значение теории, не только ставит препятствия на пути удовлетворения этой теоретической потребности, но и порождает тенденции и настроения противоположного характера.

Перегруженные партийно-организационной работой партийцы сплошь и рядом не имеют возможности заняться общетеоретическими вопросами марксизма, не могут теоретически осмыслить свой богатый практический опыт. На почве такой оторванности практики от теории начинает вырастать теоретическая беззаботность, представляющая величайшую опасность для партии. Эта теоретическая беззаботность подчас переходит в активное отрицательное отношение к революционной теории. Любимым выражением товарищей, проникнутых такого рода настроением, является утверждение: «одно дело – теория, а совсем другое – практика». Отказ

от революционной теории в области практической политики неизбежно влечет на путь «ползучего эмпиризма», на путь преклонения перед стихийностью и отказа от последовательной революционной политики; головы товарищей, лишенных твердых устоев марксистского мировоззрения, готовы подпасть в любую минуту под влияние всякой последней теоретической моды. В наше время большого урожая на всякого рода упрощителей и извратителей марксистской теории, теоретическая беззаботность составляет благоприятную почву для распространения теоретического ревизионизма. По этому вопросу марксистской теории должны быть поставлены перед вниманием как партийного актива, так и перед широкими массами партии.

Теория и практика с точки зрения марксизма

Одной из основных особенностей современного буржуазного мышления является противопоставление теории и практики. Единственно истинной и достойной человека деятельностью является деятельность теоретическая. На практике может иметь место одно, в теории совершенно другое. Теория не срастается с практикой, а проверяет сама себя, исходя из собственных оснований. Немецкий философ Г. Шульце, стоящий по дороге от Канта к Фихте, защищая скептицизм, сомневающийся в существовании внешнего мира и отрицающий возможность объективного познания, восстает против доводов, заимствованных из человеческой практики и опровергающих точку зрения скептицизма. Имея в виду такого рода доводы, Шульце говорит: «Подобные доводы годятся только для черни, ибо мой скептицизм не затрагивает жизненной практики, оставаясь в пределах философии».

Практика у большинства буржуазных мыслителей отделена от теории глубокой пропастью. Практика не переходит в теорию и не является питательным материалом для развития теории. Диалектический материализм враждебен подобного рода противопоставлению теории и практики. Восставая против дуализма теории и практики, он защищает точку зрения их единства.

Указания на единство теоретического и практического действия мы находим уже у Гегеля. Но Гегель, будучи идеалистом, не мог говорить о единстве живой, непосредственной, материальной человеческой практики с теорией, являющейся лишь отражением и выражением в человеческой голове материально-практического отношения общественного человека к природе. Как идеалист, он мог говорить только о единстве теоретической и практической идей. Но Гегелю принадлежит та заслуга, что в решении вопроса о возможности объективного человеческого познания, он отказался от пути абстрактного теоретизирования и логических спекуляций, заявив, что этот коренной вопрос всей теории познания может быть решен только на основе всемирно-исторической практики человечества.

Этот новый подход к решению о возможности объективного человеческого познания был воспринят от Гегеля уже Фейербахом. Маркс, а вслед за ним и Ленин основным критерием объективности нашего знания и правильности наших действий также признают практику, понимаемую материалистически в широком общественно-производственном смысле. Ленин пишет: «Что точка зрения жизни, практики

должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»¹.

Диалектический материализм в противовес старому механическому материализму отвергает созерцательное и требует активного, практического отношения, к миру. Мало мир объяснять, его надо изменять. В отношении нашей общественной практической деятельности отсюда следует вывод: «материализм включает в себя... партийность, обязывает при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»².

Итоги нашей деятельности всегда проверяются практикой. Все политические и тактические лозунги находят свою окончательную проверку только в практике.

Диалектический материализм, ставя общественную практику в основу человеческого познания, не растворяет теорию, науку в практике, а признает их диалектическое единство. Для того, чтобы изменять мир, чтобы с успехом развернуть свою общественную историческую деятельность, мы должны знать направления общественного развития, нам должна быть известна основная закономерность той общественно-экономической формации, над превращением которой в другую, высшую формацию, мы работаем.

Для практически-политического действия мало знать общую закономерность капиталистического общества. Нужно еще суметь разобраться в каждой, особой полосе исторического развития, суметь верно понять экономическое и политическое положение и правиль-

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. С. 159.

² Ленин. Соч. Т. II. С. 65.

но определить тактическое поведение партии. Для того, чтобы не оставаться на поверхности политических и общественных явлений, чтобы не принять внешней видимости за сущность явления, а раскрыть их внутреннюю закономерность, надо прекрасно владеть методом материалистической диалектики и уметь ям исследовать текущую действительность. Одним словом, для того, чтобы иметь успех в революционной практической деятельности, надо твердо стоять на почве революционной марксистской теории. «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории»¹.

Задачи тактики как Маркс, так и Ленин определяли в соответствии с посылками своего диалектически материалистического миросозерцания. О том, что, только пользуясь методом материалистической диалектики, мы можем наметить правильные тактические пути, свидетельствуют следующие слова Ленина: «Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений, всех без исключения классов данного общества, а, следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношения между ними и другими обществами, может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т.е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение, в свою очередь, рассматривается не только с точки зрения прошло-

¹ Против течения. С. 274.

го, но и с точки зрения будущего и при том не в пошлом понимании эволюционистов, видящих лишь медленное изменение, а диалектически: “двадцать лет равняются одному дню в великих исторических развитиях, - писал Маркс Энгельсу, – хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по двадцать лет”. На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, попользуй для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого “мирного” развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении конечной цели движения данного класса и создания в нем способностей к практическим решениям великих задач в великие дни, “концентрирующие в себе по двадцать лет”»¹.

Мы привели эту длинную цитату потому, что она ясно показывает, как глубоко Ленин понимал связь постановки тактических вопросов с диалектическим материализмом. Эти требования диалектического материализма Ленин гениально осуществлял на практике, вырабатывая стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата. Ленин насквозь диалектичен. Он – живое воплощение единства теории и практики. Он умел пользоваться диалектическим методом не только в общем теоретическом анализе, но и в повседневной практической работе. Всем известны знаменитые ленинские «перегибы палки». Выставляя какое-нибудь новое тактическое положение, выдвигая какую-нибудь новую важную задачу

¹ Теория и практика диалектического материализма. С. 323.

в области строительства советского государства, Ленин всегда заострял, «перегибал» постановку вопроса. Это «заострение объясняется тем, что Ленин, как диалектический материалист, понимал, что новая постановка вопроса не упадет в пустое пространство, а встретится и должна будет вступить в борьбу с противоположной, старой постановкой вопроса. Поэтому новую точку зрения надо снабдить некоей дополнительной энергией, направленной к преодолению старых настроений.

Ленин всегда подчеркивал огромное значение диалектического материализма, марксистской теории для революционной практической борьбы. Вслед за Энгельсом, он признает не две формы борьбы (экономическую и политическую), но наряду с ними выдвигает и третью форму – борьбу теоретическую. Ленин признает чрезвычайную важность защиты позиций ортодоксального марксизма. Он издевается над теми, кто бросается фразами «об окостенении мысли, о догматизме», и провозглашает лозунг свободы критики, означающей не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории.

Роль партии и теория

Важность и исключительное значение теории для партии выдвигается той ролью партии, которую она призвана играть в историческом развитии и в общей системе организаций рабочего класса.

Деятельность партии представляет собою сознательное выражение бессознательного исторического процесса. Партия является сознательным руководителем и организатором масс рабочего класса, стихийно поднимающихся на борьбу с капитализмом. Партия защищает

общие интересы всего класса, она борется за осуществление всемирно-исторической задачи рабочего класса: Роль передового авангарда партия может играть только при том условии, если она вооружена передовой теорией, дающей ей возможность понять динамику общественного развития и уловить «главный интерес» своего класса на каждом новом этапе борьбы. В идеологии партии, в революционной теории находит сознательное выражение стихийной тенденции исторического развития, и рабочий класс в лице партии достигает своего самосознания. Только через партию рабочий класс существует не только «в себе», но и для «себя».

Синдикалисты, не понимающие роль партии, не понимают и важного значения революционной теории. Для синдикалистов естественной и основной формой организации рабочего класса является синдикат, строящийся на основе общности экономического положения. Партия же, как говорят синдикалисты, есть союз идеологический, в который входят не только рабочие, но и члены других классов. Поэтому основной организацией, по мнению синдикалистов, должен быть профессиональный союз, построенный на экономической предпосылке, а не партия, покоящаяся на общности идеологии. В такой постановке сказывается неправильное понимание природы идеологии. Идеология не падает с неба, а вырастает из определенного общественного бытия, появляется на основе определенной экономической предпосылки, связана с определенным общественным классом. Поэтому совершенно нелепо считать идеологию каким-то внеклассовым или межклассовым явлением. Революционная марксистская теория является ни чем иным, как концентрированным выражением основных,

исторических интересов рабочего класса. Этим сказано, что идеология не есть что-то постороннее, не связанное с революционной борьбой рабочего класса, а является активным и необходимым орудием в этой борьбе. «Определенное бытием мышление, в свою очередь, является силой, необходимой для дальнейшего развития бытия. И чем больше развивается бытие, чем выше та ступень, на которую оно поднимается в своем историческом движении, тем необходимее становится для его дальнейшего развития им же определяемое мышление. Особенно важной станет роль определяемого бытием мышления в эпоху перехода от капитализма к социализму»¹. Поэтому правильное представление об общественном развитии, т.е. революционная теория играет активную, важную роль в освободительной борьбе рабочего класса.

Всякое теоретическое извращение и «критика марксизма» неизбежно влекут за собой вредные практические политические последствия. Отказ от революционной теории ведет к тому, что партия сворачивает с пути революционной борьбы и уводит на путь «хвостизма». Без революционной марксистской теории, вместо последовательной коммунистической, существует лишь политика тред-юнионистская.

Важность теории в настоящий момент

Кроме разобранных выше причин, сейчас действует еще целый ряд особых причин, усиливающих важное значение революционной теории.

Новейшая историческая эпоха есть эпоха умирающего империалистического капитализма, своим крахом

¹ Плеханов. От обороны к нападению. С. 347.

подводящего нас к периоду всемирной социалистической революции. Тот факт, что в историческом развитии обозначилась новая эпоха, должен был иметь сильное влияние на дальнейшее развитие марксистской теории. Основу для дальнейшего развития материализма составляют не только великие открытия, составляющие эпоху в естествознании, но «с тех пор, как стали рассматривать с материалистической точки зрения историю, здесь также прокладывается новый путь для развития»¹. Новая историческая эпоха должна была быть объяснена с точки зрения диалектического материализма. Но этого мало. Охватывая методом диалектического материализма новую эпоху всемирной истории, необходимо было, вместе с тем, выработать стратегию и тактику пролетарской революции, ибо в эту эпоху более, чем когда-либо недостаточно только объяснять мир, а необходимо заняться его изменением.

Ленин отстоял и защитил метод диалектического материализма от извращений, порождавшихся глубоким кризисом современного естествознания и оппортунистической эпохой II Интернационала. Пользуясь методом диалектического материализма, очищенным от извращений, типичных для теоретиков II Интернационала, Ленин создал последовательную марксистскую теорию и практику эпохи краха капитализма и социалистической революции. Это дальнейшее развитие марксизма, перерастание марксизма в ленинизм, есть ни что иное, как диалектически-материалистическое выражение объективно-материального процесса перерастания одной исторической эпохи в другую.

¹ Энгельс. Людвиг Фейербах. С. 15.

Когда история начинает давать богатый питательный материал для развития революционной теории, вместе с тем, возникает и почва для всякого рода «упрощенства» и вульгаризации. Сколько, например, говорится и пишется вздора о ленинизме и соотношении ленинизма к марксизму. Некоторые думают, что ленинизм есть простое осуществление марксизма на практике. Такая постановка вопроса, противопоставляющая теорию практике, совпадает с настроениями наших «упразднителей теории». У нас существует целая группа товарищей, которая, под предлогом «педагогических новшеств», всеми силами старается растворить теорию в практике. Это ни что иное, как непонимание диалектического единства теории и практики. Уничтожив марксистскую теорию, им приходится хвататься за голые факты эмпирической действительности и отказаться от понимания внутренней закономерности явлений. Вместо раскрытия внутренней сущности явлений, они останавливаются на их внешней видимости¹.

На Западе, где сейчас коммунистические партии проходят период обобщения и осознания революционного опыта 1918–1919–1920 гг. и укрепления своих организационных основ, мы замечаем явления обратного порядка.

Понимание взаимоотношения теории и практики, которые мы находим у Лукача и Корша, выражается в растворении практики в теории. Лукач основной категорией диалектического метода считает единство теории и практики. Диалектика по Лукачу приложима только к общественной исторической действительности, но ни в коем случае не к природе.

¹ См., напр., книгу Гожанского «Очерки политической экономики».

Единство теории и практики понимается Лукачем в смысле гегелевского единства теоретического и практического, дающего абсолютную идею. Поэтому у Лукача получается уклон в сторону субъективизма, идеализма. Лукачи́зм есть философское выражение «левого» коммунизма. Это становится понятным, если статью тов. Лукача, написанную им в 1921 г. в № 6 журнала «Интернационал» (центральный орган германской компартии) на тему «Стихийность массы и активность партии», поставить в связь с его философскими взглядами. В этой статье тов. Лукач ставит вопрос об обосновании особой «наступательной тактики». Вопрос о стихийности и сознательности Лукач решает не диалектически, как это делает Ленин, а впадает в субъективизм. Для Лукача соотношение экономики и идеологии в эпоху краха капитализма принципиально отличается от их соотношения в период нормального капиталистического развития. В период краха капитализма мы, по мнению Лукача, начинаем делать прыжок из царства необходимости в царство свободы, в том смысле, что идеология начинает господствовать над экономикой. Стихийное массовое рабочее движение показало свою границу и оказалось неспособным свалить капитализм, и поэтому партия, независимо от этого движения, должна начинать революционное наступление. К этому, в сущности, сводится вся «теория наступательной тактики» Лукача, которая и получает философское обоснование в его философских построениях. Замена практики теорией, отрыв закономерности развития самосознания рабочего класса от общей закономерности исторического развития, что имеет место у Лукача, является субъективистским философским обоснованием, субъективистской тактики «левого ребячества».

С подобного рода теоретическим ревизионизмом, возникающим из неверного обобщения и осмысливания революционного опыта рабочего движения, необходимо повести самую решительную борьбу, иначе он может причинить много практического вреда. Вместе с тем, надо подойти к последовательному обобщению этого практического опыта с точки зрения ортодоксального марксизма-ленинизма. Это ставит перед нашей партией, как авангардом Коммунистического Интернационала, трудные и большие теоретические задачи. Вопросы теории получают особенное значение для нашей партии еще потому, что беззаботность в теории к непониманию общих тенденций нашего развития, к утрате перспективы. Копание в голых эмпирических фактах, не освещаемых светом марксистской теории, дает основу для того, чтобы поскользнуться в своей практической работе и покатиться в сторону классового врага.

Борьба с теорией, растворение ее в стихийности практики, в наших условиях имеет только один социально-классовый смысл: содействие внедрения в наши ряды мелкобуржуазной и буржуазной идеологии. Только диалектическое единство «практической теории» и «теоретической практики» дает возможность предвидеть все изгибы и повороты на пути нашего движения к коммунизму и предохраняет нас от опасностей идеологического перерождения.

Вооружить партийный актив методом Маркса и Ленина, возбудить активность коллективной теоретической мысли – это важная практическая задача, которую партия поставила перед собою и которую мы во что бы то ни стало должны решить достаточно энергично и решительно.

О том, как т. Степанов заблудился среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса

Введение

В 14-ом номере «Большевика» напечатан ответ тов. Степанова на мою рецензию, в котором он выражает большое удивление и недоумевает по поводу того, что на его ошибки было обращено такое «исключительное внимание».

Но это недоумение у Степанова означает только то, что он считает совершенно непонятным, как это какой-то Стэн имеет право говорить об его ошибках.

Поэтому Степанов, узрев такой возмутительный факт, принимает высокомерно-воинственную позу, подбирает в своем голосе генеральскую ноту и открывает против меня уничтожающий военный поход.

Но я был бы неточен в характеристике военных приемов и родов оружия, употребляемых Степановым, если бы сказал, что он только рассуждает «генеральским басом». Нет, он делает не только это.

Он выступает перед нами в разноцветном костюме, сшитом из наспех надерганных цитат и старается уверить читателя в том, у что не он Степанов – «начетчик» от марксизма, а что таковым является Стэн, механически употребляющий слова Энгельса.

Это, тов. Степанов, старый и избитый прием, кричать о другом, когда у самого «горит».

Теперь мы постараемся заняться тем, как тов. Степанов в отдельных случаях употребляет свое оружие.

1. Существует ли марксистская философия?

Тов. Степанов, стараясь во что бы то ни стало защитить свой ложный тезис об отсутствии марксистской философии, безжалостно запутал вопрос.

Я в своей рецензии указал на то, что Степанов неправильно отождествляет марксистскую философию с современным естествознанием и дает неверное определение марксистской философии, как совокупности «последних и наиболее общих выводов современной науки».

В своем ответе на мою рецензию тов. Степанов старается полностью защитить свой ход мыслей, развитый по этому вопросу в послесловии к книжке Гортера. Степанов доказывает, что марксистская философия, с одной стороны, есть последние, наиболее общие выводы науки, а с другой стороны, что марксистская философия совсем и не существует.

Конечно, если марксистская философия тождественна с современным естествознанием, то может быть только один последовательный вывод, что марксистской философии нет. Но последовательность ведь для тов. Степанова необязательна и она невыгодна, когда хочешь защитить во что бы то ни стало безнадёжный и явно запутанный тезис. Поэтому Степанов, ради того, чтобы защитить, в полном объеме, свой первоначальный тезис, выдергивает цитаты из Маркса, Энгельса и Плеханова, которые с одной стороны должны доказать отсутствие марксистской философии, а с другой стороны, превратить ее в сумму выводов, отдельных наук.

Ведь вы, тов. Степанов, этим сами доказали только то, и в этом главная заслуга вашей статьи, что способом

выдергивания цитат, методом «цитатного мышления» ясности в этом коренном вопросе достигнуть нельзя.

В моменты, когда тов. Степанов чувствует благоприятное расположение духа и благоизволит признать существование марксистской философии, он считает ее совокупностью общих выводов наук. Но такая философская «ветренность» и легкомыслие ведет тов. Степанова прямо от отрицания марксистской философии в царство плоских и избитых определений философии буржуазными философами.

Ведь, так называемая, буржуазная «научная философия», тоже, тов. Степанов, не признает самостоятельной области философствования, отрицает специфические философские методы исследования¹, и считает своей задачей, как это прямо говорит Вундт, соединение всех данных, добытых отдельными науками в одно целое². Для Огюста Конта философия есть «общая система человеческих знаний». Спенсер называет философию «вполне объединенным знанием».

Выходит, что в моменты благодушия, тов. Степанов определяет философию по Конту, Спенсеру и Вундту.

Ну, что ж, мы против этого ничего не можем иметь. Ведь всякий волен определять философию, как ему заблагорассудится. Но все дело заключается в том, что тов. Степанов это называет марксистской философией и всеми силами старается приписать такое понимание Марксу и Энгельсу. Но с этим мы уже ни в коем случае не можем согласиться, и считаем нужным возражать самым категорическим образом.

¹ *Навиль*. Определение философии.

² *Вундт*. Система философии.

Для того, чтобы не уподобиться тов. Степанову и не заняться выдергиванием цитат, а понять характер развития философии, уяснить переход одного этапа философии в другой, необходимо остановиться на главных решающих фазах философского развития, хотя бы в истории новой философии. Только такая постановка вопроса может помочь нам выяснить, каковы те задачи, которые были переданы в руки марксистской философии историческим развитием философской мысли и чем является марксистская философия по отношению к отдельным научным дисциплинам.

Мы здесь не сможем остановиться на рассмотрении того, как это философское развитие включается в процесс общего исторического развития и определяется в своем движении развитием общественного бытия. Поэтому, пусть тов. Степанов не начинает кричать о том, что у меня вместо материализма получается какое-то «саморазвитие духа», как это он делает относительно кратко обзора истории материализма в моей рецензии, приведенного для того, чтобы показать, чем отличается по своей природе диалектический материализм от форм материализма, ему предшествовавших.

Тов. Степанов в этом ничего не понял. Но на этом мы остановимся в дальнейшем, когда будем говорить о механическом понимании природы.

Если мы посмотрим на развитие философии в новое время с точки зрения смены функций и задач, принадлежавших философии в разные периоды, то нам придется отметить три фазиса развития философии. Это – фазис метафизики, фазис гносеологический и фазис методологический.

Первый фазис характеризуется расцветом метафизики, которая находится в прислужничестве у религии и заимствует свое содержание у схоластики. Предметом

метафизики являются готовые, абсолютные, заранее данные предметы. Метафизика, как выражался Гегель, «размышляла о предмете внешним образом, потому что находила определения (сказуемое) готовыми в сознании и извне переносила на предмет».

Догматическая метафизика воображала, что она познает последние сущности действительности, а в самом деле навязывала действительности фантастические, несуществующие вещи, порожденные определенным социальным строем.

Рост и развитие нового общественного класса, класса буржуазии подрывало основы метафизики и религии, освящавшие старые общественные отношения и для того, чтобы «сокрушить религию а догматическую метафизику в их основании»¹, как на это правильно указывает тов. Деборин, буржуазная философия выступила в форме критики способностей человеческого разума, в форме гносеологии.

Это, конечно, не мешало Канту, вследствие определенных исторических условий, сочетать веру и науку. Эта же революционная роль, сыгранная гносеологическим принципом, не помешала ему превратиться в принцип реакционный.

Основной идеей гносеологии является идея о том, что для того, чтобы познавать, необходимо сперва поставить вопрос о возможности познания вообще, о пределах человеческих познавательных способностей.

Кант создал два метафизических друг другу противопоставленных мира, мир «вещей в себе» и мир явлений, мир непознаваемый и мир познаваемый.

¹ *Деборин*. Маркс и Гегель // Под знаменем марксизма. 1923. № 10. С. 7.

Человеческое сознание у Канта приняло абсолютные неподвижные формы, которые навязывают закономерность природе.

К решению гносеологической проблемы Кант подошел метафизически, абстрактно-теоретически.

Гегель первый подверг критике гносеологический принцип. Гегель указал на то, что сама постановка вопроса о необходимости исследовать способности познания перед тем, как приступить к познанию, заключает в себе внутреннее противоречие. Природа познания может быть раскрыта только ее деятельностью. «Хотеть знать, прежде чем приступить к познанию, это так же нелепо, как и умное намерение того схоластика, который хотел выучиться плавать, прежде чем идти в воду»¹.

Гегель правильно подмечает, ибо уже в его время гносеологический принцип начал становиться принципом реакционным, что «то, что называется страхом перед заблуждением, скорее познается, как страх перед истиной»².

Гносеологический принцип, сыгравши свою революционную роль, начал культивировать «страх перед истиной».

Гегель решительно порывает с кантовским, метафизическим, абстрактно-теоретическим подходом к решению вопроса о возможности объективного познания. В своей «Феноменологии духа»³ он становится на пути

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. 1861. С. 12.

² Гегель. Феноменология духа. 1913. С. 36.

³ Тов. Степанову, так остроумно издевающемуся над ученическими тетрадами, не мешало бы обязательно с тетрадами в руках изучить это изумительное сочинение. Вообще изучение Гегеля могло бы тов. Степанова предостеречь от тех невероятных несуразностей, которыми полон его ответ.

исторического понимания человеческого сознания. А вопрос о возможности объективного познания Гегель решает под углом зрения всемирно-исторической практики человечества.

Формы сознания развиваются вместе со всеми остальными сторонами общественной жизни. Вместе с тем отрицается абсолютность и неподвижность форм сознания. Само выступление науки на историческую сцену, ее развитие от незнания к знанию, от ложного знания к истинному знанию, доказывает несостоятельность всех сомнений относительно возможности познания.

Диалектический, исторический подход к проблеме познания разрушает гносеологический принцип и превращает теорию познания в историю познания, вскрывающую возможность познания на основе всемирной истории человечества.

Гегелевская критика гносеологии открывает новый фазис в историческом развитии философии. Главной положительной задачей философии становится выработка методологии науки или, как выражается Гегель, «науки логики». Решением этой задачи и занимается «наука логики» Гегеля. В этом сочинении Гегель разбирает все основные категории диалектического метода. Конечно, они одеты у Гегеля в идеалистические одежды, очень часто сияют мистическим светом, и переход одной категории в другую часто совершается совершенно произвольно путем разных словесных комбинаций. И задача изучения Гегеля, как на это правильно указывает Энгельс в своем письме к Конраду Шмидту¹, вовсе не заключается в том, чтобы по-школьному раскрывать эти

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Письма. М., 1923. С. 321.

словесные передержки и по поводу них писать глубоко-мысленные рассуждения. «Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное»¹.

В «Анти-Дюринге» Энгельс указывает на то, что диалектические законы, которые проявляются в человеческой истории и природе и постепенно уясняются сознанием мыслящего человека впервые были развиты широко, но в мистической форме Гегелем, и которые извлечь из этой мистической формы, ясно представить во всей их простоте и всеобщности было одним из наших стремлений².

Основоположники научного коммунизма прекрасно понимали, что, несмотря на то, что Гегель был идеалистом, он очень много и основательно поработал в деле разработки диалектического метода.

Таким образом, мы видим, что философия, превратившись из гносеологии в методологию науки, сосредоточивала свое внимание на выработке диалектического метода, вместе с тем, конечно, не отбрасывая формальной логики.

Маркс и Энгельс как раз и продолжают эту тенденцию философского развития. Они превращают идеалистическую диалектику в материалистическую и этим порывают с теми непоследовательностями и противоречиями, которые вытекают у Гегеля из его абсолютного идеализма. Философия Гегеля хотела дать не только формулировку диалектического метода, но и систему абсолютного знания. Поэтому, как правильно указывает

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Письма. М., 1923. С. 321.

² Энгельс. Анти-Дюринг. СПб., 1907. С. 6.

Энгельс, она впадала в неразрешимое внутреннее противоречие¹. С одной стороны она признает человеческую историю развивающимся процессом, который не может завершиться в сфере человеческого знания открытием абсолютной истины. Но с другой стороны, система претендует на то, что в ней заключается абсолютная истина. Но такого рода система абсолютного знания находится в явном противоречии с диалектическим методом.

Маркс и Энгельс, выработав метод материалистической диалектики и рассматривая с его точки зрения все явления природы и человеческой истории в их взаимной связи и развитии, признали ненужность философских систем. И в этом заключается дальнейший последовательный шаг превращения философии, выступавшей в форме гносеологии философских систем, которые присущи философии на всех стадиях ее домарксистского существования, в методологию науки.

До выступления на историческую сцену материалистически-диалектического метода, выясняющего действительную связь между всеми процессами природы и истории, философские системы обязаны были сшивать идеалистическими, фантастическими витками в одно целое разорванные части действительности. Но если материалистически-диалектическое исследование внутри самих положительных наук вскрывает реальное превращение одних процессов в другие, то с полной очевидностью обнаруживается идеалистическая сущность и ненужность философских систем.

Вес заявления Маркса и Энгельса относительно того, что философия отрицается, что философия ста-

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. СПб., 1907. С. 17.

новится ненужной, имеют только тот смысл, что уничтожается философия как особая система, стоящая над отдельными науками. Об этом Энгельс недвусмысленно заявляет, как в «Анти-Дюринге», так и в своем «Людвиге Фейербахе». И только тов. Степанов, не понимающий смысла тех цитат, которые им приводятся, может на этом основании отрицать марксистскую философию, конечно, для того, чтобы в следующую минуту перейти к ее утверждению в форме общих выводов науки. Нашего оскорбленного рыцаря губит гневная страсть. Он начинает забывать, что мало выразить чувство обиды, а надо связно доказывать.

Этот разрыв с философией, как с системой, Энгельс в особенности подчеркивает потому, что в этом заключается тот новый шаг, который завершил процесс превращения философии в методологию. Критика гносеологии и прекращение философии в методологию были начаты Гегелем, но он остановился на полпути. Его дело завершил Маркс и Энгельс.

Что марксистская философия не может быть рассматриваема, как теория познания в обычном смысле этого слова, на это правильно указывает тов. Деборин в следующих словах: «Значение диалектики, как методологии, противопоставляемой теории познания сознавалось в полной мерз основоположниками марксизма и наиболее крупными его представителями»¹. В самом деле, стоит только вспомнить второй тезис Маркса о Фейербахе, в котором он заявляет, что вопрос об истинности мышления решается не теоретически, а практически, чтобы

¹ Деборин. Маркс и Гегель // Под знаменем марксизма. 1923. № 10. С. 5.

ясно заметить противоположность марксистского решения вопроса о возможности подначил решению гносеологическому.

Поэтому процесс философского развития, который выдвинул марксистскую философию, надо понимать в том смысле, что философия в форме гносеологии (употребляя это слово в конкретном историческом смысле) и систем была отменена и обнаружила в лице марксистской философии свой реальный смысл существования, в форме методологии науки. Что Энгельс говорит не только об устранении философии в вышеуказанном смысле, но и об ее сохранении, этого могут не заметить только такие беспочвенные высокомерные люди, как тов. Степанов.

«Философия, таким образом, “устранена”, т. е. одновременно превзойдена и сохранена, превзойдена формально, сохранена в смысле реальности содержания»¹.

Поэтому еще раз осмеливаюсь посоветовать тов. Степанову основательно изучить вопросы марксистской философии, а потом только об них рассуждать, иначе кроме конфуза ничего не получается.

Но как же быть, спросит все же читатель, с теми заявлениями, которые можно иногда встретить в нашей среде и в которых марксистская философия именуется мировоззрением. Этому допроса нам надо коснуться для того, чтобы рассеять ту путаницу, которую создал тов. Степанов, понимая марксистскую философию, как совокупность общих выводов науки. Энгельс прямо говорит, что мировоззрение не может существовать помимо отдельных наук, что оно ищет своих доказательств и

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. С. 9.

проявляется не в особой науке наук, а в самых реальных науках¹. Поэтому марксистская философия не может быть особой наукой о мировоззрении, но как особая самостоятельная наука (именно наука, тов. Степанов, но наука, не сливающаяся с науками о природе и истории), существует в виде учения о формальной логике и диалектике, т. е. в виде методологии², логики науки. Поэтому мировоззрением можно назвать не марксистскую философию, а весь марксизм в его совокупности, стремящийся понять мир, как единый реальный процесс диалектического развития.

Но становление сознательно-диалектических положительных наук, выясняющих не только связь явлений в своей сфере, но и раскрывающих свое положение по отношению общей связи явлений, есть процесс противоречивый и длительный.

Современное естествознание разрабатывается учеными, связанными с интересами буржуазии – господствующего класса капиталистического общества – и поэтому враждебно настроенными к диалектическому материализму. Диалектический материализм только стихийно прокладывает себе путь в современном естествознании. Поэтому отдельным марксистам приходится как бы извлекать из отдельных наук частные данные и давать им материалистически-диалектическое освещение. Но в этом только проявляется активная роль марк-

¹ *Энгельс. Анти-Дюринг. С. 114.*

² Диалектическая логика, конечно, не может быть противопоставлена действительности, а сама является выражением основных закономерностей действительности. Диалектика утверждает единство сущности и явления, формы и содержания, метода и действительности.

систской философии по отношению к современному естествознанию. Диалектический материализм стремится стихийно-диалектические настроения естествознания поднять до уровня сознательности, старается воспитать в естественных науках диалектическое самосознание.

Это выделение и диалектическое освещение отдельных данных из наук, сейчас разрабатываемых буржуазными учеными, только выражает собою процесс противоречивого становления сознательно-диалектических наук в антагонистическом классовом обществе. Поэтому такого рода работа не может быть понята, как работа создания марксистской философии в виде общего мировоззрения, возвышающегося над науками, а это есть работа «диалектизации» наук.

Степановское пассивное объединение в марксистскую философию общих выводов науки даже не выражает и ни в коей мере не передает этого действительного процесса активного воздействия метода материалистической диалектики на современное естествознание.

Энгельс прекрасно понимал и выпукло подчеркивал сознательную активную роль Марксистской философии по отношению к естествознанию. «Во всяком случае, – пишет Энгельс, – естествознание подвинулось так далеко, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения. Но оно облегчит себе этот процесс, если не будет забывать, что результаты, которыми обобщаются данные его опыта, суть понятия, и что искусство оперировать с понятиями не врожденно и не дается обыденным, повседневным сознанием, но требует действительного мышления, которое так же имеет за собой долгую эмпирическую историю, не более ни менее чем эмпирическое естествознание. Усвоивши себе результаты длящегося

три с половиной тысячелетия развития философии, оно, с одной стороны, избавится от всякой особой, вне его и над ним стоящей натур-философии, с другой – от собственного ему, заимствованного от английского эмпиризма ограниченного метода мышления»¹.

Мы видим, таким образом, что марксистская философия существует, и что тов. Степанов, приводящий цитаты, якобы отрицающие существование марксистской философии, ничего не понял в смысле этих цитат. С другой стороны, марксистская философия не имеет ничего общего с степановскими «общими выводами наук»².

II. Диалектический материализм и механическое понимание природы

К решению вопроса о том, совместим ли диалектический материализм с механистическим пониманием природы, тов. Степанов подходит тоже на основе цитат.

Вытащив нужное количество цитат, он весьма «авторитетным басом» заявляет, что Стэн некстати повторил оценку Энгельсом механического материализма, и не понял того, что на основе этой оценки нельзя критиковать современного механистического понимания природы. Ведь, говорит Степанов, с веселым и победоносным

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. С. 9.

² Гносеология марксистской философией отрицается диалектически и поэтому включается в учение о диалектике. По этому поводу тов. Ленин пишет: «А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегеля, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию». (Ленин. Сочинения. М., 1924. Т. XII. Ч. II. С. 323).

видом, свою историю имеет не только материализм, но и понятие механического. Совершенно правильно, тов. Степанов. Но если вы такой «разумный» человек, то почему же вы не могли понять того, о чем у меня шел разговор?

Ведь краткий обзор истории материализма в новое время мною был приведен для того, чтобы показать, каким образом отдельные формы додиалектического материализма, основываясь не на изучении всей действительности, а на изучении какого-нибудь частного вида процессов, хотели схемой, полученной на основе изучения части действительности, охватить всю действительность. Диалектический же материализм уничтожил эту ограниченность прежних форм материализма и покоится, как я указал в своей рецензии, на изучении всей природы и человеческой истории. Диалектический материализм рассматривает природу и человеческую историю, как единый процесс развития. И поэтому именно, тов. Степанов, что диалектический материализм изучает всю природу и человеческую историю в непрерывности и прерывности их развития, нельзя исчерпать всю действительность механическим процессом, являющимся только частным видом физических процессов. И оттого, что меняется наше представление и углубляется наше знание о механическом процессе, он все-таки не становится всеобщим, всеисчерпывающим процессом.

Но тов. Степанову угодно заявить, что под механистическим пониманием природы надо понимать, «что виды энергии, действующей в живой природе, признаются теми же самыми видами ее, которые действуют в неживой природе» (Большевик. 1924. № 14. С. 85).

«Для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно, как механическое понимание, т. е. как сведение всех процессов природы исключительно к действию и превращению тех видов энергии, которые изучаются физикой и химией» (Там же).

В этом и сказывается, тов. Степанов, ваше непонимание методологии диалектического материализма и диалектической природы современного естествознания. У вас все спутано вместе, и механический и физический и химический процесс. Понимание качественной определенности этих процессов недоступно для вас. Исходя из вашей перекраски физико-химических процессов в механический цвет, нельзя никак понять внутреннего процесса развития современной физики. Физика делилась в основном на три главных отдела: механику, электродинамику и термодинамику. Может быть и тов. Степанову не безызвестно, какими трудностями и противоречиями полон путь объединения современной физики в единое здание, не на основе механики, а на основе электродинамики¹. Если все физико-химические процессы растворены в механическом, то никаких затруднений сведения в области физико-механических наук не должно было существовать. Под механическим мировоззрением, как на это указывает Планк, надо понимать мирозерцание: «согласно которому все физические явления могут быть сведены без остатка к движению неизменяемых ма-

¹ Электродинамика в новом виде конечно теряет черты противопоставлена механике, так как сама включает в себе механику, как частный случай.

териальных точек и однородных элементов»¹. Короче говоря, механически понимать физические процессы, значит свести их все к процессу механическому. Но когда мы ставим вопрос о биологических и психических явлениях, то можем ли мы сказать, что их можно без промежуточных звеньев свести непосредственно к механическому процессу? Можно ли биологический и психический процессы объяснить, исходя из количественных изменений в разных направлениях однородной материальной точки, без учета действия новых качеств, возникающих в процессе развития природы на промежуточных ступенях между механическим и биологическим и психическим процессами. Иначе говоря, возможно ли прямое механическое объяснение биологических и психических процессов. Дает ли в своем развитии природа непосредственный скачок от механического к биологическому и психическому процессам или же они отделяются и связываются целой сетью скачков. Здесь мы подходим к вопросу о соотношении количественного и качественного исследования природы.

В этом вопросе у тов. Степанова тоже невероятная путаница. У него существуют две версии. Первая заключается в том, что с материалистической точки зрения можно говорить только о количественном исследовании действительности. С одной стороны, количество и метод объяснения, а с другой стороны, качество и метод описания. Противоположность между качественной и количественной точкой зрения есть противоположность между

¹ Планк. Отношения новейшей физики к механическому мировоззрению. 1911.

материализмом и феноменализмом. Кто хочет говорить о качественном моменте исследования природы, того тов. Степанов со свойственным ему высокомерием без колебаний отсылает к Маху, Гольму и Оствальду¹.

Но тов. Степанову подвернулась другая цитата, и он сразу начал проповедовать другой взгляд на качество. Он приводит цитату из Энгельса о том, что с тех пор, как узкое отрицательное выражение закона сохранения энергии заменилось его положительным выражением – превращением энергии, представилась возможность подчеркнуть качественный характер процессов.

И вот, процитировав Энгельса, Степанов начинает говорить о том, что он ведь, в сущности, говоря о превращении различных видов энергии, и подчеркивал качественную сторону процессов природы.

Тов. Степанов, Вы наверное очень веселый человек и любите смешить народ, но нельзя быть все-таки столь беспощадным по отношению к читателям. Ведь никак нельзя знать, когда вы говорите правду. Тогда ли, когда абстрактно противопоставляете количество и качество, или когда признаете возможным считаться с качественной стороной процесса. И становитесь ли вы махистом в тот момент, когда заговариваете или приводите цитату о качественной стороне процесса. Как же быть тов. Степанов? Можно ли говорить о качественном моменте в исследовании природы с точки зрения диалектического

¹ Ссылка на т. Деборина сделана совершенно некстати. Степанов не понял, для чего и когда Дебориным была дана такая формулировка в борьбе с феноменализмом. Т. Деборину как раз принадлежит заслуга подчеркивания качественного момента, конечно, понимаемого диалектически, а не феноменалистски. См.: *Деборин*. Маркс и Гегель // Под Знаменем Марксизма. 1924. № 3.

материализма, или же это воспрещается под страхом немедленной ссылки в царство махистов? И если можно, то чем отличается качество, диалектически понимаемое, от качества феноменалистского, ну скажем, хотя бы от качества, так называемой, энергетической физики. Ведь всех этих вопросов вы, тов. Степанов, не ставите и вместо этого приводите несколько цитат, плохо вами понятых и среди которых вы безнадежно запутались.

Так бывшее с вами, тов. Степанов, в вопросе о понимании марксистской философии, то же самое имеет место у вас и в вопросе о соотношении количественного и качественного исследования природы.

Да, воистину, веселый вы человек! Если мы до сих пор имели старую и веселую историю о том; как некто заблудился среди трех сосен, то вы, тов. Степанов, позаботились о том, что теперь мы имеем новейшую и веселейшую историю о том, как человек, желающий считать себя диалектическим материалистом, заблудился, в буквальном смысле этого слова, среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса.

Оставляя в стороне путаницу тов. Степанова, мы все-таки постараемся вкратце остановиться на том, в каком смысле надо понимать качественную сторону процессов природы с точки зрения диалектического материализма.

В введении «к критике политической экономии» Маркс говорит о пути усвоения и познания человеческой мыслью действительности и разбирает вопрос о соотношении конкретного и абстрактного в методе познания.

«Конкретное, – пишет Маркс, – потому конкретное, что оно включает в себе множество определений, явля-

ясь единством в многообразии. В мышлении оно выступает, как процесс соединения, как результат, но не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления»¹. «Первое конкретное», выступающее в нашем наглядном созерцании, чтобы быть познанным должно быть разложено на абстрактные категории. Для того, чтобы получить второе «познанное конкретное», необходимо из абстрактных определений вновь восстановить разложенную действительность.

Вопрос о соотношении конкретного и абстрактного есть только более общая постановка вопроса о соотношении качества и количества.

Если мы возьмем естественнонаучное исследование, то мы увидим, что первой стадией исследования является определение качественной связи между изучаемыми факторами природы.

Потом наступает стадия установления количественных отношений между изучаемыми величинами. После установления количественных связей и эмпирических правил наступает, как выражаются естествоиспытатели, стадия теоретического объяснения явлений. На этой ступени естествоиспытатель старается построить модель или схему явлений, исходя из которой, он мог бы математически точно получить не только данные, добытые уже экспериментатором и для объяснения которых построена схема, но и предсказать новые виды данного рода явлений, до сих пор не наблюдавшиеся. В этом кратком описании естественнонаучного исследования

¹ Основные проблемы политической экономии. 1922. С. 25.

мы можем наблюдать переход от качества к количеству и от количества к качеству. В результате мы получаем познанные, а изученные явления, которые есть единство качества и количества – мера. Но это есть процесс познания и усвоения нами рассматриваемых явлений, это есть процесс исследования данной меры, но не есть процесс ее действительного возникновения. Когда мы говорим о переходе количества в качество в действительном развитии мира, то мы должны иметь в виду не абстрактные количественные изменения неизвестно чего-то, а количественные изменения качественной величины – меры, дающие, как говорит Гегель, «специфические различия». Переход количества в качество является узловой линией отношения мер. При переходе количества в качество происходит превращение одной качественной величины в другую качественную величину.

И когда мы исследуем и стараемся объяснить, скажем, психические явления, то не совсем безразлично, где мы ищем той меры, на количественные изменения которой мы хотим свести психический процесс. Одинаковые количественные изменения различных мер дают различные качества.

Развитие природы и заключается в том, что количественные изменения определенной меры путем скачка дают новую меру нового качества, количественные изменения которой опять дают новую меру нового качества и т.д. Поэтому вовсе нельзя сказать, что все качества природы могут быть непосредственно сведены к движению материальной однородной точки. Все многочисленные качества мы можем объяснить только тогда, когда учтем все те многочисленные скачки, поворотные переходы количества в качество, которые отделяют од-

народную материальную точку от сложного процесса развития природы. Поэтому и задача исследования, задача науки вовсе не может заключаться в том, чтобы все наличные различия свести к абстрактным тождествам, а в том, чтобы раскрывать решающие поворотные переходы количества в качества в процессе развития, природы, чтобы уяснить процесс и законы развития природы. Это достигается сочетанием аналитического и синтетического и единством количественного и качественного исследования мира.

Мы видим, что диалектически понимаемое качество не есть нечто независимое от количества, а существует только в единстве с количеством и возникает, как результат количественных изменений качественной величины.

Тов. Степанов, по-видимому, представления не имеет о том, что Маркс применяет категорию меры. Ведь тов. Степанов полон высокомерия и поэтому не смог у Маркса приметить такой скромной вещи, как категория меры¹. Это незнание и непонимание категории меры заставило Степанова противопоставить количество качеству. Конечно, качество энергетической физики не имеет ничего общего с диалектически понимаемым качеством. Качество Маха, Оствальда и Дюгема, есть качество несводимое, качество рассматриваемое, как самостоятельная индивидуальность. Поэтому и энергетическая физика приходит к методу чистого описания.

¹ Рекомендуем т. Степанову изучить „Капитал” Маркса не только, как экономическое и историческое сочинение, но и как сочинение, дающее ценнейшие указания по вопросам марксистской методологии.

Диалектический материализм, признавая единство количественного и качественного исследования природы и разлагая при объяснении данной группы явлений их качество на количественные изменения вместе с тем требует найти меру сводимости данных явлений. Поэтому диалектический материалист в понимании природы может стоять только на диалектически-материалистической точке зрения, а не на точке зрения механической, которая сводится к голому количеству.

Цитаты, приводимые тов. Степановым из отдельных естествоиспытателей в пользу того, что единственным плодотворным методом исследования является метод механистический, каузально-аналитический, только доказывает, что он не понимает того, что исследование сводится не только к анализу, не только к изображению сложных биологических процессов в схемах и моделях механических процессов, задача заключается в раскрытии действительного перехода не механических, а физико-химических процессов в органические.

Сведение даже в пределах физико-химических наук сейчас не обязательно к механическим явлениям. Это сведение на механические процессы в пределах физико-химических наук получило большие затруднения со стороны проблемы эфира и со стороны всего движения, сейчас совершающегося вокруг принципа относительности Эйнштейна¹.

Но мы здесь не можем останавливаться на конкретном рассмотрении диалектических связей отдельных процессов исследуемых современным естествознанием.

¹ См.: *Планк*. Отношение новейшей физики к механическому мировоззрению; *Эйнштейн*. Эфир и принцип относительности.

Сказанного достаточно для того, чтобы понять разницу между диалектическим и механическим пониманием природы. Но тов. Степанов ведь и не хочет быть диалектическим материалистом¹. Он прямо заявляет, что «заботливое отмежевание от «механического материализма» опять способно увести мысль читателя не в надлежащую сторону, скрыть от него действительное соотношение между историческим материализмом и современным естествознанием»².

Тов. Степанов, вами сведены воедино все «изумительные мысли вашего послесловия. Ведь вы во всем своем послесловии не ставите вопроса о соотношении диалектического материализма и современного естествознания, а ставите только вопрос о соотношении исторического материализма и естествознания. Для вас существует только, с одной стороны, механическое пони-

мание природы, которое и вы именуете «механическим материализмом», а с другой стороны исторический материализм. Марксистская философия в виде методологии вами выкинута за борт. И вам приходится или признать «методологический дуализм», механистическое объяснение для явлений природы и диалектическое для общественных процессов, или же последовательно перейти и к механическому объяснению общественной жизни. Выбирайте или механистическую последовательность или начинайте питаться жиденькой кашей эклектики. Третьего пути не дано. Поздравляем, тов. Степанова с переходом на новый вид пищи!

¹ Совершенно напрасно тов. Степанов в защиту своего механистического взгляда ссылается на тов. Ленина. В главе «Энергетика процессов природы» в своей книге «Об электрификации» тов. Степанов рассматривал, главным образом, те превращения видов энергии, на которых покоится современная техника, и не развивал своей широкой «механистической философии». Задачей Степанова не было изложение диалектики современного естествознания. А для пропаганды даже простое изложение старой механики имеет крупное значение. Тем более, что механика, получая новое теоретическое освещение, сохраняет свою практическую применимость. Ведь тов. Ленин создавал важное значение старого материализма для антирелигиозной пропаганды. Тов. Степанов же решил во все трудные минуты своей жизни ссылаться на похвалу Владимира Ильича, данную им по определенному поводу. Но и скромный же человек, этот тов. Степанов.

² *Гортер*. Исторический материализм. Послесловие Степанова. С. 167.

**Выступление в прениях по докладу И. Степана
нова «Что такое политическая экономия?».
31 января 1925 г.**

Основной методологический вопрос заключается в том, чтобы осветить с точки зрения диалектического материализма соотношение исторического и логического. В этом отношении тов. А. Ф. Кон ухватил вопрос за «живое», и мне придется непосредственно его продолжать. Тов. Кон говорил, что нельзя излагать марксистскую теорию политической экономии в порядке исторического развития отдельных категорий. Отдельные категории, входящие в состав капиталистического общества, как элементы, конечно, существовали раньше. Маркс этот вопрос точно и недвусмысленно ставит во «Введении» к «Критике политической экономии», имеющей непосредственное отношение к обсуждаемому нами вопросу. Маркс спрашивает: «Не имеют ли эти простейшие категории независимого исторического или естественного существования раньше более конкретных?» На этот вопрос он отвечает, что «деньги могут существовать и существовали исторически раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т.д. С этой стороны можно сказать, что простейшая категория может выражать собою господствующие отношения неразвившегося целого, которые уже существовали исторически раньше, чем целое развилось в том направлении, которое выражает конкретная категория. Постольку законы абстрактного

мышления, восходящего от простого к сложному, соответствуют и действительному историческому процессу». Простейшая категория, встречающаяся в более ранних общественных формациях, свой специфический смысл, свое конкретное выражение находит только в развитом товарно-капиталистическом обществе. Если в известном относительном смысле можно говорить о соответствии исторического порядка развития отдельных категорий, их логической связи в развитом капиталистическом обществе, то категории, выражающие его отношения, могут служить в некоторой степени ориентирующим началом для подхода к изучению предшествовавших общественно-экономических форм. Но отсюда ни в какой степени не вытекает тот вывод, что изучение остальных экономических форм есть необходимая составная часть марксистской теории политической экономии. Если анатомия человека дает ключ к анатомии обезьяны, то отсюда вовсе нельзя заключить о необходимости растворения анатомии человека в анатомии обезьяны, или наоборот. Что логическая структура марксовой теории политической экономии определяется соотношением отдельных категорий в развитом капиталистическом обществе – ясно из следующих слов Маркса: «Таким образом, совершенно неподходящим и ошибочным приёмом было бы брать экономические категории в том порядке, в каком они исторически играли решающую роль. Наоборот, их порядок определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, при чем это отношение прямо противоположно тому, которое кажется естественным и соответствующим последовательности исторического развития. Речь идет здесь не о том месте, которое занимают экономические

отношения исторически в чередовании различных общественных форм... Речь идет об их группировке в рамках современного буржуазного общества». Прав был т. Бухарин, когда он в своей речи указывал, что мы не имеем ничего против изучения общественно-экономических формаций, предшествовавших капиталистическому обществу, а дело заключается в том, чтобы не смешивать закономерностей различных экономических форм в одну кучу. Марксистская теория политической экономии, как дальше заметил тов. Бухарин, отличается своеобразным «логическим свойством». Если порядок исторического развития категорий и их логическая связь в капиталистическом обществе не совпадают, то нельзя говорить о создании универсальной, однородной по своей логической природе, экономической науки. К вопросу о различии между теоретическим анализом и историческим исследованием экономических вопросов Маркс в первой части III тома «Капитала» замечает следующее: «В ходе научного анализа исходным пунктом образования общей нормы прибыли является промышленный капитал и конкуренция между ними, и только позже вносятся поправки, дополнение и модификация вследствие вмешательства купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров, более или менее по их стоимости, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, которая служит посредствующим звеном для процесса производства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом,

торговая прибыль сводится к такой соответственной части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала, как соответственной части всего капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства». Здесь мы имеем применение Марксом своей методологической постановки к частному вопросу.

Неправ был т. Покровский, когда он, цитируя предисловие ко второму изданию I тома «Капитала», говорил о необходимости различать способ исследования от способа изложения и на этом основании старался доказать существование марксовой политической экономии, как всеобщей исторической науки.

Покровский. Это не я говорю, а Маркс говорит.

Стэн. Маркса надо не только читать, но, читая, и понимать. В этом заключается, тов. Покровский, весь вопрос. Когда Маркс подходил к анализу капиталистического общества, он исходил из конкретных данных, материалов, дававших ему возможность обозреть экономику капитализма. Он исходил из так называемого «первого конкретного», расчленил его на абстрактные категории и из них восстанавливал «второе конкретное» — познанную капиталистическую действительность. Нельзя абсолютно противопоставлять метод изложения методу исследования. Метод изложения у Маркса есть вторая часть метода исследования. Задача Маркса заключалась не только в том, чтобы анализировать, разложить на абстрактные определения капиталистическую экономику, но и в том, чтобы из этих абстрактных определений синтезировать капиталистическую действительность. В этом отношении ход изложения отдельных категорий в «Капитале» вскрывает вторую часть метода исследования. Если в I томе

„Капитала” мы имеем анализ производства капитала, а во II томе анализ процесса обращения капитала, то в III томе Маркс нам дает развернутую познанную капиталистическую действительность. У Маркса, т. Покровский, имеется исторический подход, но исторический подход в определенных рамках. Если же исторический подход толковать таким образом, что политическая экономия превращается в теорию хозяйства вообще, то историческое как раз исчезает. Маркс же диалектически историческим подходом устанавливает особенные свойства капитализма. Совершенно неправ был выступавший здесь Богданов, зачислявший экономический анализ феодализма и других общественных экономических формаций в марксову теорию политической экономии только на том основании, что, видите ли, и при анализе феодализма нам приходится применять абстрактный метод. Дело вовсе не в этом. Ведь как Степанов, так и Богданов заявляют себя сторонниками абстрактно-аналитического метода. Дело заключается в логическом содержании этого анализа, отражающего определенный тип связи данной общественно-экономической формации. Только, исходя из этого содержания, мы можем отграничить одну науку от другой. Ведь иначе, если исходить из того, что абстрактный анализ применим ко всем экономическим формам, то ведь и исследование природы придется зачислить в экономическую науку, ибо и тут мы не обходимся без абстрактного метода. Вычеркивая анализ содержания, рассмотрения качественной стороны данной формы общества, мы создаем богдановскую всеобщую организационную экономическую науку. Методологически в этом отношении Степанов целиком стоит на почве Богданова.

Прав был т. Осинский, когда он заметил, что Степанов создает своеобразную историческую школу политической экономии. Тов. Степанов исходил из совершенно правильного положения, что нам, как практическим материалистам, т. е. коммунистам, для того, чтобы действовать надо вещи знать, как они есть. Но когда мы начинаем действовать и производим изменение мира, является опасность сосредоточить свое внимание только на отдельные вещи, изменением которых мы заняты, и упустить из виду общую закономерность. Когда мы изменяем вещь, мы подходим к ней так близко, что становится трудным заметить ее общие связи, ее опосредствования с другими вещами. Ревизия тов. Степанова как раз отражает эти настроения и это положение, создающееся в связи с нашей практической деятельностью, изменяющей мир. Чтобы правильно действовать, недостаточно иметь представление об отдельных вещах, а необходимо знать законы развития. Если мы имеем капиталистическое общество, капиталистический способ производства, то нельзя говорить о том, чтобы на равных теоретических правах производить анализ всех сохранившихся в капиталистическом обществе других общественно-экономических укладов. При условии господства капитализма закономерность развития остатков прежних общественно-экономических формаций, как-то: патриархального хозяйства, феодализма и др., подчиняется основной, господствующей закономерности капиталистического развития. Поэтому, если мы в своей практической деятельности должны принять в расчет остатки прежних экономических формаций, то их настоящую роль можно выяснить только на основе знания общих законов капитализма, подчиняющих себе эти остатки.

**Выступление на дискуссии
в Институте научной философии РАНИОН.
9 марта 1926 г.**

Логика будет выражением всеобщего знания. Но логическая формальность не будет отвлеченностью.

В этих условиях отрицания философии – нужно поставить вопрос о соотношении всеобщего и конкретного. А. И. Варьяш говорил по этому вопросу о соотношении единичного и общего. Самая опасная ошибка откуда растет ревизионизм: из понятия импликации Варьяш думает выводить все логические законы. Варьяш не материалист, он впадает в русло математической логики.

Анализ и синтез познания будет выражать теорию диалектического познания. Первым делом нужно понять, что такое диалектическая логика. С этой стороны растет ревизионизм. Другая сторона – сведение с абсолютным тождеством, забывая анализ, а потом синтез. Отрезок превращают в целое – отсюда механизм. Биология сводится к морфологии, физиологии и исторической биологии. Задачей исторического объяснения является синтез морфологии и физиологии. Это сделал дарвинизм. Сведение же к абстрактному тождеству, разрыв линии – корень ревизионизма.

Что говорит Варьяш о необходимости и случайности? Варьяш проповедует необходимость. Но Энгельс в «Диалектике природы» занимал противоположную позицию. Здесь Энгельс говорит, что организм, живущий в

среде, изменяется не под влиянием среды, а под влиянием внешней не коренной необходимости.

Кроме основной закономерности есть частная закономерность, и происходит скрещивание между ними. То же говорит а Плеханов. В такой постановке вопроса нет фатализма и абсолютного метафизического детерминизма. У Варьяша мы имеем полные ревизионистские тенденции.

Превращать спорные вопросы в маленькую склоку – нельзя. Нельзя также говорить о претензиях на создание особой школы. Идет борьба против смешения материализма с фрейдизмом – эклектикой Варьяша.

А Любовь Исааковна Аксельрод обрушивается на Деборина, вместе с Варьяшем. И у Л. И. Аксельрод видны были политические тенденции, когда она говорила о рассуждательстве.

О выступлении В. К. Серёжникова, который говорил, что марксистская мысль зашла в тупик и только последние работы Аксельрод выводят её из этого тупика. А разве Ленин не вёл диалектику дальше и не разработал её? Ведь категории Ленина входят в действительность. Серёжников не признаёт факта развития, а топчется. Против этого обратим оружие. Отточим основные вопросы, где будем бороться с ревизионизмом, а к личным вопросам дело сводить нельзя.

Выступление на Второй Всероссийской конференции марксистско-ленинских научных учреждений. 9 апреля 1929 г.

Товарищи! Совершенно невозможно коснуться всех тех вопросов, которых касался здесь т. В. Н. Сарабьянов по той простой причине, что они не были объединены у него одной основной мыслью.

Тов. Сарабьянов начал с того, что напрасно, мол, его обвиняют в отрицании объективности истины. Поскольку этот вопрос играл в нашей дискуссии довольно большую роль, я просто считаю необходимым привести факты. Тов. Сарабьянов в журнале «Под знаменем марксизма» (1925 г., № 12, 190–191) писал следующее: «Никакой объективной истины вообще не существует...», «Противопоставление объективной и субъективной истин закономерно лишь в устах субъективных идеалистов».

В 1925 г. в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 2, с. 191–192) т. Сарабьянов утверждает, что в споре Богданова с Лениным был прав Богданов, доказывавший, что например, такие истины, как то, что Наполеон умер 5 мая 1821 года, носят не абсолютный, а относительный характер. Тов. Сарабьянов издевался над ленинской постановкой вопроса и высказывал ту же самую точку зрения, которую он защищал и сегодня. Эта точка зрения заключается в том, что истина есть идеологическая форма, форма организации опыта и не выражает собою существенных, объективных изменений самих вещей.

Выступая с этой трибуны, т. Сарабьянов говорил, что вообще нельзя без субъективизма подходить к какой бы то ни было классификации. Он привел такой пример, что вот в орграспреде классифицируют, распределяют людей, исходя из целевых установок, из определенных, субъективных предпосылок. Такой орграспредовский подход к пониманию классификации не имеет ничего общего с основами диалектического материализма. Мы знаем, что Энгельс, подходя к классификации наук, исходил из иных предпосылок. Он в «Диалектике природы» заявляет: «Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией, согласно присущему им порядку самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение»¹.

Назначение классификации наук заключается в том, чтобы она своей иерархией раскрывала внутренний, объективный переход одной формы движения в другую, и поэтому основные критерии классификации надо брать из самой действительности.

Мы видим, что т. Сарабьянов также и здесь, в своем путанном выступлении, выявил черты того субъективизма, который складывается в рядах механистов за последнее время, когда механический материализм у них начал перерастать в идеализм. Тов. Сарабьянов говорил о том, что сейчас основная задача заключается в борьбе с диалектическим идеализмом, что гегельянство главнейший и опаснейший враг в наших условиях.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Кн. II. С. 31–33.

Тов. Сарабьянов уклонился от конкретной постановки вопроса и не указал, что он понимает под диалектическим идеализмом и гегельянщиной; не указал он также и никаких конкретных форм борьбы. Мне кажется, что основную опасность, растущую из нашей теперешней обстановки, правильнее выразил в своем сегодняшнем выступлении т. С. Ю. Семковский, указав, что у наших позитивистов-механистов имеются сильно выраженные черты американизма, делячества, – стремление основные теоретические вопросы нашего времени утопить в болоте интересов деляческой практики.

Для иллюстрации приведу одну яркую выдержку. Возражая против тех постановок, которые давал диалектический материализм, паши противники ставят вопрос таким образом: «А что деборинщина способна дать для нашей производственной практики? Не должна ли она сказать: не слушай... ограниченных практиков, которые ничего, ровнехонько ничего не знают, кроме своих грубых физико-химических методов, и упорно не хотят считаться со «специфичностью» жизни редьки, картошки, свиньи и коровы. Не приведет ли пустая болтовня деборинцев даже просто о «недостаточности» физико-химического подхода к явлениям жизни, – не приведет ли она к тому, что агроном и зоотехник будут дискредитированы в глазах крестьянина? И чем предложат деборинцы дополнить этот подход? Чем сумеют они обогатить практику сельского хозяина, – практику, которой, по утверждению Энгельса, принадлежит решающее слово в философских спорах?»¹.

¹ Степанов И. Диалектический материализм и деборинская школа. 1928. С. 21.

Едва ли это есть энгельсовское понимание практики; едва ли это есть то понимание практики, которое свойственно диалектическому материализму. Это грязно-свинское понимание практики не имеет ничего общего с практикой, как критерием познания, с практикой, понимаемой диалектическим материализмом в широком социально-производственном смысле, рассматриваемой в разрезе всемирной истории. Умение воспитывать хороших свиней, возделывать редьку и картофель еще не дает гарантии правильного подхода к основным вопросам философии марксизма. Пусть те, кто чувствует больше склонностей к свиноводству, займутся этим делом и пусть оставят в покое диалектический материализм.

Тов. Сарабьянов говорит, что напрасно его обвиняют в отрицании объективности качества, что, например, он вполне может отличить одного человека от сидящего рядом с ним другого, что он видит и сходство, и различие между ними. Но такая постановка вопроса как раз раскрывает все непонимание того, о чем идет спор. Ведь дело не в том, что мы в непосредственном восприятии можем отличить одну вещь от другой. Если бы т. Сарабьянов не был способен к такому различению, это бы говорило о некоторой серьезной порче его внешних органов чувств. Но такого рода различение есть результат простого непосредственного восприятия. В нашем же споре на первый план выдвигается совершенно другой вопрос. У нас идет вопрос об объективности различных качеств, в смысле различных форм движения; у нас идет спор о том, что нельзя высшие закономерности в природе исчерпать закономерностями более частными и низшими. Это составляет один из центральных вопросов всей на-

шей дискуссии. Этот вопрос был сформулирован одним из реставраторов (у нас) механического материализма, т. Степановым, следующим образом. Он цитирует из Энгельса известное место: «Органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих *побочных форм* (курсив И. Степанова. – Я. С.) не исчерпывает существа главной формы в каждом случае». «Можем ли мы подписаться под этими строками, – продолжает т. Степанов, – я прямо говорю: нет, их следует отвергнуть. Можем ли мы утверждать, что изучение физических и химических процессов, совершающихся в организме, не продвигает нас к пониманию существа жизни? В статье “Диалектическое понимание природы” я уже показал, что это значило бы отказаться от величайших завоеваний современного естествознания, покинуть тот путь, идя по которому оно все глубже проникает в “загадки жизни”. Сказать, что химические и физические процессы – нечто “побочное” для явлений органической жизни – это значит подать виталистам не палец, а всю руку»¹.

Формулировка Энгельса о роли физико-химических процессов в процессах жизни объявлена виталистической. Степанов отрицает объективное существование высших форм движения по отношению к низшим формам движения. По мнению т. Степанова, общие формулировки Энгельса являются результатом ограниченности конкретного знания той эпохи.

¹ *Степанов И.* Диалектический материализм и деборинская школа. 1928. С. 130. Слова Энгельса взяты из: Архив Маркса и Энгельса. Кн. II. С. 27–29.

У Энгельса мы читаем: «Механическая концепция... объясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количество, как количество в качество, что здесь имеется взаимодействие. Если мы должны сводить все различия и изменения качества к количественным различиям и изменениям, к механическим перемещениям, то мы с необходимостью приходим к тому утверждению, что вся материя, состоит из тождественных мельчайших частиц и что все качественные различия химических элементов материи обуславливаются количественными различиями в числе и пространственной группировке этих мельчайших частиц при их объединении в атомы. Но до этого нам еще далеко»¹.

Вся критика «механического естествознания» у Энгельса в конечном выводе обостряется на этих положениях, опирается на них, исходит из них. И все другие места и целые страницы представляют просто выводы из этих положений, простые их варианты. С присущей ему ясностью Энгельс заявляет: если бы мы получили основания утверждать, что вся материя состоит из тождественных частиц, что все качественные различия химических элементов являются следствием количественных различий в числе и пространственной группировке этих частиц, образующих атомы, то вместе с тем падут все, решительно все, возражения против «механического естествознания».

Мы думаем, что общие методологические формулировки Энгельса ни в какой мере не опровергаются совре-

¹ Архив Маркса и Энгельса. Кн. II. С. 145.

менным развитием экспериментального естествознания. Та постановка вопроса о соотношении между различными формами движения, которая дана Энгельсом, целиком оправдана развитием современной физики. На первом этапе кризиса теоретической физики в центре стоял вопрос о реальности материи. Тогда в связи с тем, что были открыты новые формы материи, возникла вместо механической теории материи новая электромагнитная теория материи. Вместо того, чтобы диалектически разрешить вопрос о соотношении между различными видами материи и различными формами движения материи, начали отрицать объективное существование материи вообще. Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме» имел дело именно с этим первым этапом кризиса. В связи с этим кризисом он разработал и уточнил философское и естественнонаучное понятие материи.

Сейчас начался второй этап кризиса. В порядке дня поставлен вопрос о различных формах закономерностей, о различных формах связи внутри движущейся материи. Выдвинулась во всем объеме проблема причинности и проблема субстанции. Эйнштейн в своих последних работах формулирует задачу синтетического охвата современной теоретической физики, как проблему субстанции, объединяющей в своем единстве пространство, время и массу. Механическая причинность представляет собой ту частную форму связи, которая более всех других форм была известна науке прежнего времени. Сейчас эта частная форма закономерности оказывается недостаточной. На этом основании многие физики, незнакомые с диалектикой, приходят к выводу, что вообще нет детерминированности в развитии явлений природы и идея закономерности терпит крах.

В первом периоде кризиса новейшего естествознания стоял вопрос о соотношении различных форм материи; сейчас стоит вопрос о соотношении различных форм закономерности. Точно таким же образом, как в первый период отсутствие диалектики приводило к отрицанию материи, сейчас мы имеем отрицание закономерности вообще. Проблема различных видов закономерности, выдвигающаяся на первый план в связи с синтетическим охватом теоретическим естествознанием конкретного материала новейших исследований, может быть правильно решена только на основе диалектического понимания соотношения высших форм движения с низшими формами движения. Высшие формы не являются просто арифметической суммой низших закономерностей. Вот здесь-то и лежит центральный пункт наших разногласий с механистами.

Пока наука находилась на аналитической стадии своего развития и основной своей задачей имела разложение действительности на отдельные частицы, между которыми вскрывалась частная связь, — опознанная действительность составлялась, «суммировалась» из отдельных кусочков. Развитие науки показывает, что, с углублением нашего знания, познанные «кусочки» действительности, составляющие основу и исходную точку наших построений в той или другой области, сами становятся составной частью нового целого. Новые целые, новые единства раскрываются перед нами: механика становится только частным проявлением электродинамики. Материя в процессе аналитического изучения раскрывается перед нами, как пространство, время и масса для того, чтобы на высшей ступени исследования обнаружить реальное единство этих моментов в

виде материальной субстанции. Начавшийся в современной теоретической физике синтез происходит не на основе формально-логического тождества, а на основе стихийного проникновения в физику основного закона диалектики – закона единства противоположностей. Действительность предстает перед нами не как пустое, бессодержательное тождество, а как единство противоположных моментов. Этого основного направления в развитии современного теоретического естествознания не понимают механисты. Они зовут нас назад к механическому материализму, не понимая того, что этот механический материализм не может явиться орудием для преодоления того методологического кризиса, которым охвачено современное естествознание. Сарабьянов, выступая здесь, призывал бороться с диалектическим идеализмом. Но как бороться с диалектическим идеализмом? Успешная борьба с диалектическим идеализмом возможна только на основе диалектического материализма. Диалектический идеализм, который возобновляется в связи с попытками отдельных буржуазных философов найти выход из методологического тупика, ставит целый ряд конкретных методологических проблем, могущих найти свое решение только на почве материалистической диалектики. Такой диалектический идеалист, как Карл Иоэль, приходит к формулировкам, напоминающим закон единства противоположностей. «С более высокой точки зрения, – пишет он, – взаимное проникновение противоположностей из статической связи бытия переходит к динамическому объединению становления, деятельности. Последнее уже есть преодоление, и противоположности уже построены на ступенях преодоления, иначе говоря, уже не как простые, ко-

личественные степени (как это понимал монистически исчисляющий и непрерывно идущий вперед XIX век), а как новые качества, которые в скачках отлагаются в виде все более высоких пластов».

Иоэль здесь подходит к формулировке основного вопроса, выдвигаемого кризисом современной науки, но делает это на идеалистической основе. Рицлер в своей книге „Gestalt und Gesetz” тоже высказывает положение о единстве противоположностей, оставаясь, как и Иоэль, на почве идеализма. Иоэль делает тот вывод, что путь дальнейшего развития должен заключаться в высвобождении от гнета объекта. По его мнению, в XIX столетии объект угнетал субъекта. Это освобождение должно быть достигнуто тем, что конкретное и особенное будет выпячено на первый план. Утверждение господства «пестроты жизни» над абстрактным монизмом должно произойти на основе перехода от непосредственного знания к непосредственному конкретному восприятию. Такая постановка вопроса нас неизбежно сводит с пути научного познания и толкает в болото философской поповщины. Диалектический идеализм, улавливая иной раз мысли методологических проблем, выдвигаемых кризисом современного теоретического естествознания, всегда приходит к реакционно-поповским выводам. Он принимает теперь довольно широкие размеры. Это видно хотя бы из следующего заявления того же Карла Иоэля: «Но вселенная глубже того, что думал о ней классический век: в ней гораздо больше противоречий. Теперь мы это поняли, но вследствие того, что мы разочарованы монистической установкой вчерашнего века, разочарованный дух современности переходит от дуализма к сомнению и от сомнения к разочарованию; поэтому так

и любят непринужденно щеголять трагедией противоречий. Но в том, что все противоречия в настоящее время обнаруживаются с гораздо большей напряженностью и четкостью, проявляется не трагическое бессилие, но истина и ясность мысли; сюда относятся такие противоположности, как субъект и объект, личность и вещь, содержание и форма, индивидуальность и коллектив, свобода и необходимость, целостность и единичность, психическое и физическое, долженствование и бытие, ценность и действительность, вера и знание, абсолютное и относительное. Да, это очень хорошо, что противоречия вселенной были вновь извлечены из мирового болота монизма, где они совсем затонули, и что мы выбрались из дремучего леса безразличия, к которому позитивизм сводил мировую действительность. Это было своевременным и необходимым делом обосновать снова права дуализма и возвысить над бытием и жизнью человечества все святое и идеальное, нормы и ценности». Здесь идея противоречия используется для того, чтобы возвысить права дуализма над монизмом, чтобы утвердить власть субъективных ценностей над объективным процессом развития.

Для того, чтобы преодолеть эту волну диалектического идеализма, надо разрабатывать основные категории материалистической диалектики, в связи с конкретными проблемами, выдвигаемыми современным естествознанием. Механический материализм, не дающий правильного понимания соотношения между различными формами движения и сводящий закономерности целого без остатка ж закономерностям частей, не может дать диалектической основы для решения проблемы закономерностей.

В проблеме различных типов закономерности нет никакой мистики. Задача науки состоит в том, чтобы раскрыть генезис форм, а не просто аналитически сводить мир к тождественным мельчайшим частицам. Если бы, в самом деле, существовала только одна математическая формула, то для чего же существовать миру? Тогда вы никак не объясните перехода от математической формулы к действительному реальному миру. Задача диалектических материалистов заключается в том, чтобы охватить и изучить различные формы движения материи в их взаимной связи и показать, каким образом частные закономерности входят в целое, а это целое направляет развитие действительности. Те же высказывания, которые имеются по этим вопросам у наших механистов, не дают решительно ничего положительного для решения конкретных методологических проблем современного естествознания. Тов. Сарабьянов это демонстрировал в чистой форме. Он здесь взял дешевенький тон, пытался демагогически разговаривать обо всем, но ни одним словом не упомянул о тех вопросах, которые выдвигаются внутренней логикой развития современного научного знания. Дело идет не о мелких «вещицах», которые впутывал здесь т. Сарабьянов. Дело идет о коренных методологических разногласиях. У наших противников мы констатируем вульгарные материалистические тенденции, перерастающие в идеализм. У механистов мы имеем конгломерат самых противоречивых элементов. Это есть чудовищный симбиоз различных групп, недовольных диктатурой марксизма и образовавших блок для того, чтобы отрицать диалектический материализм. Так пусть же механические материалисты не пеняют на нас за то, что мы тоже будем сплачиваться, чтобы отрицать их!

Выступление на научной сессии Института философии Коммунистической академии, посвящённой 25-летию выхода в свет труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» 23 июня 1934 г.

Товарищи, наша сессия посвящена 25-летию «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина. Истекшие четверть столетия представляют собою величайшие сдвиги в области как общественного развития, так и в области развития естествознания. Книга Ленина, как вы все знаете, имеет это двоякое значение и двоякий смысл, что она связана исторически как бы с фракционной борьбой внутри социал-демократической партии, в связи с влиянием идеалистической философии Маха на определенные круги социал-демократии, на определенные круги марксистов той эпохи.

Но она, ставя перед собой практическую задачу борьбы с философскими извращениями диалектического материализма, вместе с тем является обобщением и синтезом естествознания периода развития после Маркса и Энгельса.

А Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме» не мог дать, ответа на все те вопросы, на все проблемы, которые интересуют, занимают нас сегодня. Это не канон, не Библия, это орудие для революционной деятельности, это обобщение результатов общественного исторического и естественнонаучного развития для того, чтобы вооружить пролетариат в борьбе за пролетарскую революцию.

Практика нашего социалистического строительства есть в первую очередь удар по идеалистическому мировоззрению. Новая форма, общества означает глубочайшую революцию в самом общественном сознании и это означает, что вырываются глубочайшие исторические социальные корни идеалистического мировоззрения, но это, конечно, не означает, что мы этого уже достигли.

Но, товарищи, мне кажется, что характер тех, общественно-исторических сдвигов, которые совершаются сейчас, то обстоятельство, что мировая капиталистическая система переживает глубочайший кризис, что мы идем по пути построения бесклассового социалистического общества, что эти всемирно-исторические факты означают постановку перед философией марксизма тех новых задач, с которыми сталкиваемся и которые необходимо будет в ближайшее время решить.

Вы здесь слышали, товарищи, что даже в буржуазной философии естествознания сейчас очень много говорят о категории «гештальт», в биологии мы имеем соответствующие теории. Соотношение в целостности борьбы противоположностей, являясь основным фактором современной действительности, подтверждает неизбежность в науке приближения к этой самой проблеме.

Мне кажется, что тот кризис естествознания, который связан с глубочайшей революцией современной теоретической физики, несомненно, может быть преодолен только наряду с ликвидацией самого капиталистического общества, ибо преодоление этого кризиса, полное завершение революции естествознания означает использование результатов экспериментальной техники, которые дают только новые социалистические формы техники. Конечно, диалектический материализм дает нам возможность предвидеть то основное направление,

в котором будет изжит и преодолен этот кризис современной теоретической физики. Конечно, философия не может диктовать законов естествознания, но философия не является вымыслом, пустой бессодержательной абстракцией, а диалектический материализм, являясь синтезом, итогом, выводом всего предшествующего развития практики философии и науки, обобщая в себе основные закономерности развития самого мира, действительности, может указать направление эксперименту, может выбрать основные тенденции развития самой науки. И вот мне хочется сейчас в нескольких словах, в самой общей форме конечно, в виду ограниченного времени, сказать о том направлении, в каком нащупывается изжитие, преодоление этого кризиса, охватывающего современное теоретическое естествознание.

Здесь, товарищ естествознавец указывал совершенно правильно, что этот кризис есть результат того, что потерпела крушение механическая картина природы, что прежняя физика, которая являлась физикой материальной точки, старая механическая физика, которая изучала динамические закономерности между отдельными материальными точками, исходя из этой отдельной материальной точки, эта старая физика потерпела крах, что материальное движение отдельной точки, перемещение её в пространстве, перестало быть центральным понятием, центральной категорией теоретической физики. Так, например, Планк указывает, что в новой механике дело обстоит совсем иначе: «В новой механике чисто местные соотношения столь же недостаточны для формулировки законов движения, как недостаточны для понимания значения какой-нибудь вещи микроскопическое исследование отдельных ее частей. Как раз напротив, тогда только получается пригодная формулировка закономер-

ности, когда физический образ рассматривается, как целое». В соответствии с этим, каждая материальная точка системы в любой момент в известном смысле пребывает одновременно во всех местах системы, при том вовсе не своим полем, которое она распространяет вокруг себя своей массой, своим собственным зарядом.

Материальная точка перестает быть центральным понятием. Это приходится отмечать именно потому, что этот факт составляет самое главное философское содержание того процесса в развитии теоретической физики, которое развертывалось от теории относительности к волновой квантовой механике.

Вспомним вкратце, что являлось причиной, экспериментальным толчком – появление теории относительности. Этим экспериментальным толчком являлась невозможность обнаружения абсолютного движения Земли в эфире. Эфир не был обнаружен. Абсолютное движение земли не удалось доказать экспериментально. Что это означало? В физике эксперимент должен был обнаружить соотношение двух форм движения: перемещающейся Земли, и покоящегося эфира. Экспериментально обнаружить этого не удалось. Это имело величайшее крупнейшее последствие для дальнейшего развития всей физики. Отсюда идет установление относительности движения, установление пространства и времени, объединение их в физический континуум, единую непрерывность.

Но товарищи, этим проблема не могла быть исчерпана. Дана относительность движения. Тела перемещаются относительно друг друга. Но каково действительное соотношение соподчинения этих форм движения? Этого не удается обнаружить. Я говорил – классическая механическая физика изучает перемещение отдельной материальной точки. Эксперимент, послуживший толчком

к развитию теории относительности, поставил вопрос о соотношении движения Земли и движения эфира. Это уже выходит за пределы выяснения только соотношения закономерностей между отдельными точками. И вот дальнейшее развитие квантовой механики должно было неизбежно упереться в принцип не только относительности движения, но и в принцип взаимодействия и соотносительности форм движения материи.

Если вы возьмете гейзенберговский принцип неопределенности, то, не вдаваясь в детали здесь, но отсекая агностические выводы из него, которые делаются (что он есть предел измерения точности, что фиксация элементарного кванта создает непреодолимую границу в принципиальном развитии познания, создает непреодолимые границы в дальнейшей точности измерений), то принцип неопределенности в своем основном философском смысле должен был означать, что нельзя рассматривать изолированно две точки, нельзя рассматривать изолированно две формы движения материи. В этом реальный физический и вместе с тем основной философский смысл содержания этого принципа, ибо вопрос ставится не только об относительности форм движения материи, но и о соотносительности, как я подчеркивал, форм движения материи.

Теория относительности, утверждая относительность движения, относительность пространства и времени, – местное время, местное пространство, относительные перспективы, которые она получила в результате инвариантов, сводила её путем лоренцовского преобразования. Но мы все знаем, что это не решение вопроса. Если местное время, т. е. конкретные формы пространства и времени имеют реальный физический смысл, если имеет реальный физический смысл не только гео-

метрия Евклида, но Римана, Лобачевского и других, то встает вопрос о конкретном соотношении этих форм всякого физического тела. Вопрос идет об их изменении, движении и развитии самого действительного мира. Недаром квантовая механика, когда она подошла к изучению мира микрокосма, должна была поставить вопрос о выработке новых пространственных понятий, которые являются отражением, копией тех новых соотношений, которые свойственны этим микрокосмам.

Это обстоятельство, что принцип неопределенности означает по своему реальному физическому содержанию введение в физику категории целостности, это обстоятельство подчеркивает и Планк. Но он понимает то обстоятельство, что здесь дело идет об изучении взаимодействия, что если измерительный прибор влияет на изучаемое явление, то мы можем изучать соотношение только волны и частицы, что если проблема соотношения эфира и материи не могла быть решена в эксперименте теории относительности, то она, наверное, будет решена здесь, ибо здесь уже вопрос поставлен таким образом, что материя может быть изучаема только в соотносительности форм движения, во взаимодействии этих форм движения, соподчинении этих форм движения, изменении и переходе этих форм движения друг в друга.

Некоторые стихийные предчувствия, как я говорю, имеются в этом отношении у естествоиспытателей. Я бы мог назвать отдельные попытки подхода к постановке вопроса. Уже сама попытка введения категории «гештальт» в физику, которой занимается Келлер, правда, только для стационарных состояний; можно назвать М. Палладия, который в своем различении периодичности, цикличности и трансакции, этих своеобразных форм, стихийно предчувствует эту постановку вопро-

са. Я подчеркиваю это обстоятельство здесь потому, что этот кризис современной физики может быть изжит в результате того, что будет найдена картина мира, которая сочетает в единстве то, что имела теория относительности, волновая и квантовая механика, то, что нащупывается в самом зародыше, в предварительной форме релятивистской динамикой, вырастающей на основании физики атомного ядра. Конечно, эти задачи могут быть разрешены в связи с развитием экспериментальной техники, экспериментальной физики, ибо здесь математическая гипотеза, математический метод только может быть руководящим началом, указывающим, нащупывающим дорогу, и только эксперимент будет отражать действительные соотношения, которые существуют в самой природе.

Поэтому наша задача – философов-марксистов – заключается в том, чтобы включаясь во фронт естествознания, изучать, как это правильно здесь подчеркивалось, извлекая те новые категории из естествознания, которые намечаются ходом его дальнейшего развития, разработать в положительной форме, систематической форме дальше теорию материалистической диалектики. Только используя опыт общественно-исторического движения, революционный опыт классовой борьбы в условиях Советского Союза и итоги современного естествознания, и вместе с тем, конечно, изучая историю философии, историю науки, историю материализма и историю диалектики, – мы сможем решить ту задачу, которая поставлена перед нами историей – создать систематическую теорию материалистической диалектики. Я думаю, что создать эту теорию материалистической диалектики является нашей дальнейшей задачей.

Раздел II

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ИОНИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, древнейшее материалистическое направление греческой философии, возникшее и распространившееся на Ионийском побережье Малой Азии в 6 и в начале 5 вв. до хр. э. Главные представители И. ф. – Фалес, Анаксимен, Анаксимандр (см.). К И. ф. некоторые историки относят и Гераклита (см.) – уроженца ионийского города Эфеса. К более поздним представителям И. ф. относят Гиппона и Диогена из Аполлонии (см.). И. ф. зародилась в главном городе Ионии–Милете (отчего первые ее представители – Фалес, Анаксимен и Анаксимандр – объединяются в так наз. Милетскую натурфилософскую школу), одном из крупнейших торговых центров тогдашней Греции. В 7 и 6 вв. до хр. э. ионийские колонии были охвачены революционным процессом ломки общинно-родового уклада, при котором господствовала землевладельческая знать, и формированием нового, рабовладельческого строя, бывшего на том этапе прогрессивным и обеспечивавшим более широкое разделение труда между сельским хозяйством и промышленностью. Происходило быстрое развитие торговли, ремесленной промышленности и мореплавания. В связи с этим возникла потребность в практических знаниях, и на этой основе зародился самостоятельный, независимый от религии, материалистический

подход к изучению явлений природы. И. ф. отражала идеологию торговых и промышленных кругов, бывших наиболее передовой группой класса рабовладельцев.

Греческая философия и наука делали свои первые шаги, обслуживая производственные и политические интересы торгово-промышленных слоев. Представители И. ф. были тесно связаны с практической деятельностью своего класса. Так, Фалес был математиком, астрономом, инженером, купцом и политиком. Анаксимандру приписывается составление первой географической карты земли, изобретение ряда астрономических инструментов (гномон, солнечные часы), а также организация колоний на Черноморском побережье.

И. ф. была в основном натурфилософией и космогонией. Ее представители были крупными учеными своего времени. Отдельные естественные науки в этот период еще не отдифференцировались и развивались в тесном союзе с философией. Внимание И. ф. сосредоточено на проблеме бытия, понимаемого материалистически, на изучении природы, на исследовании процесса возникновения и развития космоса. Вопросы о возможности познания внешнего мира для ионийцев еще не существуют, т. к. они считают эту возможность само собой разумеющейся.

Основным принципом И. ф. является признание объективного существования материи, находящейся в процессе вечного движения и изменения, внутренне присущего материи. Материя не приводится в движение божественной силой, а представляет собой живое, вечно изменяющееся первоначало. Поэтому неправильно приписывать И. ф. гилозоизм, понимая под этим признание одухотворенности материи. И. ф. стремится найти основной принцип всего сущего, то всеобщее первоначало,

исходя из которого можно было бы объяснить все бесконечное многообразие явлений природы. Незрелость естествознания и экспериментального исследования принудила ионийцев отыскивать первоначало в открывающихся человеку в непосредственном чувственном восприятии стихиях природы – воде, воздухе и т. п.

Родоначальник Милетской школы материализма Фалес (ок. 624–547 до хр. э.) считал воду той всеобщей первоначальной стихией, из которой все возникает и в которой вновь все растворяется. Мировой процесс в целом Фалесу рисуется следующим образом: все возникает из воды и вновь в нее возвращается. Вода своими испарениями питает небесные огни (солнце и звезды), а в виде дождя возвращается вновь назад, превращаясь в речных и морских отложениях в землю. Из земли в виде подземных ключей, тумана и росы снова появляется вода. «Уже здесь перед нами целиком первоначальный стихийный материализм, который естественно считает при своем возникновении само собою разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то определенно телесном, в чем-то особенном, как Фалес в воде» (Энгельс, Диалектика природы, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, С. 498).

Иначе понимает первооснову мира Анаксимандр. Таковой он в отличие от конкретных стихий Фалеса и Анаксимена считал «апейрон» (безграничное) – неопределенную материю, бесконечную в пространстве и времени, лишенную определенных чувственно-конкретных определений. «Апейрон» у Анаксимандра не бесплотный дух, а телесное вещество. Возникновение чувственно-конкретных вещей и бесчисленного множества миров совершается путем выделения противоположностей, за-

ключенных в скрытом виде в «апейроне». Такими противоположностями для Анаксимандра служат: теплое и холодное, сухое и влажное.

Космос Анаксимандр рассматривает в процессе его развития, которое определяется не божественными силами, а процессом вечного движения материи. Солнце, луна и звезды возникают из огненной сферы. Земля у него уже не плоский предмет, плавающий на воде, как у Фалеса, а имеет форму цилиндра, окруженного беспредельным мировым пространством. Анаксимандр делает наивную попытку исторического подхода к объяснению органических существ. Животные, возникшие, по его мнению, во время высыхания жидкой земли, были рыбообразными. В процессе дальнейшего приспособления к новым условиям они изменили свой вид, и человек является лишь отдельным звеном этого общего процесса.

Ученик Анаксимандра Анаксимен восстанавливает конкретно-чувственное понимание материи. Для Анаксимена первоначалом служит «воздух». Источником движения и развития материи являются процессы сгущения и разрежения воздуха, вызываемые действием «теплого» и «холодного». Разрежение, по мнению Анаксимена, дает огонь, а сгущение в последовательном развитии – ветер, облака, дождь, воду, землю и камни. В процессе сгущения и разрежения частицы вещества принимают различное расположение, что обуславливает качественные различия отдельных форм материи. У Анаксимена мы находим первые зародыши примитивно-механистического объяснения явлений природы. Космический процесс в целом Анаксимен представляет в виде периодического возникновения и разрушения множественности миров.

Таким образом, учение первых представителей И. ф. – милетских натурфилософов – является не только стихийно-материалистическим, но и стихийно-диалектическим. Ионийцы выдвигают первые зародыши диалектики, выраженные в положениях о вечной изменчивости, всеобщем единстве и единстве противоположностей. Материя, с их точки зрения, неинертная абстрактная неподвижная масса, как у некоторых последующих греческих философов (например элеатов), а конкретное динамическое вещество.

Основные принципы И. ф. высшего своего развития достигли в учении Гераклита Эфесского (около 500 г. до хр. э.). Гераклит, подобно натурфилософам Милетской школы, первичной основой природы считает начало материальное, которое сосредоточивается у него в огне. Идея всеобщей изменчивости и принцип единства противоположностей получают у Гераклита дальнейшее более отчетливое и конкретное развитие. Процесс развития и изменения представляется Гераклиту не в виде плавного эволюционного изменения, а является результатом диалектической борьбы противоположностей. Война как всеобщая вражда противоположностей становится у Гераклита основной движущей силой всякого развития.

Гераклит в отличие от ранних ионийцев выступал защитником интересов аристократии, по. эти интересы он защищал уже не старым идеологическим оружием, а новым методом, выковывавшимся в огне социально-экономической революции, охватившей в конце 6 в. Ионию, его родину, первым идеологическим выражением которой явилась И. ф.

И. ф. оказала огромное влияние на весь последующий греческий материализм. Она подготовила мате-

риализм Демокрита (см.), в котором однако наряду со стихийной диалектикой преобладают механистические тенденции.

Лит.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы. 6-е изд. М., 1934; *Гомперц Т.* Греческие мыслители. т. I–II, СПб. 1911–1913; *Виндельбанд В.* История древней философии. М., 1911; *Аристотель.* Метафизика, М.–Л., 1934 (кн. 1, гл. III); *Ritter Н.* Geschichte der Jonischen Philosophie. В., 1821; *Гегель.* Лекции по истории философии. Кн. 1. Соч. Т. IX. М.–Л., 1932; *Маковельский А.* Досократики. Ч. 1–3. Казань, 1914–1919.

НАТУРФИЛОСОФИЯ, философия природы, в истории философии и естествознания рассмотрение природы как связанного целого. Попытки подобного рода делались до того, как к решению этой задачи подошло эмпирическое естествознание. Так, еще древние греки, не опираясь на подробный анализ и расчленение природы, рассматривали ее как органическое целое (см. Гилозоизм, Стоики). С зарождением нового естествознания (16–17 вв.) в трудах Леонардо да Винчи, Галилея, Кеплера, Декарта и др. н. уступила место т. н. научному мировоззрению, направившему свое внимание на анализ и расчленение природы, на изучение частей, вырывая их из общей связи. Разложение природы на отдельные части становится в центре научной работы. Этот односторонний аналитический способ изучения вырабатывает метафизическую привычку брать явления в их обособленности и неподвижности. Теоретическое естествознание оказывается не в состоянии охватить природу в ее целом. Начинает ощущаться потребность в философском синтезе, в философии природы. Эту потребность пытались удовлетворить философы-идеалисты начала 19 в. (гл. обр. Шеллинг и его последователи – Окен и др.). Но эти идеалистические попытки были неудачны, т. к. натурфилософы

считали возможным не считаться с выводами эмпирического естествознания и строить философию природы на основе умозрения. Но с тех пор как само эмпирическое естествознание, освобождаясь от ограниченных метафизических методов мышления, обнаруживает, на основе крупнейших успехов экспериментального исследования, внутреннюю связь между явлениями природы (см., напр., *Дарвинизм*), исчезает необходимость в особой философии природы. Ее место должна занять «диалектика природы», рассматривающая различные объективные формы движения в их взаимной связи. Диалектика не привносит в природу связей со стороны, а извлекает их из изучаемых фактов, явлений.

Энгельс дает такую оценку Н.: «данные, добытые эмпирическим естествознанием, позволяют нам составить довольно систематическое изображение природы как единого связанного целого. Подобные изображения составлялись прежде т. н. Н. (философией природы), которая заменяла еще неизвестную тогда действительную связь явлений идеальной, фантастической связью и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные проблемы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но немало также было наговорено и вздору. Иначе тогда и быть не могло. Теперь же, когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы диалектически, т. е. с точки зрения их собственной взаимной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени „систему природы“, и когда сознание диалектического характера этой связи насильно проникает даже в метафизические головы естествоиспытателей, – теперь Н. погребена на-

веки. Всякая попытка откопать ее не только была бы излишней, но означала бы шаг назад» (Энгельс, «Людвиг Фейербах»). «Отношение натурфилософов к сознательному диалектическому естествознанию такое же, как и отношение утопистов к современному коммунизму» (Энгельс. «Анти-Дюринг»).

НЕОБХОДИМОСТЬ, философская категория, которая выражает внутреннюю закономерность (см.) действительности. Основа действительности – движущаяся материя. Всякое движение, чтобы быть понято, должно быть рассматриваемо как единство противоположностей. Явление, не заключающее в себе внутреннего противоречия, не может изменяться и развиваться. Действительность подвержена процессу изменения потому, что ее внутреннюю закономерность составляет смена противоположных движений. Смена противоположных движений действительности, объединяющихся в единое движение, и дает то, что мы называем необходимостью. В конкретной действительности Н. выступает не как всеобщая, абстрактная Н., устанавливающая неизменность отношений между отдельными моментами действительности: конкретных событиях и частных процессах необходимости проявляется в виде случайности (см.).

Механистическое понимание Н. исключает случайность и считает ее результатом нашего незнания. Диалектическое понимание Н. признает за случайностью объективную роль и считает случайным все то, что не вытекает из внутренней природы данной вещи, а является результатом скрещивания основной закономерности этой вещи с частными закономерностями другого поряд-

ка. То обстоятельство, что вождь русской революции, Ленин, родился в Симбирске и умер в 1924, точно так же, как и тот факт, что во главе Октябрьской революции стоял именно Ленин, ни в какой степени не вытекает из внутренних, основных закономерностей русской революции и является по отношению к ним чисто внешним и случайным. Но не будь Ленина, движение революции могло бы получить другой исход. Это показывает, что внутренняя закономерность событий, в своем конкретном осуществлении, сталкивается с такого рода фактами и явлениями, которые могут их замедлять или ускорять, накладывая этим на ход событий своеобразный индивидуальный отпечаток, обусловленный конкретными причинами, но вместе с тем носящий случайный характер.

С точки зрения диалектического материализма, не существует абстрактной противоположности между случайностью и Н. Внутренняя необходимость, прокладывая себе дорогу в среде внешних условий, проявляется как случайность.

Лит.: *Энгельс Ф.* Диалектика природы. 2 изд. М.–Л., 1929; *Деборин А.* Диалектика и естествознание. М.–Л., 1929; *Плеханов Г.* К вопросу о роли личности в истории. Соч. Т. VIII. 2 изд. М., 1925.

ПРИЧИННОСТЬ, категория в конкретных науках и в философии, выражающая объективную связь явлений и объясняющая отдельное явление тем, что рассматривает его как непосредственное следствие другого явления, играющего роль причины. П. выражает детерминированность (обусловленность) явлений друг другом. Различные разновидности философского идеализма (см.) понимают П. не как отражение и выражение объективной закономерности самой природы, а порядок и связь явлений природы считают результатом внутренней закономерности человеческого разума или продуктом психологического опыта (Юм, Кант, Мах и друг.). Этим идеализм отрывает человеческое познание от природы и делает объективную связь явлений в природе непознаваемой. Юм весь свой скептицизм методологически обосновывает на том, что правильное чередование явлений в природе еще не дает доказательства П. Но наше познание имеет дело не только с простым наблюдением следующих друг за другом движений, но убеждается, что общественно-производственная практика (см.) в состоянии воспроизвести определенные движения. «Мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии воспроизвести определенное движение,

создав условия, при которых он происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), по крайней мере, не встречаются именно в таком виде, и что мы можем придать этому движению определенные заранее направление и размеры. Благодаря этому и благодаря деятельности человека и создается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого. Правда, одно правильное чередование известных естественных явлений может дать начало представлению о П. (теплота и свет, получаемые от солнца), но здесь нет настоящего доказательства, и в этом смысле Юм со своим скептицизмом был прав, когда говорил, что правильно повторяющееся *post hoc* («после этого») никогда не может обосновать *propter hoc* («поэтому»). Но деятельность человека дает возможность проверки П. Если, взявши зажигательное зеркало, мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой эффект, какой дает обыкновенный огонь, то мы доказываем этим, что от солнца получается теплота» (Энгельс. Диалектика природы // Архив Маркса и Энгельса. Кн. II. С. 24–25). Идеализм, пренебрегая ролью практики в процессе познания, не в состоянии дать объективное обоснование П. П., отображая объективную связь явлений, не дает на отдельной исторической ступени развития науки раскрытия всех многосторонних универсальных связей движущейся материи. Причинная связь между явлениями изменяется при переходе от одной формы движения материи к др. форме движения. Но не сразу непосредственно все формы движения материи становятся доступными человеческой практике и познанию. Они раскрываются лишь

в бесконечном процессе углубления познания в вещи и явления природы. Поэтому естествоиспытателям и философам, при каждом крупном сдвиге в истории науки, приходится расширять и уточнять свое представление о П., приспособляя его к новому уровню познания внутренних связей материи.

Поскольку человеческая практика на первых своих ступенях имеет дело с твердыми телами и их механическими свойствами, П. выступает в форме механической П. Механика не изучает внутренних изменений тел. Изучая перенос движения с одного тела на другое, она рассматривает движение, которое переносится, как «причину – силу», а движение перенесенное, – как пассивный результат – проявление силы. Т. к. тут мы имеем дело с одним и тем же движением, то, согласно закону неуничтожаемости движения, становится возможным измерять силу проявлением силы (см. у Энгельса, там же, стр. 19).

Причина при изучении механических процессов выступает как активная сила, а следствие как пассивный результат. Причина и следствие метафизически друг другу противопоставлены. Механистическая точка зрения всеобщую связь явлений отождествляет математически с количественными отношениями. Чтобы познать физические явления, надо познать свойства, геометрических фигур. Общие определения геометрических фигур являются и общими определениями физических тел (по мнению одного из представителей классического механического материализма, Гоббса).

Но при изучении превращения одной формы движения материи в друг. форму движения становится недостаточным количественный подход, а требуется изу-

чение различных качественных форм бытия материи. Становится необходимым изучение явлений во всеобщей связи. Причина и следствие теряют свою метафизическую противоположность, и в общей мировой связи «эти два понятия соединяются и переходят в представление о всеобщем взаимодействии, в котором причина и следствие постоянно меняются местами, и то, что теперь или здесь является следствием, то станет там или тогда причиной и наоборот» (Энгельс. Анти-Дюринг. С. 17).

Всеобщее взаимодействие выступает как последняя причина всех вещей и явлений. Позади него нет никаких особых сущностей. Познание сводится к установлению всеобщей связи природы. Всеобщее взаимодействие и связь могут быть установлены на основе познания связи всех форм движения материи. «Раз мы познаем все формы движения материи (для чего, правда, нам не хватает еще очень много, в виду кратковременности существования естествознания), то мы познали и самую материю, и этим исчерпывается познание» (Энгельс. Диалектика природы. С. 27). Единство в природе познается не на основе сведения всех многообразных связей природы к механической П., а путем рассмотрения природы как исторического процесса, в котором различные формы движения материи являются лишь отдельными ступенями, узловыми точками.

В новейшей физике, разложившей устойчивый и «неделимый» атом (см.) и изучающей процесс его развития (см. Электрон), возникают величайшие трудности в связи с категорией П. в тех случаях, когда физики, отказываясь от диалектического мышления, стремятся применять старую логическую форму П. к новым связям материи. Воспитанные на метафизическом мышлении

физики не понимают, что «каузальность (причинность), обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективно-реальной связи» (IX Ленинский сборник. С. 163). Вместо того, чтобы приспособить свое понятие П. к новым связям материи, некоторые физики заявляют о крахе детерминизма, закономерности природы вообще. Единственным средством для выхода из этого тупика является диалектико-материалистическое понимание понятия.

ТОЛАНД, Джон (1670–1772), английский философ-материалист. Т. принадлежал к плеяде «вольнодумцев», которые сделали очень много в критике религии вообще и в частности христианства. По общему материалистическому характеру своего мировоззрения Т. примыкал непосредственно к спинозизму (см. Спиноза) и являлся, с др. стороны, продолжателем дела материалистов эпохи Великой англ. революции. Уже в своем первом соч. «Колено Левиино» (1691) он утверждает, что самой страшной язвой, разъедающей человечество, является духовенство. В опубликованном в 1696 «Христианстве без тайн» Т. стоял еще на точке зрения теологического рационализма, стараясь привести данные священного писания в связь с разумом, за что подвергся самым резким нападениям и преследованиям. В дальнейших своих работах о религии Т. прямо доказывает, что страх перед богами привили народу, чтобы держать его в узде, и что народные бедствия и общественное зло порождены религ. предрассудками. Эти взгляды Т. оказали сильное влияние на франц. материалистов-просветителей 18 в. В «Письмах к Серене» (1704) Т. подвергает, с точки зрения научного материала своего времени, критике идею бессмертия души, идею божественного достоинства ко-

ролей, рассматривает историю происхождения идолопоклонства.

Пытаясь объяснить происхождение религии из земных условий, Т. приходит к выводу, что не боги создали людей, а люди создали богов, наделив их своими человеческими свойствами, и этим в известной мере превосходит фейербаховский подход к критике религии. Т. показывает также, что если, исходя из Декарта, считать сущностью материи протяжение, то становится невозможным объяснить движение и разнообразие вещей в мире. Критикуя Спинозу, Толанд указывает, что ему не удалось показать, каким образом «разнообразие отдельных тел возможно примирить с единством субстанции, т. е. с тождеством материи во всей вселенной». Спиноза, по мнению Т., не смог этого сделать, т. к. не рассматривал движение как существенное свойство самой материи, как ее внутреннюю активность. Т. пространственное перемещение рассматривает как частный случай движения-изменения вообще. Этим Т. понимание движения поднимает на более высокую ступень и вносит в это понимание известные диалектические моменты, хотя в основном остается в пределах механистического материализма, т. к. не в состоянии подняться до понимания движения как исторического процесса. Элементы диалектики мы находим и в критике Т. ньютоновского абсолютного пространства и времени. По мнению Т., не существует пространства и времени, изолированных от движущейся материи. «Я не могу поверить в абсолютное пространство, отличное от материи и вмещающее ее в себе, как не могу поверить и тому, что есть абсолютное время, отличное от вещей, о деятельно-

сти которых идет речь» (Т.). Этим своим пониманием материи и природы движения Т. превосходит ряд моментов, воспринятых и дальше развитых диалектическим материализмом. Избр. соч. Т., изд. с предисловием А. Деборина, Москва, 1927.

Лит.: *Тымянский Г.* Джон Толанд // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11; *Деборин А.* Очерки по истории материализма 17–18 веков. 3-е изд. М.–Л., 1930.

ФИЛОСОФИЯ – одна из форм идеологии (слово Ф. происходит от греческого *philos* – друг, любовь, *sophia* – мудрость и буквально значит любовь к мудрости). Вполне утвердившееся употребление этого термина впервые встречается у Сократа и Платона, обозначавших им знание вообще. – Ф. в процессе своего исторического развития изменяла свою структуру, задачи и методы. Стремление метафизической и идеалистической мысли выразить одной формулой сущность Ф. на всех этапах её развития порождено желанием буржуазных реакционных философов изобразить Ф. как надисторическую науку, оторвать ее от конкретно-исторического процесса развития общества, от классовой борьбы и положительного научного знания.

С точки зрения диалектического материализма Ф. является наукой о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления и представляет собой единство диалектики, логики и теории познания. Но выступить в этой форме, преодолевающей все свои предшествующие формы, Ф. смогла лишь тогда, когда самые различные области науки подошли в своем развитии к тому, что могли представить действительность, ими изучаемую, как исторический процесс, и когда на исторической сцене появился про-

летариат, выдвинувший революционную задачу уничтожения классового общества и построения коммунизма. Ф. пролетариата – диалектический материализм – была создана Марксом и Энгельсом и развита Лениным на основе обобщения революционной борьбы международного пролетариата, на основе использования и критической переработки всего предшествовавшего развития Ф. и науки.

I. Основной вопрос Ф. Материализм и идеализм

Основным фактом всей истории Ф. является борьба между материализмом и идеализмом. Энгельс в «Людвиге Фейербахе» указывает, что основным вопросом всякой Ф. является вопрос об отношении мышления к бытию. В условиях господства религиозной идеологии этот вопрос становится вопросом о том, создан ли мир богом или он существует от века. «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, – а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает еще более нелепый и запутанный вид, чем у правоверных христиан, – составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, принадлежат к различным школам материализма» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 644).

Разделение Ф. на две основные противоположные линии – материализм и идеализм – находит свое объяснение в конечном счете в существующем в условиях классового общества раздвоении деятельности людей на

физический и умственный труд. На первобытной стадии развития, на грани с животным миром, человек не выделяет себя из окружающей действительности, а находится с ней в бессознательном, инстинктивном единстве. На первоначальной ступени развития у человека отсутствуют отвлеченное мышление и звуковая речь, которой предшествует ручная речь. При помощи рук человек схватывал предметы и овладевал ими. Из этих первичных форм трудовых движений развились мимические и указательные движения, составившие основу ручного языка. На ступени ручного языка (относимого акад. Марром к эпохе матриархата) мышление носило конкретный и чувственно-образный характер. Мысли и слова выражались движением рук и непосредственно влетали в производственную деятельность первобытного человека. Определяющее влияние трудовых движений на процесс происхождения человеческого познания запечатлено и в словесной речи. В частности это подтверждается неоднократно делавшимся указанием, что немецкое «begreifen» (понимать) происходит от «greifen» (схватывать), а русское «понимать» от «поймать». Таким образом, современные научные данные о происхождении языка и мышления показывают нам с ясностью и определенностью, что в исходной точке человеческой истории язык и мышление нераздельно связаны с производством. Основной догмат идеалистической Ф. об абсолютной противоположности между материей и духом, природой и человеком, телом и душой не является чем-то от века существующим, а зарождается на определенной ступени исторического развития и достигает своего высшего расцвета в антагонистических классовых обществах.

В развитой форме отвлеченные понятия появляются только в связи с звуковой речью, возникающей на основе применения искусственных орудий труда. То обстоятельство, что человек при помощи искусственных орудий труда начинает активно воздействовать на природу, создает условия для перехода от непосредственного восприятия к опосредствованному знанию и обуславливает выделение человека из природы. Н. Я. Марр на основе палеонтологии речи показал, что речь на ручной стадии своего развития еще не выражала противоположности между объектом и субъектом. Искусственные орудия труда, которые человек помещает между собой и природой, создают (через ряд промежуточных ступеней) известную «дистанцию», своеобразную искусственную промежуточную среду между действующим человеком и объектом его деятельности, и способствуют возникновению в человеческом мышлении категорий субъекта и объекта. Развитие производственной деятельности людей обусловило развитие мышления и звуковой речи, как средства связи между людьми в производственном процессе. На этой основе в мышлении развиваются и начинают играть все большую роль отвлеченные понятия. С возникновением же абстракций, связанных с более глубоким анализом окружающей действительности, с расчленением ее на отдельные стороны, выделением различных категорий, возникает и возможность отрыва их от объективной реальности и превращения их в абсолют, якобы существующий отдельно от материи.

Ленин гениально вскрыл эти гносеологические корни идеализма: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть отдельное существо. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в

том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и идеи стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и „ноумен“, непознаваемая „вещь в себе“; связь земли и солнца, природы вообще – и закон, логос, бог. Раздвоение познания человека и возможность идеализма (=религии) даны уже в первой, элементарной абстракции („дом” вообще и отдельные дома)» (Ленин. Философские тетради. С. 335–336).

С ростом разделения труда и усложнением общественных отношений эта возможность отрыва общего от единичного, понятия от его конкретной материальной основы все более возрастает. В особенности способствует этому отрыв физического труда от умственного, возникающий с образованием классов. «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики, что оно может действительно представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, – с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию „чистой” теории, теологии, философии, морали и т.д.» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. IV. С. 21–22). Представители господствующих классов, занимающиеся умственной деятельностью, начинают считать умственный труд господствующим над физическим. В связи с этим сознание начинает рассматриваться как самостоятельная сила, возвышающаяся над косной материей и определяющая ее движение. Энгельс следующим образом объясняет возникновение идеали-

стического мировоззрения: «Процесс труда становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение, ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судходный промысел. Наряду с торговлей и промыслами появились искусство и наука. Из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними то фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове, которое представляет собой религия. Перед всеми этими образованиями, которые представлялись сначала продуктами головы, господствующими над обществом, отступали на задний план более скромные произведения человеческой руки, тем более, что голова, имевшая задачу составлять планы для трудовых операций, уже на очень ранней ступени развития (например, уже в первобытной семье) имела возможность заставить чужие руки заняться практическим выполнением своих предназначений. В голове, в развитии и деятельности мозга видели единственных двигателей быстро развивающейся, цивилизации. Люди привыкли при объяснении своих действий исходить из своего мышления, а не из своих потребностей (которые конечно, отражаются в голове, осознаются), и таким образом

В условиях классового общества продукты собственной идеологической деятельности людей – идеи, понятия – превращаются в силу, господствующую над людьми. В руках эксплуататорского класса это превращение становится орудием угнетения и порабощения эксплуатируемого класса, орудием искажения действительных общественных отношений, их маскировки. Эту

функцию выполняет не только религия, открытая поповщина, но и скрытая утонченная поповщина – идеализм, смыкающийся с религией и философски обосновывающий ее. Корни идеализма могут быть уничтожены только на основе ликвидации классового общества, на основе преодоления противоположности между физическим и умственным трудом.

Диалектический материализм не отождествляет материю и сознание, как это делают идеалисты, и не сводит сознание к механическому движению, как это делал вульгарный материализм. Диалектический материализм показывает, что сознание является ступенью в развитии материи, свойством высокоорганизованной материи и между ними существует не абсолютная, а относительная противоположность. Ленин подчеркивает, что противопоставление материи и сознания не должно носить абсолютного, метафизического характера: «Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют направление гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» (Ленин. Соч. Т. XIII. С. 201).

Диалектический материализм делит все философские школы на два основных направления: материализм и идеализм. Правильность этого деления подтверждается всей историей Ф. Материализм берет за первичное природу, материю, физическое. Идеализм объявляет первичным дух, сознание, психическое. Последовательное проведение того или другого принципа дает мони-

стическую Ф. (см. Монизму материалистического или идеалистического направления. Непоследовательное решение основного философского вопроса ведет к созданию дуалистических (см. Дуализм), эклектических (см. Эклектика) и агностических (см. Агностицизм) школ и направлений, пытающихся примирить материализм и идеализм.

Буржуазная история Ф. стремится затушевать основную противоположность материализма и идеализма и выдвигает множество иных принципов классификации философских школ. Так, «критическая» философия (см. Кант, Критицизм) основными направлениями считает догматизм, скептицизм и критицизм. Но такое деление не может быть основой для каких-то особых, самостоятельных линий в Ф. помимо материализма и идеализма. Оно показывает лишь, в каких пределах Ф. признавала, в тот или другой период своего развития, возможность объективного познания бытия. Вопрос о том, в какой степени наши представления и понятия отражают действительный мир, является, как указывает Энгельс, лишь другой стороной основного философского вопроса – вопроса об отношении мышления к бытию; и его последовательное решение также неизбежно приводит либо к материализму либо к идеализму. Большинство буржуазных историков Ф. выдвигает эмпиризм (сенсуализм) и рационализм как основные и самостоятельные философские направления. Действительное отличие эмпиризма от рационализма заключается в том, какая форма познания – чувственное восприятие или мышление – считается основной и определяющей. И рационализм и эмпиризм возможны как на материалистической, так и на идеалистической

основе. Если мышление в понятиях отрывается от чувственного восприятия и внешнего мира, рационализм неизбежно переходит в идеализм. Точно так же и отрыв чувственного восприятия от внешнего мира приводит к субъективному идеализму, признающему ощущения единственной реальностью (см. Беркли, Эмпириокритицизм). Принимают ли рационализм и эмпиризм идеалистический или материалистический характер – это зависит от того, как решает тот или другой философ основной вопрос об отношении мышления к бытию. Некоторые, в т. ч. и современные механисты [Л. Аксельрод, Варьяш (см.) и др.], признавая основной противоположностью в Ф. материализм и идеализм, однако различают их не по вопросу, что является первичным – материя или дух, а по отношению к категории причинности. Действительно материалистической философией ими признается только та, которая считает механическую причинность единственной и универсальной формой всеобщей связи. На самом же деле причинность, по словам Ленина, есть лишь одна из форм всеобщей связи, и диалектический материализм отвергает абсолютизирование ее. Кант и кантианство также признают механическую причинность, которую они рассматривают как чисто субъективную категорию.

Маркс, Энгельс, Ленин, подчеркивая партийность Ф., указывали, что борьба классов и партий в обществе отражается в Ф. в основном в форме борьбы материализма и идеализма. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями... являются материализм и идеализм» (Ленин. Соч. Т. XIII. С. 292). В этой борьбе находит выражение

борьба мировоззрений, отражающих интересы и тенденции враждебных классов. Партийность Ф. в СССР означает борьбу за генеральную линию партии.

Ф., как и всякая идеология, является активной силой и орудием классовой борьбы. Будучи порождением практических классовых интересов, она в свою очередь оказывает сильнейшее влияние на все стороны жизни общества – на мораль, искусство, литературу, науку и на самую практику класса. Анализируя и обобщая конкретные формы и результаты познания, Ф. революционного класса намечает новые пути, открывает новые способы познания, которые диктуются запросами новой, революционной общественной практики. Ф. класса, ставшего реакционным, пытается лишь закрепить отжившие формы мышления и выхолостить, извратить прогрессивные научные формы мышления и поставить границы познанию.

Материализм в основном выступает как мировоззрение революционных классов, заинтересованных в развитии производительных сил, а, следовательно, и в развитии научного познания, в овладении действительностью. Идеализм в основном – мировоззрение классов реакционных, тормозящих ход исторического развития и не заинтересованных в дальнейшем изменении действительности, а, следовательно, и в познании ее. Это не исключает того, что некоторые формы идеализма в определенных условиях являлись относительно прогрессивными и революционными (классический немецкий идеализм). Точно так же механический материализм, бывший в 17–18 вв. передовым течением человеческой мысли и идеологией революционной буржуазии, в дальнейшем превращается в реакционную идеологию, не способствующую развитию науки.

Непримиримая, взаимоисключающая противоположность двух основных философских направлений (партий в философии) – материализма и идеализма – не исключает многообразия форм этих направлений и еще большего многообразия форм эклектической Ф. Из многообразных форм материализма особенно существенно различается диалектический и метафизический материализм. Ходячие выражения «атомистический» и «естественнонаучный» материализм по существу относятся именно к метафизическому материализму, т. е. к такому материалистическому мировоззрению, которое или совершенно отрицает развитие материи и познания или сводит это развитие к простому постепенному увеличению, прибавлению или уменьшению извечно существующих форм материальной действительности. В этом отношении метафизический материализм представляет собой прямую противоположность материализму диалектическому и всегда является объектом его беспощадной критики. Ленин, употребляя в ряде мест «Материализма и эмпириокритицизма» в положительном смысле понятие естественнонаучного материализма, имеет в виду стихийно-материалистическое понимание природы естествоиспытателями. Точно так же «вульгарный материализм», понятие, связанное с взглядами Бюхнера, Фогта, Молешотта и их последователей, по существу является лишь вульгаризированной, опошленной формой классических систем французских материалистов и Фейербаха.

В идеалистическом лагере марксизм различает объективный и субъективный идеализм. И объективный и субъективный идеализм исходит из признания первичности сознания над материей, видит основу мира в ду-

ховном начале. Таким образом, никакой принципиальной разницы между ними, а также вообще между всеми направлениями внутри идеализма нет, несмотря на все различие наименований, которое дается этому духовному началу. Различаются они между собой на основе того, как определяется источник духовной основы действительности. Если этот источник приписывается сознанию отдельного человека, возникает субъективный идеализм, если же этот источник понимается как существующий независимо от индивидуального сознания, если сознание в какой бы то ни было форме берется как существующее вне человека, мы имеем объективный идеализм. Последовательное проведение субъективного идеализма неизбежно ведет к солипсизму, к признанию единственной реальной личностью философствующего субъекта. Естественно, что субъективные идеалисты, по общему правилу, не доводят свою Ф. до этих последовательных выводов из нее в виду совершенной абсурдности их. Так, субъективный идеалист Беркли скатывается к объективному идеализму, признавая независимое от своей «души» существование «бога» и других «душ», «духов». Субъективный идеалист Фихте растягивает свое сознание, свое «я», до «сознания вообще», до «я вообще», «Я» с большой буквы, по существу подрывая основы своего субъективного идеализма и делая шаги от него к идеализму объективному. Последовательное проведение объективного идеализма, в т. ч. гегелевского, вскрывает внутреннюю неразрывную связь всякого идеализма с религией, так как религия точно так же признает, что такое объективное духовное начало – бог – порождает и природу и человека. Абсолютное понятие, или идея, Гегеля, существующее независимо от челове-

ка, есть лишь переодетое в форму логической категории понятие бога.

Конкретных форм дуалистических и эклектических направлений в Ф. существует бесконечное множество. В истории Ф. основные классические формы дуализма – это Ф. Платона, Аристотеля, Декарта и Канта. Из остального множества эклектических форм Ф. следует указать на позитивизм и агностицизм. Позитивизм как отказ от Ф., как попытка «преодоления» противоположности материализма и идеализма и агностицизм как отказ от бесповоротного «последовательного» решения основного философского вопроса и как отрицание возможности какого бы то ни было решения этого вопроса – по существу тождественные течения. Огромная масса философских школ современной буржуазии (неокантианство, неогегельянство, неореализм, махизм, инструментализм, логический позитивизм, философия жизни, интуитивизм, прагматизм и т. д.) представляет собой не что иное, как несущественно различные друг от друга формы позитивизма и агностицизма. Все эти школы непримиримо борются против материализма, вообще и против диалектического материализма в особенности, протаскивают идеализм и поддерживают поповщину. Так, философская «беспартийность» на деле обнаруживается как замаскированная форма реакционно-идеалистической партийности.

II. Происхождение и развитие Ф.

Философия возникла в древней Греции в период разложения родового строя и возникновения классово-рабовладельческого общества. С момента своего зарождения Ф. развивается как идеология определенных

классов. Вначале Ф. являлась Ф. класса рабовладельцев, бывшего на первом этапе своего развития прогрессивным классом, заинтересованным в развитии производительных сил и с этой целью – в развитии науки. Все дальнейшее развитие Ф. было связано с теми коренными изменениями в общественном бытии и сознании, которые являлись результатом выступления на историческую арену определенных классов в качестве носителей нового способа производства.

Развитие Ф., как и всякой идеологии, определяется прежде всего общественными условиями, т. е. в конечном счете развитием производительных сил и производственных отношений. Классовые интересы определяют характер философского развития, его основные тенденции и круг проблем, на которые направлена философская мысль. Ф. развивается в связи с развитием науки, которая в конечном счете также определяется общественной практикой человека. Движение философской мысли выражает в концентрированной форме процесс развития и углубления познания человечеством объективной действительности. С ходом развития научной мысли вскрываются все более глубокие связи действительности, а вместе с тем расширяется и углубляется содержание философских категорий (материя, движение, субстанция, причинность, качество, количество, форма, содержание, сущность, явление, необходимость и случайность и др.), возникают все новые категории. История Ф. является в этом смысле сгустком, выражением истории мысли, причем, по общему правилу, именно материалистическая Ф. указывала подлинно плодотворные пути конкретному научному познанию мира. Было бы, однако, неправильно рассматривать этот про-

цесс как равномерное движение от простого к сложному, как сплошной поступательный ход развития от поверхностного знания к более глубокому. В условиях классового общества последующее течение может оказаться (и неоднократно оказывалось) не передовым, а отсталым, регрессивным, особенно в тех случаях, когда предшествующее философское течение является выражением идеологии данного класса в его революционную пору, а последующее – в период его заката. Однако, сквозь все эти зигзаги и отступления можно проследить прогрессивный ход развития философской мысли, в общем по восходящей кривой линии, вернее, по спирали.

В своем развитии Ф. меняла свой предмет и задачи. Совпадая в первый период своего развития с наукой, со всей совокупностью человеческого знания, в дальнейшем в связи с дифференциацией наук Ф. стремится отыскать свой специальный предмет и задачу. В определенный период развития она претендует на роль науки наук, становится на путь создания универсальных метафизических систем. На базе развития общественных отношений и науки в первой половине 19 в. стало возможным преодоление этого понимания Ф. и установление тождества логики и теории познания Ф. диалектического материализма.

Чтобы выяснить причины смены различных форм и задач Ф., необходимо показать, каково было понимание всеобщей связи внешнего мира на основных этапах развития и какую роль приходилось играть Ф. в деле открытия этой всеобщей связи в зависимости от уровня развития науки. Энгельс устанавливает три основных ступени развития человеческой мысли. Первая ступень, – когда природа еще не изучается в деталях, не подвергается еще

анализу и расчленению, а воспринимается в целом, как она нам дана в непосредственном чувственном созерцании во всем ее многообразии и изменении. Наиболее ярко эти черты выражены в античной Ф., в особенности в первый период ее развития – у милетцев и Гераклита. Вторая ступень, – когда начинается детальное изучение отдельных сторон действительности, совершается быстрый процесс развития отдельных наук, когда анализ и расчленение природы становятся центральной задачей познания. Выработывающийся метафизический метод создает препятствия для перехода от понимания единичного к пониманию целого. Наиболее ярко эти черты выражены в науке и Ф. первого периода развития буржуазного общества, в основном в 17 и 18 вв. Третья ступень, – когда в центре внимания становится изучение процессов развития природы и диалектический синтез отдельных сторон действительности, подвергнутых анализу частными науками. Проблема синтеза является главной и ведущей проблемой немецкого классического идеализма. Однако, идеалистическая диалектика была не в состоянии полностью преодолеть метафизику и не могла служить основой для обобщения реальных связей и закономерностей, обнаруживаемых отдельными науками. В идеалистической системе Гегеля диалектика понятий оторвана от реальной объективной почвы и превращена в последнюю основу бытия.

Совершенно новую эпоху в истории науки и Ф. открывает материалистическая диалектика Маркса и Энгельса. Являясь идеологами революционного пролетариата, они критически переработали и обобщили итоги всего предыдущего развития Ф. и науки и создали материалистическую диалектику, отражающую действитель-

ность как процесс диалектического развития. Эта новая ступень в истории науки и Ф. была порождена прежде всего появлением на исторической арене пролетариата, стремящегося уничтожить классовое общество и практически овладеть законами общественного развития. Свою революционно-критическую деятельность пролетариат основывает на правильном познании законов исторического развития. Материалистическое понимание истории раскрывает в производительных силах реальную основу истории и этим снимает метафизическую противоположность между природой и общественной историей, провозглашаемую идеализмом. История становится наукой, и впервые делается возможным вполне связанное, закономерное изображение процесса человеческой истории. Крупнейшую роль в возникновении диалектич. материализма сыграло развитие в 19 в. естествознания – физики, химии и биологии. Новое естествознание стихийно показало диалектику в природе, обнаружило взаимную связь между всеми явлениями природы. Природа предстала как диалектически развивающийся процесс. Новейшие открытия естествознания, как показал Ленин в своем классическом труде «Материализм и эмпириокритицизм», блестяще подтверждают диалектический материализм.

Античная философия. При своем возникновении в древней Греции Ф. была неразрывно и стихийно связана с зарождавшейся наукой. Науки еще не дифференцировались и не приобрели самостоятельного существования, а развивались в пределах Ф. Началом греческой Ф. является ионийская натурфилософия (см. Ионийская философия), представлявшая стихийно диалектиче-

ский материализм. Она зародилась в обстановке глубокого кризиса мифологического и религиозного сознания. В 7 и 6 вв. до хр. э. греческие ионийские колонии были охвачены процессом решительной ломки родового общинного строя, обеспечивавшего господство родовой землевладельческой аристократии, и становления рабовладельческого общества. На первый план выдвигались торгово-промышленные элементы, развертывавшие свою деятельность на базе рабовладельческого хозяйства. Крушение родового и возникновение классового общества, развитие торговли и промышленности вызвали глубокие социально-экономические сдвиги. Эти изменения в общественном бытии привели к соответствующим изменениям в общественном сознании. Влияние старой религии и мифологии было подорвано. Рост международных торговых сношений привел к расширению географического горизонта и опроверг фантастическую географию Гомера. Интересы мореплавания и морской торговли стимулировали развитие математики, астрономии и других наук. Практические знания накапливались вне пределов религиозной идеологии в различных областях общественно-производственной деятельности людей. На этой основе зародился самостоятельный, независимый от религии материалистический подход к изучению действительности. Ионийские натурфилософы в объяснении действительности отвергают божественное начало и ищут материальную первооснову всех вещей и явлений в самой природе. Этот материалистический принцип в дальнейшем становится основой всякого действительно научного исследования.

Ф. в древней Греции начинает с изучения мира в целом, как он нам дан в чувственном восприятии. По

Энгельсу, греческая Ф. характеризуется тем, что она рассматривала мир в его многообразии, в развитии и изменении. «Так как греки еще не дошли до расчленения, до анализа природы, то она у них рассматривается еще в общем как одно целое. Всеобщая связь явлений в мире не доказывается в подробностях: для греков она является результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, благодаря которому она должна была впоследствии уступить место другим видам мировоззрения. Но в этом же заключается ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими соперниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то греки правы по отношению к метафизике в целом... в многообразных формах греческой философии имеются в зародыше, в возникновении, почти все позднейшие типы мировоззрения» (Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 340). Но широкое применение рабского труда создавало препятствия для развития техники и экспериментального естествознания в античном обществе, что в свою очередь определило тот исторический предел в объективном познании действительности, который оказался доступным греческой Ф.

В исходной своей точке античная Ф. и наука совпадают. В процессе последовательного развития Ф. выделяет отдельные проблемы, которые она делает предметом своего исследования, а это на известной ступени порождает необходимость внутренней дифференциации Ф. и требует разделения Ф. на отдельные дисциплины. На первом этапе развития греческой Ф. ее основным предметом является природа, космос, в центре внимания находится проблема бытия, первовещества и миро-

вого процесса. Ионийцы уже отделяют сущность материи – общее, лежащее в ее основе, – от ее многообразных форм. Это – первое философское обобщение, которое мы встречаем в истории Ф. Общее рассматривается ими еще в наивной, чувственной форме. Это – вода у Фалеса (см.) (род. около 636 до хр. э.), воздух у Анаксимена (см.) (умер около 525 до хр. э.) и неопределенное общее (апейрон) у Анаксимандра (см.) (род. в 610 до хр. э.). Общее выступает здесь в единстве с конкретным. Конкретное есть лишь различные формы существования этого общего, которое в процессе своего превращения и изменения производит различные вещи. В этом выражаются материалистические воззрения ионийцев и их наивная диалектика. Общее и постоянное понимаются в развитии, и в этом развитии выступает их связь с отдельными вещами. Ионийцы в самой общей форме наметили проблему материи, движения и изменения. Вопрос о возможности познания мира ими не ставился, т. к. они считали эту возможность само собой разумеющейся.

Эти тенденции ионийской философии нашли свое дальнейшее развитие у Гераклита (см.) (ок. 500 до хр. э.). Вечное изменение, возникновение и исчезновение образуют, по Гераклиту, сущность мирового процесса. Но Гераклит не ограничивается указанием на всеобщую изменимость и текучесть вещей, а усматривает в единстве и борьбе противоположностей основную пружину всякого движения и изменения. Наряду с единством противоположностей гераклитовская диалектика заключает в себе мысль и о развитии, преодолевающем противоречия. Гераклит основой мира еще считает стихию, данную в непосредственном созерцании. Огонь – основа всего и путем борьбы противоречий порождает все другие фор-

мы действительности. Диалектика Гераклита носит конкретный, чувственно-образный характер. Ф. у Гераклита также еще слита с наукой вообще; Гераклит в круг своих исследований включает проблемы общества, истории и познания. Стихийная диалектико-материалистическая Ф. Гераклита, при всей своей наивности и непосредственности, отсутствии строго научных обоснований, все же является одной из высших ступеней, достигнутых греческой Ф.

Уже в первый период греч. Ф. намечается тенденция перехода от конкретно-чувственного определения всеобщих начал природы к отвлеченно-логическому их определению. Эта тенденция намечена уже у Пифагора (см.) (6 в. до хр. э.) и отчетливо выражена в элейской школе (см.). Если основные представители ионийской натурфилософии являются выразителями прогрессивных тенденций торгово-промышленных элементов рабовладельческого класса, то в пифагорейской и элейской школах более ясно отражаются интересы реакционной землевладельческой аристократии, а также реакционных групп рабовладельцев, смыкающихся с аристократией. В пифагорейской и элейской школах уже намечается возникновение идеалистической Ф. Они переносят центр внимания с изучения мирового процесса движения и изменения на отыскание вечной, неподвижной и неизменной основы бытия.

Пифагор первоосновой вещей считает число, как постоянное и единое, лежащее в основе действительности. Парменид, крупнейший представитель элейской школы, утверждал, что истинно сущим является только общее и единое абстрактное бытие. Истинным познанием является лишь разумное познание – познание

общего. Чувственное познание обманчиво. Проблема познания у элеатов занимает уже значительное место. Анализируя понятия единого и многого, целого и части (Парменид), непрерывности и дискретности [апории Зенона (см.) о летящей стреле, об Ахиллесе и черепахе], элеаты вскрыли в них противоречивые моменты. Однако они остановились на этой отрицательной диалектике. Они лишь обнаружили противоречие, но не рассматривали его как истинное движущее начало всех процессов действительности. В Ф. элеатов созданы уже все предпосылки для отрыва понятия от ощущения, для превращения абстракции, общего, в самостоятельную сущность, хотя сами они еще понимают бытие как нечто материальное.

Витогe первого периода своего развития греческая Ф. теряет свой первоначальный стихийно-диалектический и материалистический характер. Диалектика и материализм отрываются друг от друга. Материализм становится механическим материализмом (Демокрит), диалектика, отрываясь от материализма, постепенно превращается в идеалистическую диалектику понятий. Но за счет потери прежней цельности и непосредственности в дальнейшем развитии античной Ф. в борьбе материализма и идеализма происходит углубление отдельных сторон и материализма и диалектики. Противоположность в решении проблемы бытия между Гераклитом и Парменидом выдвинула со всей резкостью вопрос о том, как соотносятся в самой действительности постоянное и изменчивое, всеобщее и единичное. Проблема познания единичного и всеобщего выдвинула вопрос о том, как соотносятся в процессе познания чувственное восприятие и мышление в понятиях.

В то время как внутреннее развитие самой Ф. подготавливало постановку проблемы объективности познания, общественно-экономическое развитие Греции поставило в центре внимания Ф. познание человека и общественного устройства. Персидские войны, из к-рых греки вышли победителями, содействовали тому, что Греция во 2-й половине 5 в. до хр. э. стала центром мировой торговли. Патриархальные и натурально-хозяйственные отношения были окончательно разрушены. Обострились классовые противоречия рабовладельческого общества, усиливалась борьба между демократией и аристократией. В этой обстановке у софистов (см.) приобретает основное значение проблема общеобязательных моральных оценок и проблема возможности истинного познания. Мысль о зависимости наших восприятий от строения и состояния наших органов чувств легла в основу теории познания Протагора (см.). Он, провозглашая принцип: «человек есть мера всех вещей», склоняется в сторону релятивизма. Софистика обнаружила ограниченность чувственного восприятия и дала серьезный толчок к разработке диалектики понятий, логики и теории познания. Эти проблемы занимают крупное место в первых больших философских системах – Демокрита, Платона и Аристотеля. Они систематически и сознательно проводят определенную точку зрения на многочисленные проблемы и области исследования. У Демокрита и Платона сознательно противопоставляются материализм и идеализм.

Ф. Платона, как выражение идеологии потерпевшей поражение аристократии, складывается в антагонизме к Ф. Демокрита (см.), выразившего интересы торгово-промышленной части класса рабовладельцев. Уче-

ние Демокрита является вершиной развития древнегреческого материализма. В его Ф. материализм дошел до абстрактного понятия материи, правда, в его механистическом толковании. Механическое движение, по Демокриту, неотделимо от материи и является причиной изменения всех явлений. Демокрит единое и неделимое бытие Парменида расчленил на множество неделимых атомов. Атомы обладают различными пространственными формами. Однако атомы – не неподвижные числа пифагорейцев; атомы находятся в непрерывном движении. Движение атомов Демокрит понимал как самодвижение, возникающее благодаря их взаимодействию с пустотой. На основе движения атомов Демокрит пытается объяснить не только процесс становления в целом, но и процесс образования отдельных вещей. Демокрит уделяет уже большое внимание проблеме познания. Он проводит различие между чувственным и разумным познанием. Он пытается отделить субъективные моменты процесса познания от достоверных, отражающих объективную реальность. «Лишь согласно общепринятому мнению существуют цвет, тепло и холод, сладкое и горькое, в действительности же существуют только атомы и пустота». На основе крайне скудных сохранившихся данных можно заключить, что Демокрит разрабатывал своеобразную индуктивную логику, которая стремилась связать процесс суждения и умозаключения с чувственным восприятием и установить правила перехода от узких понятий к более широким. Демокрит был первым выдающимся систематиком греческой Ф.

Демокрит дал серьезный толчок к разработке научной медицины и физиологии. Отдельная группа специальных исследований посвящена выяснению раз-

личного значения атомов в образовании сложных тел и процессов в природе. Новейшие исторические исследования показывают, что именно Демокрита, а не Платона приходится считать одним из основоположников математики, создавшим целые отрасли математического знания. Он подошел к постановке проблем, близких к теории бесконечно-малых. Он же заложил основы стереометрии. Атомистическая теория Демокрита возникла и развивалась в тесной связи с его математическими исследованиями. Демокрит включил в поле своего исследования вопросы культуры, техники, происхождения языка и религии. Его занимали вопросы политики, педагогики и этики. Эти факты показывают, что в пределах Ф. складывались и развивались отдельные научные дисциплины, а Ф. превращалась в систему наук.

Главой идеалистического лагеря в греческой Ф. был Платон (см.), один из вождей реакционной аристократической партии в Афинах, развивавший свою Ф. в тесной связи со своими политическими взглядами. Стремясь преодолеть скептицизм и релятивизм софистов, он под влиянием Сократа сосредоточивает свое внимание на исследовании мышления в понятиях, но превращает свою диалектику понятий в сущность и основу бытия. Истинно сущим для него является только мир неизменных идей, чистых форм, представляющих собой прообразы изменчивых вещей. Идеализм Платона проникнут религиозной идеологией, – высшей идеей является идея бога, идея высшего блага; идеи расположены в строго иерархическом порядке, соответствующем рабовладельческому политическим воззрениям Платона. Платон раскалывает, действительность на мир вечных идей и мир изменчивых вещей, являющийся лишь бледным и

несовершенным отображением первого. Все строение системы Платона выражает раскол между чувственным познанием и разумным, между сущностью и явлением, между постоянным, единым и текучим, многообразным. Платон отрывает чувственное познание от разумного. Единственно истинным является разумное познание, которое сводится к «припоминанию» идей в том виде, как они известны были душе до того, как она получила телесное воплощение. Буржуазные историки Ф. переоценивают значение Платона как диалектика. Действительное значение Платона заключается в разработке им логики общих понятий. Но, очистив общие понятия от конкретного изменчивого содержания, Платон, по словам Ленина, превратил их в мертвые, бескровные.

В Ф. Платона продолжается и развивается тенденция выделения отдельных наук из Ф., отражающая процесс быстрой дифференциации науки в 5–4 вв. до хр. э. Платон в своих работах охватил огромное число проблем (проблема бытия и познания, этика, педагогика, политика, учение об обществе и государстве). Эти науки еще существовали в тесной связи с Ф., и Платон иногда употребляет слово Ф. во множественном числе («геометрия или какая-либо другая философия»). Но из всего круга знания у Платона выделяется ядро наук, образующих собственно Ф. У Платона мы имеем зародыш философской системы, возвышающейся над отдельными областями знания. Ученик Платона – Ксенократ – установил деление Ф. на диалектику, физику и этику. Диалектика является одновременно учением о бытии и познании; ее задачей является постижение высшего мира идей на основе разумного познания. Физика основана на чувственном восприятии и изучает мир конечных и изменчивых вещей.

Высший этап в развитии античной Ф. достигнут Аристотелем, которого Маркс и Ленин называли Гегелем античного мира. Для Аристотеля характерен подход к разработке диалектики. Энгельс указывает, что «древние греческие философы были всеприрожденными диалектиками, и Аристотель, – самая всеобъемлющая голова между ними, – исследовал уже все существеннейшие формы диалектического мышления» (Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 20). В решении основного вопроса Ф. Аристотель занимает дуалистические позиции. Ленин неоднократно отмечал его колебания между материализмом и идеализмом. Аристотель признавал существование объективного, материального мира, но рассматривал материю как косную и инертную; движущим же началом и источником развития он считал нематериальную форму.

Выдающейся заслугой Аристотеля является то, что он подошел к идее развития. Но процесс развития Аристотель рассматривает по аналогии с процессом органического развития растения и животного из семени и технической деятельности человека, придающей обрабатываемым вещам определенную форму. В виду того, что он не был в состоянии объяснить возникновение форм органической жизни и понять, что цели и формы технической деятельности человека есть результат исторических форм труда, понимание процесса развития у него носит телеологический характер и основано на дуализме материи и формы.

Аристотель различает движимое и движущее. Движущим и активным началом является форма. Формы осуществляются в материи и определяют процесс ее развития. Аристотель выделил и подверг анализу основные

формы движения материи и формы мышления; мы находим у него в зародыше различие механического, физического, химического и органического движения. Он различает движение как возникновение и исчезновение, как качественное изменение, как увеличение и уменьшение и как перемещение в пространстве. Аристотель признает, что движение есть противоречие. Но Аристотель диалектику противоречий ограничивает тем, что противоречия и противоположности существуют и движутся на базе неизменного всеобщего. Аристотель подошел к различению отдельных форм движения материи, но оказался не в силах объяснить их как результат исторического развития природы. Его диалектика останавливается перед вопросом о соотношении общего и единичного и не в состоянии разрешить его.

Аристотель дал систематический анализ основных форм мышления и заложил основы науки логики. Понятие у него не носит мертвого, формально-логического характера, какой был придан его логике схоластикой, а является первым подходом к конкретному диалектическому понятию, охватывающему всеобщее, особенное и единичное в их единстве. Формы мышления Аристотель изучает в тесной связи с формами бытия. Основные категории аристотелевской логики отражают различные стороны бытия и деятельности и рассматриваются в их взаимной внутренней связи. Аристотелевское учение о формах мышления не могло избежать недостатков, свойственных его учению о формах движения материи. Аристотель не смог показать их в историческом возникновении и изменении. В силу этого он не смог последовательно сочетать в диалектическом единстве общее и отдельное, понятие и ощущение, сущность и явление.

Оторвав форму как активное начало от материи, он для объяснения первоисточника движения должен был прибегнуть к божественному перво двигателю.

Своим анализом форм движения материи, форм мышления и общественных форм Аристотель наметил объекты исследования складывавшихся специальных наук. У Аристотеля мы находим первую попытку классификации наук. Аристотель делит все науки на теоретические, практические и технические. В состав теоретических наук входит диалектика, распадающаяся на логику (аналитика) и «первую философию», которая впоследствии получила название метафизики, затем – математика и физика. Практические науки – этика, политика и экономика. Аристотель исходит из строгого разделения задач между отдельными науками. Ф. превращается у него в особую науку о началах и первопричинах всего сущего. Логика, включающая в себя и теорию познания, служит введением в Ф.

Аристотель, вследствие ограниченности науки в его эпоху, мог лишь выделить основные формы движения материи, но не был в состоянии выяснить их внутреннюю связь и взаимные переходы и считал их неизменными, началом, возникающим и исчезающим в отдельных вещах без того, чтобы самому подвергнуться изменению. Исходя из этого, Аристотель считает «первую философию», или метафизику, учением о неподвижных и неизменных основаниях всякого движения и изменения. «Что касается физики, она занимается предметами, имеющими движения в самих себе, с другой стороны, математика, это – некоторая теоретическая наука, которая рассматривает объекты пребывающие, причем однако объекты эти не существуют самостоятельно.

Следовательно, с бытием, существующим самостоятельно и неподвижно, имеет дело некоторая наука, отличная от этих обеих, если только существует некоторая такая сущность, и именно существующая самостоятельно и неподвижная, что мы попытаемся показать» (Аристотель. Метафизика. С. 191).

Непревзойденная характеристика аристотелевой Ф. дана Лениным. «У Аристотеля везде объективная логика смешивается с субъективной и так притом, что везде видна объективная. Нет сомнения в объективности познания. Наивная вера в силу разума, в силу, мощь, объективную истинность познания. И наивная запутанность... в диалектике общего и отдельного – понятия и чувственно воспринимаемой реальности отдельного предмета, вещи, явления. Схоластика и поповщина взяли мертвое у Аристотеля, а не живое: запросы, искания, лабиринт, запутался человек. Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля, – а из нее, из логики Аристотеля (который всюду, на каждом шагу ставит вопрос и именно о диалектике), сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов. Именно приемы постановки вопросов, как бы пробные системы, были у греков, наивная разноголосица, отражаемая превосходно у Аристотеля» (Ленин. Философские тетради. С. 332).

Тенденция к развитию специальных наук, возмещавшаяся Аристотелем, проявилась лишь на короткое время у греков александрийского периода и была прервана процессом кризиса и распада античного общества. Дальнейшее развитие глубокого кризиса рабовладельческого общества приводит к упадку науки. Послеаристотелевская философия, несмотря на свое широкое разветвление

ние на бесчисленное количество разнообразных школ, существовавших в Эллинистическую и Римскую эпохи, представляет уже явную деградацию в сторону идеализма и открытой мистики, явное измельчание философской мысли. Исключение составляют только последние крупные материалисты: Эпикур (см.), живший в 3 в. до хр. э., и его последователь Лукреций Кар (см.), живший в 1 веке до хр. э. На первый план в Ф. выдвигаются проблемы этики. Ф. называют учительницей жизни и определяют как теорию и искусство правильного образа жизни. В дальнейшем развитии этическая мысль превращается в религиозную, и в Средние века, в условиях господства христианства, Ф. сделалась служанкой религии.

Разложение и гибель античного мира задержали дальнейшее развитие науки и Ф. В области идеологии эпоха Средневековья характеризуется подчинением всех форм идеологии религии и теологии. Воинствующие христианство и ислам обрушиваются на «языческую» науку и философию и уничтожают большое количество культурных ценностей. Но вместе с тем уже очень рано начинается процесс приспособления элементов античной культуры (в том числе и Ф.) для нужд церковной идеологии. Когда после периода опустошительных нашествий, переселений и завоеваний намечается некоторый подъем торговли и промышленности, то пробуждается интерес к научно-философской деятельности. Впервые это относительное возрождение науки и Ф. происходит в арабских государствах, бывших в 8–11 вв. наиболее передовыми и в хозяйственном и в культурном отношении. Арабские ученые сделали ряд важных открытий в математике, астрономии, физике, химии,

медицине. Арабские философы (Авиценна, Аверроэс, Авицеброн, см.) изучали, переводили и комментировали Аристотеля и развивали его учение в духе натуралистического пантеизма, за что подвергались преследованиям со стороны магометанских ортодоксов. Крупнейший арабский философ Аверроэс (1126–1198), опираясь на Аристотеля, отрицал личное бессмертие души и признавал вечность материи. Вскоре после смерти Аверроэса клерикальной реакции, в условиях упадка и распада мусульманских государств, удается задушить дальнейшее развитие арабской науки и Ф., и те положительные научные результаты, которые были добыты арабскими учеными, разрабатываются дальше уже гл. обр. в западно-европейских странах.

Если арабы уже имели к 10 в. значительные научные достижения, то христианская Западная Европа пребывала в состоянии глубокого варварства и в 10 и в последующие века. Задачей философии объявлялось логическое «доказательство» догматов религии. Огромное внимание уделялось разработке «вымученных ухищрений силлогистики» (Ленин. Соч. Т. XIII. С. 263), проведению тонких формальных различий, искусству словесного доказательства и спора. Традиционная (школьная) формальная логика в значительной степени была созданием средневековых схоластиков, использовавших логические трактаты Аристотеля в духе крайнего формализма.

Несмотря на общее всем схоластическое, церковно-теологическое направление, в их среде были и разногласия. Наибольшее философское значение имеет средневековый спор между «реалистами» и номиналистами. Реалисты утверждали преимущественную

(или единственную) реальность общих понятий («универсалий»), которые, по их учению, существуют в божественном уме до каких бы то ни было индивидуальных чувственных вещей и являются истинными «субстанциями», тогда как индивидуальные чувственные вещи – не более, чем их «атрибуты» или «акциденции». Номиналисты, напротив, считали, что «универсалии» суть лишь «имена» (*nomina*), создаваемые людьми для обозначения сходных предметов, и что единственной реальностью являются индивидуальные вещи. Спор велся гл. обр. в теологической плоскости, но в конце 13 в. частично вышел за пределы голой схоластики. Дунс Скотт считал допустимым приписывать материи способность мышления и пытался провести границу между теологией и рациональным знанием, чтобы этим путем обеспечить некоторую свободу научного исследования предметов природы. Вильгельм Оккам развил номиналистические тенденции Дунса Скотта в учение, утверждавшее, что только индивидуумы и представляют собой подлинную, вне субъекта существующую реальность. Маркс указывает, что «номинализм» является «первым выражением материализма» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. III. С. 157). И действительно, широкое распространение номинализма в конце Средних веков явилось первым предвестником возрождения материализма в 16–17 вв. Номинализм Дунса Скотта, Вильгельма Оккама, и их последователей отражает собой рост индивидуализма в общественной и политической жизни позднего Средневековья, связанный с развитием городов, торговли и промышленности, и пробуждение интереса к исследованию природы, к конкретным, чувственным вещам, в отличие от схоластических «универсалий» и умопостижимых «сущностей».

Ранним предшественником эмпиризма и материализма 16–17 вв. среди средневековых схоластиков является также английский монах Роджер Бэкон (см.) (1214–1294). Опираясь на греческих и арабских ученых, Бэкон защищал экспериментальную науку о природе и мечтал о практическом применении естествознания. За свои независимые воззрения Р. Бэкон почти всю свою жизнь подвергался суровым преследованиям. Бэкон был крупнейшим естествоиспытателем своего времени. Однако и Бэкон и номиналисты 13–15 вв. представляли собой лишь оппозиционные элементы внутри церковно-схоластической Ф. и не могли разбить ее, хотя и подтачивали некие из ее устоев. Задача разрушения идеологической диктатуры католицизма и создания нового научного мировоззрения была выполнена позднее в связи с развитием капитализма, начавшимся в 16 веке.

Борьба материализма с идеализмом в 17–18 вв. Новый мощный толчок к развитию научной мысли и Ф. дает эпоха Возрождения и следующие за ней 17 и 18 вв. Это была эпоха разложения феодального общества и формирования капиталистического способа производства. Рост торговли, мореплавания, военного дела, мануфактурного производства требовал развития естественных наук, опытного знания; шел процесс накопления конкретного материала во всех областях науки. Идеологи революционной в ту пору буржуазии выступают против феодального религиозного мировоззрения, против низведения Ф. на роль служанки богословия и становятся на путь выработки нового метода науки. Но порвать с религиозной идеологией буржуазной Ф. удалось только на короткий промежуток времени. Последо-

вательнее всего это сделали французские материалисты 18 в. в период, непосредственно предшествовавший буржуазной революции во Франции. Ограниченность буржуазной революционности – замена феодальной формы эксплуатации капиталистической – обусловила ограниченность буржуазного материализма, а дальнейший процесс развития капиталистического общества, в котором углубляется разрыв между умственным и физическим трудом, создал условия для возникновения новых форм идеализма.

Механистическое естествознание в борьбе со «скрытыми качествами» Средневековья выдвинуло задачу сведения качественного многообразия действительности к количественному изменению простейших элементов материи. Наука приступила к анализу и расчленению природы. Достижения науки на этом пути служили основой для развития Ф. в 17 и 18 вв. «Разложение природы на отдельные ее части, разделение различных явлений и предметов в природе на определенные классы, анатомическое исследование разнообразного внутреннего строения органических тел, – все это было основой тех исполинских успехов, которыми ознаменовалось развитие естествознания в последние четыре столетия. Но тот же способ изучения оставил в нас привычку брать предметы и явления природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого – не в движении..., а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенное Бэконом и Локком из естествознания в философию, это мировоззрение создало характерную ограниченность последних столетий: метафизический способ мышления» (Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 21). Анализ природы начался с исследования

простейшей формы движения материи – механического движения. Первое место в науке в этот период занимает «элементарнейшая отрасль естествознания – механика земных и небесных тел» (Энгельс. Диалектика природы // Там же. С. 477). Развитие механики стимулировалось интересами капиталистического производства. В связи с астрономией и механикой шло и развитие математики. Капиталистический способ производства, развиваясь в недрах феодализма, вовлекал в общий круговорот хозяйственной жизни все новые страны и открывал новые континенты. Коперник подорвал основы птолемеевской системы мира, основанной на непосредственно видимом движении планет. Новая практика обнаружила, что материальный мир гораздо шире, чем это признавалось ранее. Возникло противоречие новой практики со старыми формами мышления, с господствовавшей в Средние века схоластикой и религиозной идеологией. В обоснование необходимости новой Ф. Бэкон (см.) (1561–1626) указывает именно на этот факт. «Поэтому, было бы постыдным для людей, если бы границы умственного мира оставались в тесных пределах того, что было открыто древними, в то время как в наши времена неизмеримо расширились и приведены в известность пределы материального мира – т. е. земель, морей, звезд» (Бэкон. Новый органон. С. 151). В этот период Ф., развиваясь в самой тесной связи с наукой, провозглашает, что она призвана увеличить практическую мощь человека над природой. Декарт считал, что при помощи его нового метода в области Ф. «можно дойти до знаний, крайне полезных в жизни, и вместо той умозрительной философии, которую преподают в школах, найти практическую философию, при помощи которой, зная силу и действие

огня, воды, воздуха, звезд и всех других окружающих нас тел, как мы знаем различные ремесла наших рабочих, мы могли бы точно таким же способом использовать их для наших целей и тем самым сделаться хозяевами и господами природы» (Декарт, Рассуждения о методе). Бэкон считает целью науки изобретение. Задача Ф. – дать метод мышления, обеспечивающий достижение этой цели. Спиноза указывает, что он «хотел бы направить все науки к одному концу и цели, а именно к достижению наивысшего человеческого совершенства». Вначале в Ф. на первый план выдвигаются задачи методологические. «Сомнение» Декарта, «борьба с идолами» Бэкона, «очищение интеллекта» Спинозы стремятся проложить путь для создания нового метода мышления, могущего обеспечить познание и подчинение сил природы, необходимое для развивающегося производства.

Уже в конце 16 и в начале 17 вв. в тесной связи с развитием естествознания, в борьбе с господствовавшей до того времени схоластикой развивается и крепнет материализм в его механистической, метафизической форме. Родиной нового материализма была одна из наиболее развитых тогда стран – Англия. Маркс указывает, что Френсис Бэкон был истинным родоначальником материализма и вообще опытных наук нового времени. Бэкон резко нападает на всю прежнюю схоластическую Ф. и науку, игнорировавшие опытное исследование и целиком исходившие из авторитета библии и Аристотеля. Традиции и методы схоластики, по Бэкону, являются главной помехой на пути познания природы. Бэкон проповедует эмпиризм и разрабатывает индуктивную логику, как основное орудие научного исследования и обобщения. Материализм Бэкона не представляет со-

бой законченного метафизического материализма, в нем много элементов диалектики, в значительной мере еще наивной и недостаточно научно обоснованной. Природа у него еще не сведена к однородным первочастицам; Бэкон возражает против сведения материи к однообразным атомам. Элементы, к которым он сводит материю, качественно различны и разнообразны; он признает объективную специфичность первичных свойств, которые далее не разлагаются. Движение у Бэкона также «блещет еще нерастворимым многообразием своих форм». Каждый элемент обладает специфической формой движения, которое является законом его развития. Но эти формы движения и первичные свойства материи Бэкон трактует как вечные и неизменные, не понимает их историчности. Он придает решающее значение анализу, сведению сложного к простому. Индуктивная логика Бэкона, сыгравшая громадную роль в истории науки, является лишь разновидностью формальной логики.

Бэкон шел к механистическому материализму, но дать развернутую систему его не мог. Для этого не было еще достаточно и общественных и естественно-научных предпосылок. Механистические тенденции, имевшие место уже у Бэкона, развил до крайних пределов Гоббс, являющийся, по словам Маркса, систематизатором бэконовского материализма. Живая материя Бэкона сводится им к совокупности геометрических форм. Для Гоббса материя – это протяжение. Движение – механическое перемещение в пространстве, оторванное от материи. Покой – не частный случай движения, а равноправное с ним состояние материи. У Гоббса – «физическое движение приносится в жертву механическому, или математическому, движению» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. III.

С. 157). Единственным научным методом он признает математику – научное вычисление, основанное на сложении или вычитании тел и их свойств. Материализм Гоббса опирался на более высокий уровень естествознания и более развитые буржуазные отношения Англии середины 17 в. и, несмотря на свою метафизичность, представлял более высокую историческую ступень, чем бэконовский. Гоббс решительно выступает против схоластики и метафизики. Задачей Ф., по Гоббсу, является рациональное познание возникновения и свойств тел. Там, где отсутствуют реальные тела, Ф. делать нечего. Поэтому Гоббс исключает из Ф. учение о боге и всем «потустороннем» мире.

Во Франции 17 в., отставшей в своем экономическом развитии от Англии, Ф. развивается по несколько иному пути. Место эмпиризма занимает рационализм. Вместо относительно последовательного (в условиях той эпохи) английского материализма Ф. крупнейшего французского философа 17 в. Декарта (см.) имеет компромиссный, дуалистический характер. В ней соединены, прямо противоположные философские начала: механическо-материалистическая физика и идеалистическая метафизика. Эта половинчатость выражала слабость и нерешительность французской буржуазии на первом этапе ее развития. Декарт пытался создать компромисс между старым схоластическим мировоззрением и новым механистическим естествознанием. В своей метафизике он доказывает существование бога и двух самостоятельных субстанций, объединяемых богом, – мышления и протяжения (материи). «В границах его физики материя представляет собой единственную субстанцию, единственное основание бытия и познания» (Маркс и Энгельс. Соч.

Т. III. С. 154). В физике Декарта отражается общая тенденция механико-математического естествознания, стремящегося свести все качественное многообразие материи к голому количеству. Декарт лишил материю всех ее конкретных свойств и превратил в абстрактную геометрическую форму, обладающую лишь протяжением. Декарт оказался не в силах разрешить проблему единства материи и движения. Движение он понимает только как пространственное перемещение, не как атрибут, не как вечное свойство материи, а как модус ее. Поэтому Декарт не может объяснить возникновения движения и вынужден признать это делом бога, который сотворил материю и сообщил ей движение. Энгельс отмечает у Декарта отдельные моменты диалектики (напр. идея всеобщего взаимодействия материи на механистической, однако, основе, первые попытки объяснить происхождение мира и т. п.). Но в целом физика Декарта полностью исходит из позиций метафизического материализма. Достоверным познанием Декарт считает лишь разумное познание. Исходной точкой является интуитивное, отчетливое постижение основных принципов и аксиом. Следствия из аксиом познаются при посредстве дедукции. Все науки должны стать лишь отдельными частями единой универсальной математики. Ф. у Декарта охватывает всю совокупность человеческого знания и должна образовать систему наук, объединенную универсальным методом математического мышления. Главные составные части Ф., по Декарту, – метафизика, физика, технические науки (среди последних – медицина, механика). Против картезианской метафизики вели борьбу материалисты Гасенди (см.), Гоббс и Спиноза. К физике Декарта примкнул французский механический материализм.

Спиноза (см.) (1623–1677), выступая в Нидерландах, где еще в конце 16 в. имела место первая буржуазная революция в Европе, строит свою материалистическую систему на основе преодоления дуализма Декарта. Самостоятельную психическую субстанцию Декарта Спиноза свел к одному из атрибутов природы. Основным понятием его Ф. является субстанция – природа с двумя атрибутами – протяжением и мышлением. Субстанцию Спиноза называет богом, но понятие бога у него лишено религиозного содержания. Природа – субстанция – есть *causa sui* (причина самой себя). Все явления природы нужно объяснять, исходя из самой природы. Спиноза, отрицая конечные причины и цели в природе, считает механическую причинность единственной закономерностью и отношения между явлениями природы он рассматривает подобно отношениям между математическими фигурами. «Из абсолютного могущества бога или бесконечной природы все вытекает вечно с точно такой же необходимостью, как из природы треугольника от века следует, что его три угла равны двум прямым» (Спиноза). Исходя из нескольких основных аксиом, он стремится математическим методом вывести все содержание своей системы.

Признавая субстанцию самопричиной, отвергая «конечные» целеполагающие причины, он провозглашает материалистический принцип объяснения природы, исходя из нее самой, и наносит этим серьезный удар духовным и бестелесным сущностям метафизики. Но Спиноза не смог преодолеть рационалистически-метафизический метод, рассматривающий природу в вечном и неизменном состоянии. Материализм Спинозы имеет в основном абстрактный, метафизический характер с рядом схоластических привесков (вроде напр. наименования

природы богом). Всякое изменение, отрицание относятся к видоизменениям субстанции – к модусам, сама же субстанция сохраняет характер неподвижности, абстрактности. В «Святом семействе» Маркс, говоря об учении Спинозы, называет субстанцию Спинозы «метафизически перевернутой природой в ее оторванности от человека». – Несмотря на эти метафизические черты, материализм Спинозы является важным и существенным этапом в истории материализма и включает в себе ряд глубоких диалектических моментов. Спиноза развивает в механической форме идею всеобщего взаимодействия и связи в явлениях природы. Он устраняет декартовское понятие о боге как творце движения. Спиноза – строгий детерминист. Каждая конечная вещь причинно обусловлена, зависима и должна познаваться в связи с другими и с природой в ее целом. Однако причинная обусловленность каждой отдельной вещи означает вместе с тем, что вся природа в целом обусловлена только собой. Зависимость каждой отдельной вещи от других превращается в зависимость всей природы в целом только от самой себя, что и выражается понятием *causa sui*.

Но понимание всеобщего единства у Спинозы носит на себе еще отпечаток метафизичности. Он не был в состоянии обнаружить внутреннюю диалектическую связь между всеобщим и единичным. Движение, которое Спиноза понимал в смысле пространственного перемещения, не являлось у него вечным атрибутом материи. Не будучи в состоянии подняться до понимания движения как диалектического процесса развития, он не сумел, как правильно указал Джон Толанд, показать, каким образом разнообразие отдельных тел возможно примирить с единством субстанции.

Ограниченность метафизического материализма Спинозы была подвергнута глубокой критике английским материалистом Джоном Толандом (см.) (1670–1722). Толанд решительно выступил против абстрактного геометрич. сведения материи к протяжению и против отрыва движения от материи, показав, что это не дает возможности объяснить источник движения и многообразие мира. На идеалистической основе метафизику Ф. Спинозы критиковал Лейбниц (см.) (1646–1716), который в противоположность всеобщей субстанции Спинозы признавал абсолютную множественность субстанций, получивших у него название монад, и на почве объективного идеализма защищал точку зрения идеалистического плюрализма. У Лейбница мы находим элементы диалектики, но и он не смог выйти за пределы рационалистически-метафизического метода. Если у Спинозы нет перехода от абстрактной всеобщности к единичному и индивидуальному, то у Лейбница множественное и индивидуальное лишено всеобщей связи и гармония в изменениях единичных вещей предустановлена богом. Ленин в своем конспекте сочинения Фейербаха о Лейбнице выписал места, в которых Фейербах указывает эти особенности философии Спинозы и Лейбница. «Сущность Спинозы – единство, сущность Лейбница – различие, отличие... „Мир Спинозы – бесцветное стекло божества, среда, через которую мы не видим ничего, кроме ничем неокрашенного небесного света единой субстанции; мир Лейбница – многогранный кристалл, бриллиант, который благодаря своей своеобразной сущности превращает простой свет субстанции в бесконечно разнообразное богатство красок и вместе с тем

затемняет его”», – приводит Ленин слова Фейербаха (Ленин. Философские тетради. С. 77).

С точки зрения Лейбница кроме понятия протяжения необходимо ввести понятие силы. Лейбниц выражает протест против ограниченной математической и Механической характеристики процесса движения, и у него телесная субстанция не сводится к голому протяжению, а заключает в себе деятельную силу, принцип самодвижения. Он, хотя и на основе идеалистического толкования понятия силы, подошел к изучению различных форм движения материи. У Декарта при передаче движения одним телом другому сохраняется то же количество движения, измеряемое произведением массы на скорость. Лейбниц же считал, что сохраняется сила и измеряется она произведением массы на квадрат скорости. Формула Декарта имеет дело только с механическим движением. Формула же Лейбница, как указал Энгельс в своей «Диалектике природы», применима при превращении одних форм движения в другие. – Спор между Лейбницем и Декартом о двух мерах движения вскрывал недостаточность абстрактно-математической и механической характеристики всеобщей связи между явлениями природы. Развитие отдельных естественных наук, открывавших все новые стороны и свойства материального мира, делало уже невозможным сведение конкретного физического тела к абстрактному геометрическому протяжению. Но Лейбниц, отвергая абстрактно-математическое понимание всеобщего единства, становится на путь абстрактной метафизической единичности.

У Лейбница сколько вещей, столько и сил. Каждая сила является отдельной субстанцией – монадой, обла-

дающей индивидуальной природой. Каждая субстанция обладает самостоятельностью и представляет своеобразное духовное существо. Монады Лейбница неуничтожимы и бессмертны. Ни одна монада не может в процессе развития уничтожиться или превратиться в другую. Миропорядок – восходящий ряд монад. На основе метода анализа бесконечно-малых Лейбниц защищал принцип непрерывности в явлениях природы и утверждал, что природа не делает скачков. Лейбниц, высказывая принцип связи всякого явления с мировым целым, несомненно подходил к диалектике, но, превратив монаду в замкнутую единицу, он неизбежно попадал в сети метафизики и религиозной идеологии.

Эти воззрения Лейбница сложились на основе идеалистического толкования важнейших достижений биологического естествознания 17 в. Во второй половине 17 в. были достигнуты значительные успехи в области ботаники и зоологии, в деле изучения невидимого мира при помощи микроскопа. Анатомия и физиология низших организмов, разрабатывавшиеся Сваммердамом и Мальпиги, открытие инфузорий Левенгуком обнаружили новую область явлений и приводили естествоиспытателей к мысли, что природа велика и в самом малом. Лейбницевская монада представляет собой своего рода микроорганизм, отражающий в себе великое целое природы. Процесс развития Лейбниц понимает как количественное изменение данного зародыша, т. е. стоит на точке зрения преформизма, широко распространенного среди естествоиспытателей 17 и 18 вв. – Механистическое естествознание сводило все процессы природы к законам математики и механики. Но уже развитие конкретных наук во второй половине 17 в., в особенности развитие био-

логического естествознания, вскрывало недостаточность ограниченного механико-математического объяснения явлений, и вновь вставала проблема соотношения всеобщего и единичного, необходимого и случайного, формы и содержания в реальной действительности и в процессе человеческого познания. Лейбниц, выдвинув указанные проблемы, сделал ценный вклад в историю диалектики, но, протестуя против ограниченности механического естествознания, он исходил из метафизического раздвоения действительности на материальный и имматериальный мир. – Вся Ф. Лейбница носит на себе следы компромисса между элементами феодальной идеологии и новыми тенденциями буржуазного развития. В своем учении о гармонии он выразил мечтания зарождавшейся немецкой буржуазии о гармоническом сочетании ее интересов с интересами дворянства. Он стремился примирить механическое объяснение природы и аристотелевское учение о субстанциональных формах, эмпиризм и рационализм. Достижения биологического естествознания, получившие у Лейбница идеалистическое истолкование, были впоследствии использованы на материалистической основе французскими материалистами 18 в. У французских материалистов материя обладает, наряду с движением и протяжением, первичной способностью ощущения. Они уничтожают сверхъестественные силы и стремятся объяснить все явления природы, исходя из внутреннего единства самой природы. Лейбниц же исходит из противопоставления мира вечных и неизменных сущностей миру изменчивых явлений. У него физика должна получить свое обоснование в метафизике.

Метафизический метод мышления, складывающийся на основе аналитического изучения природы, сводил

ее качественное многообразие к абстрактному единству [Декарт (в пределах физики), Спиноза] или превращал единичное в неизменное качество. Последнее, в той или другой степени, имеет место у Бэкона, Локка, Лейбница и французских материалистов 18 в. Энгельс, сопоставляя диалектическое мышление греческой Ф. с метафизическим методом 17 и 18 вв., подчеркивает неспособность метафизического метода перейти от единичного к выяснению всеобщей диалектической связи между явлениями природы. В греческой Ф., указывает Энгельс, «диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте, не нарушаемой теми милыми препятствиями, которые сочинила сама себе метафизика 17 и 18 столетий, – Бэкон и Локк в Англии, Лейбниц в Германии, – и которыми она заградила себе путь от понимания единичного к пониманию целого, к проникновению во всеобщую связь сущего» (Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 339–340).

Метафизика, рассматриваемая как особая «наука» о последних началах бытия, в действительности черпала свое содержание из религии. Ее объектами были бог, душа и бессмертие. Уже во второй половине 17 в. крупные достижения математики и механики создали основу для самостоятельного развития отдельных естественных наук. Дифференциальное и интегральное исчисления, теория тяготения Ньютона, перестройка основ механики Гюйгенсом, развитие физической оптики свидетельствовали о росте и выделении специальных областей исследования. «Метафизика 17 столетия еще заключала в себе положительное, земное содержание (вспомним Декарта, Лейбница и др.). Она делала открытия в математике, физике и других точных науках, которые каза-

лись связанными с нею. Но уже в начале 18 столетия эта мнимая связь была уничтожена. Положительные науки отделились от метафизики и отмежевали себе свою собственную область. Все богатство метафизики ограничилось теперь только миром идей и божественными предметами, и это как раз в то время, когда реальные сущности и земные вещи начали сосредоточивать на себе весь интерес» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. III. С. 155–156). Против метафизики 17 в. как идеалистической «науки» вели борьбу Гоббс, Спиноза и французские материалисты 18 в., но их материализм представляет собой метафизический материализм в смысле антидиалектичности, неспособности понять мир как процесс. Указанный двойной смысл слова «метафизика» следует иметь в виду, когда говорится о борьбе материализма 17 и 18 вв. с метафизикой, и в то же время этот материализм сам характеризуется как метафизический.

Борьба материализма с идеализмом и метафизикой особенно обострилась с начала 18 в. во всех передовых странах Европы. В Англии в конце 17 в. после буржуазной революции буржуазия заключила компромисс с обуржуазившимся дворянством. Этот поворот буржуазии в политике отразился в английской философии 18 в. в виде усиления идеалистического лагеря. Английский эмпиризм, стоявший в 17 в. в лице Бэкона и Гоббса на материалистических позициях, поворачивает к идеализму. На эмпиристической основе развиваются субъективный идеализм Беркли и агностицизм Юма.

Известные колебания в сторону идеализма имеют место уже у Локка (см.) (1632–1704), который в основном стоит еще на позициях материализма. Локк под влиянием кризиса рационалистически-метафизического

метода особое внимание уделяет выяснению происхождения достоверности и возможностей человеческого познания. У Локка уже имеются попытки установить границы человеческого разума. Локк признает двойственный источник опыта: внешний мир и внутреннюю рефлексию. Локк отрицает врожденные идеи и считает чувственный опыт источником нашего познания. Но процесс мышления становится у него преградой на пути от субъекта к объекту. Процесс мышления заключается, по Локку, в сравнении, отвлечении и соединении простых идей. Возникающие в процессе мышления сложные понятия не отражают реального бытия. Понятие субстанции абстрагировано от чувственных восприятий и представляет собой лишь логическую абстракцию. Можно познавать лишь единичные свойства вещей, но субстанция не познаваема. Локк понимает общее понятие как результат суммирования общих признаков отдельных вещей и остается целиком в пределах формальной логики. Но, считая эти понятия по своей природе неспособными отразить реальное бытие, он критикует их не как продукты исторически ограниченного метафизического способа мышления, а рассматривает их как основу мышления, требующую установления границ познания. Локк делит качества вещей на первичные и вторичные. Объективными он признает только первичные качества (протяженность, форма, вес). Вторичные же качества (цвет, теплота, звук) Локк считает хотя и порождаемыми объективным движением, но субъективными по своей форме. Механистическое естествознание оказалось не в состоянии показать, каким образом всеобщее в реальном процессе движения сочетается с особенным и единичным. Это нашло

свое выражение и в противопоставлении Локком первичных и вторичных качеств.

Метафизическая противоположность между всеобщим и единичным в процессе познания проявлялась во всем развитии рационализма и эмпиризма. Рационализм, развивавшийся на основе успехов математики и механики, оказался неспособным, вследствие своей метафизической ограниченности, объяснить происхождение общих категорий мышления, превращавшихся у Декарта в прирожденные идеи. Эмпиризм же, в виду отсутствия историзма в понимании природы и мышления, потерпел крах в своих попытках одностороннего сведения общих категорий мышления к субъективно-психологическому опыту.

Развивая субъективистские моменты в Ф. Локка, английский философ епископ Беркли (см.) (1685–1753) построил последовательную Ф. субъективного идеализма. Беркли – идеолог наиболее реакционных групп английской буржуазии, заключившей союз с дворянством для борьбы против зарождающегося пролетариата, непримиримый враг материализма, открытый защитник поповщины в Ф. Беркли утверждает, что единственной реальностью являются ощущения. Вещи – это комплекс идей, ощущений. Первичные качества Локка – протяжение, движение, фигура, непроницаемость и т. д., – по Беркли, являются также субъективными и поэтому не могут иметь реального существования; он считает их только общими понятиями, образованными на основе формальной логики. «Так как ум наблюдает, что в отдельных протяжениях, воспринятых через ощущение, есть нечто общее и сходное во всех и нечто другое частное, например, та или иная фигура или величина, отли-

чающаяся одна от другой, то он отдельно рассматривает или выделяет само по себе то, что обще, образуя тем самым наиболее отвлеченную идею протяжения, которое не есть ни линия, ни поверхность, ни тело, не имеет никакой фигуры, ни величины, но есть идея, совершенно отрешенная от всего этого» (Беркли. Трактат о началах человеческого знания).

Понятие материи, субстанции Беркли считает общей идеей, фикцией, возникшей путем такого отвлечения, и поэтому объявляет ее реально несуществующей. Кризис формально-логического, метафизического способа мышления епископ Беркли использовал для нападения на материализм и для обоснования идеи бога. Противопоставляя отвлеченное понятие, созданное на основе формальной логики, единичному восприятию, Беркли приходит к выводу о невозможности существования отвлеченных понятий вообще. Общие понятия, с его точки зрения, являются фикциями, и в действительности существуют лишь единичные представления. По мнению Беркли, когда говорят о дереве или треугольнике вообще, то в действительности имеют в виду чувственно-определенное дерево или треугольник. Отдельные конкретные представления могут играть роль заместителей определенной группы чувственных восприятий, но отвлеченные понятия невозможны и им ничего не соответствует в реальной действительности. Отдельное психологическое ощущение и восприятие Беркли превращает в абсолют, а единство мира объясняет существование духовной божественной субстанции. Беркли, сводя пространство, время и материю к абстрактным формально-логическим понятиям, доказывает невозможность их объективного существования. У Беркли метафизиче-

ская противоположность между отвлеченно-всеобщим и единичным в процессе человеческого познания достигла своего крайнего выражения.

Более тонкая и скрытая критика материализма дается Юмом (см.) (1711–1765). Юм выступает не как открытый субъективный идеалист, а как скептик и агностик, не прямо отрицающий материю, а подвергающий сомнению ее существование. В центре своей критики материи он ставит проблему объективной причинности. Юм отрицает существование объективной причинности в природе, он считает, что она не дана в непосредственном чувственном восприятии, но и не является априорным свойством разума. Источником причинности является механизм психологической ассоциации и привычки. Познать реальную, необходимую связь невозможно. Отрицание объективной причинности, отрыв познания от практической деятельности и отсутствие исторического понимания процесса познания лежат в основе скептицизма и психологизма Юма. Скептицизм Юма, хотя и отверг духовную субстанцию Беркли, в основном развивал дальше его методологические положения. Юм подверг критике понятие субстанции как неизменного начала, лежащего в основе мира, и учил, что понятие субстанции, не выражая ничего объективного, является результатом психологического опыта, создающего у человека впечатление известного постоянства в сочетании представлений.

Историческая роль Ф. Юма заключается в том, что он поставил и заострил вопрос о возможностях и границах познания, причем сам решал этот вопрос с позиций скептицизма и агностицизма. Юм оказал большое влияние на последующую философию, особенно на Ф.

Канта. – Субъективный идеализм Беркли и скептицизм Юма представляют лишь отдельные ступени в процессе развернувшегося кризиса метафизического способа мышления.

Решительную борьбу против идеализма, метафизики и религии развернул французский материализм 18 в. (см.), представлявший высшую ступень, достигнутую домарксовским материализмом. Французские материалисты резко критикуют субъективный идеализм, характеризуя его как самую нелепую и абсурдную Ф., достойную сумасшедшего дома. Французские материалисты дали яркую критику религии. Материалистическая Ф. разрабатывается ими и противопоставляется метафизике как единственно научный путь познания. Ламетри (см.) (1709–1751) заявляет: «Все, что не исходит из недр природы, что не представляет собой явлений, причин, следствий, – словом, науки о вещах, – не имеет никакого отношения к философии и проистекает из чуждого ей источника». Французский материализм 18 века понятия материи и движения разрабатывает на большом конкретном естественнонаучном материале своего времени.

Материя у французских материалистов перестает быть отвлеченным протяжением, обладающим лишь геометрическими свойствами, как у Декарта и Гоббса. Материи, по мнению французских материалистов, присущи движение, протяжение и элементарная способность ощущения как ее неотъемлемые свойства. Материю французские материалисты рассматривают как конкретное физическое тело, считая ее состоящей из однородных атомов. Задачи Ф. неразрывно связаны с задачами научного исследования. Дидро (см.) (1713–1784) указывает, что философское обобщение может

явиться лишь в результате размышления над данными чувств, опыта и наблюдения. У него мы даже встречаем выражение «экспериментальная философия» (Дидро. Избр. соч. Т. I. С. 79). «Истинный прием философствования заключался и, вероятно, будет заключаться в том, чтобы приходить на помощь разумом разуму, разумом и опытом – чувствам, приспособлять чувства к природе, пользоваться природой для изобретения инструментов, инструментами – для исследований и усовершенствования ремесл, которые необходимо предоставлять народу, чтобы научить его уважать философию» (Дидро. Избр. соч. Т. I. С. 85). Великой заслугой материалистов 18 в. было то, что они подчеркивали единство материи и движения. Их ограниченность заключалась в том, что они понимали движение только как механическое движение, только как перемещение в пространстве. Французы не понимали идеи развития, их материализм был метафизическим, антидиалектическим. У отдельных представителей французского материализма (Дидро) мы находим гениальные зародыши теории развития, но в основном у них господствует метафизическое представление о неизменности природы. Единственным видом закономерности признается механическая причинность.

Французский материализм, являясь идеологией революционной буржуазии, идущей к власти, не мог ограничиться рамками учения о природе и разрабатывал учение о политике и человеческом обществе. Но объясняя явления общественной жизни действием разума, французский материализм в области понимания истории оставался на почве идеализма. Энгельс отмечает, что в области общественных явлений для французского материализма было характерно то же отсутствие исто-

рического взгляда. Французский материализм ставил перед собой задачу вскрыть единство процессов природы и объяснить мир из него самого, но, сводя все к механическому движению, он не был в состоянии обнаружить реальные переходы и связи в действительном мире и полностью преодолеть идеализм.

В теории познания французские материалисты, материалистически развивая положения Локка, считали ощущение единственным источником познания. Рациональное познание заключается в обработке данных чувственного восприятия. Французский материализм показал, что содержание мышления и знания происходит из чувственного опыта и внешнего мира, но он не сумел раскрыть всего богатства форм мышления и показать, что не только содержание, но и формы мышления почерпнуты из внешнего мира. Несмотря на блестящие элементы диалектики у некоторых своих представителей, особенно у Дидро, французский материализм остался в целом ограниченным, созерцательным, метафизическим, неспособным подняться до диалектической формы мышления.

Классический немецкий идеализм. Ограниченность метафизического способа мышления вскрывалась всем ходом развития конкретных наук. Переход к диалектической философии, к диалектическому мышлению находит свое выражение в немецкой классической философии конца 18 – начала 19 вв. В отличие от античной, стихийной диалектики немецкий идеализм сознательно и систематически развивает диалектическое мировоззрение и методологию. Но как бы ни была широка и всесторонне развита диалектика в классической немецкой философии, она была развита на основе

ложной идеалистической позиции и лишь постольку, поскольку позволяла эта ложная исходная позиция. Закономерности объективного мира и мышления зачастую отражались идеалистической диалектикой в искаженном виде. Немецкий диалектический идеализм был философской идеологией прогрессивного на том этапе общественного класса – буржуазии. Эпоха возникновения и господства немецкого классического идеализма была эпохой восходящей линии буржуазии, эпохой буржуазно-демократических революций, быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений. Французская революция оказала громадное влияние на идеологическое развитие Германии в конце 18 и начале 19 вв. Идеалистическая диалектика немецкой Ф. отражала эту ломку феодального строя. Маркс замечательно метко определил немецкий классический идеализм как «немецкую теорию французской революции» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. I. С. 212). Диалектический характер немецкой Ф. конца 18 и начала 19 вв. отражал также перелом, который наметился к этому времени в науке, – перелом, связанный все с большим и большим проникновением идеи развития в все области знаний (космогония, геология, эмбриология, проблема развития в биологии и т. д.) и все больше подтачивающий основы метафизического мировоззрения. Вместе с тем идеалистическая основа этой диалектики была обусловлена слабостью и зависимостью от феодализма тогдашней немецкой буржуазии, ее экономической неразвитостью, ее политической трусостью и непоследовательностью. Бессильная вести реальную политическую борьбу, буржуазия переносила ее в область мысли, идей, политическая революция сводилась к революции фило-

софской. – Немецкий классический идеализм проходит четыре основных этапа, связанных с именами Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. В своих естественнонаучных работах Кант пробил первую брешь в метафизическом учении об абсолютной неизменности природы. В своей «Всеобщей и естественной истории и теории неба» он рассматривает землю и солнечную систему как нечто, возникшее во времени. Кант, исходя из притяжения и отталкивания, положительной и отрицательной деятельности материи, стремится объяснить возникновение, развитие и гибель солнечной системы. В докритический период у Канта зарождается сознание необходимости реформы старой формальной логики. Подойдя к рассмотрению природы как исторического процесса, он должен был убедиться, что категории формальной логики не могут выразить и охватить процесса изменения и реального становления. Для того чтобы объяснить процесс изменения, Кант считал необходимым признать существование реальных противоположностей в самой действительности и под этим углом зрения подверг критике законы тождества и противоречия. В философии Канта отчетливо обозначился кризис старой метафизической формы мышления и выдвинулась задача создания нового метода мышления.

Кант в процессе своего философского развития, испытывав влияние метафизики Лейбница и Вольфа, эмпиризма Бэкона и Локка, подошел к проблеме возможности познания в той форме, как она была выдвинута скептицизмом Юма. Если французский материализм, являясь идеологией революционной буржуазии, боролся против метафизики и проповедывал атеизм, то Кант проблему возможности познания рассматривает в связи

с вопросом о новом обосновании метафизики. Разработка метода идеалистической диалектики в условиях экономически отсталой Германии сочетается с процессом реставрации метафизики (в смысле идеалистической философии, трактующей о последних основах бытия и пытающейся обосновать существование бога). Кант считал необходимым предпринять критику разума для того, чтобы обосновать возможность метафизики, которой он называл всякую «чистую» («свободную» от эмпирического исследования) философию.

Метафизика, по Канту, делится на «метафизику спекулятивного и практического применения чистого разума и бывает, следовательно, или метафизикой природы или метафизикой нравов». Метафизика природы содержит в себе все «чистые» принципы разума в отношении теоретического познания всех вещей. Метафизика нравов – принципы *a priori*, определяющие деятельность человека. – В своей Ф. Кант является дуалистом. Он признает существование объективного мира – «вещей в себе», действующих на органы чувств и порождающих восприятия и ощущения, которые и составляют содержание познания. Но Кант объявляет «вещи в себе» непознаваемыми. Познание, по Канту, имеет двойной источник. Содержание его берется из опыта, форма же привносится рассудком на основе присущих ему априорных форм мышления. Кант, отрывая форму от содержания, сущность от явления, приходит к агностицизму. Кант считает самой главной задачей своей Ф. – обособить друг от друга эмпирическое знание, возникающее из опыта, и «чистое» знание, получаемое *a priori*, независимо от опыта. Различение этих двух видов знания служит у Канта основой для проведения границы между

эмпирическими науками и Ф. С точки зрения Канта Ф. представляет особый вид познания, независимый от эмпирического знания и опыта. Ф. – познание «чистых принципов разума» из одних лишь понятий. Кант оторвал Ф. от науки и в решении проблемы познания стал на путь разрыва между формой и содержанием познания. Чувственное восприятие доставляет многообразный эмпирический материал. Мышление своей синтетической деятельностью вносит единство в это многообразие. Но этот синтез, по мнению Канта, основан на априорных понятиях, предшествующих опыту и делающих его возможным. Задача его «трансцендентальной» философии – открытие априорных принципов, составляющих основу опыта.

Пространство и время превращаются у Канта в априорные формы чувственности. Категории (количество, качество, отношения и модальность), осуществляющие синтез материала чувственных впечатлений, рассматриваются как априорные формы деятельности рассудка. Область познания ограничивается миром явлений, действительность же, как она существует сама по себе, – «вещь в себе» – не познаваема. Прделав в «Критике чистого разума» работу по очищению мира «вещей в себе» от пространства, времени, причинности и необходимости, Кант подготовил возможность в «Критике практического разума» поселить в мире «вещей в себе» бога, бессмертие и свободу.

Кантовская критика разума была неспособна преодолеть старый, рационалистически-метафизический способ мышления. Кант не берет формы мышления в историческом развитии; он абсолютизирует математико-рационалистические формы познания и метафизически

противопоставляет форму и содержание познания. Категории внутренне не связаны между собой, и таблица категорий своей основой имеет классификацию суждений в формальной логике. Категории пространства, времени, субстанций и причинности заимствованы из механистического, математического естествознания того времени и превращены в априорные формы субъекта. Но, несмотря на свою метафизическую основу, Ф. Канта дала сильный толчок развитию идеалистической диалектики. В своей трансцендентальной логике он вскрыл недостаточность формальной логики, хотя сам в целом остался на формально-логических позициях. Особое место в истории диалектики занимает учение Канта об антиномиях. Кант показывает, что разум неизбежно приходит к противоречиям. Диалектика, по Канту, «с той же необходимостью следует из разума, с какой разум стремится к неограниченному познанию, – стремление, коренящееся в самой его природе». Ленин пишет: «большая заслуга Канта, что он у диалектики отнял кажущуюся произвольность» (Ленин. Философские тетради. С. 98). Но, поставив проблему противоречия, Кант не справился с ней. Он считает антиномии субъективными и иллюзорными, неразрешимыми, ограничивает число их четырьмя. Диалектические моменты, заключавшиеся в Ф. Канта, послужили исходной точкой в развитии метода идеалистической диалектики у Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Фихте (см.) (1762–1814) выступает против дуализма Канта, отбрасывает «вещь в себе» и создает систему субъективного идеализма. Диалектика у Фихте становится универсальным методом познания и принципом развития всего бытия. Увлеченный первыми блестя-

щими успехами французской революции 18 в., он сосредоточил все свое внимание на изучении проблемы «действия» – свободы под углом зрения этики. У Фихте понятия и категории теряют свою мертвенную неподвижность и становятся деятельными, возникают и развиваются. Задача философа заключается в том, чтобы следить за ходом этого возникновения и развития.

Фихте первый пытается преодолеть абстрактную метафизическую противоположность между бытием и мышлением, возведенную Кантом в абсолютную догму, но эту противоположность он преодолевает таким образом, что объект растворяется и исчезает в чистой деятельности субъекта. Фихте выдвигает действие и практику как средство объединения чувственного и умопостигаемого мира. «Понятие действия есть единственное понятие, соединяющее оба мира, существующие для нас в наличности чувственной и умопостигаемой» (Фихте). Субъективный идеализм Фихте, вдохновляемый пафосом и идеалами французской революции 18 века, преломленными через призму экономической отсталости Германии, сводит все практические и политические проблемы к этике, и практика у него понимается как практика нравственной воли и морального сознания. Исходя из этого понимания практики, Фихте и стремился обосновать свою идеалистическую диалектику самосознания.

С точки зрения Фихте основной задачей Ф. должно являться установление основоположений всех частных наук, и поэтому Ф. у него выступает в роли наукоучения. У Фихте тенденция отрыва Ф. от частных наук находит свое продолжение и углубление. «Как наука, наукоучение совсем не спрашивает относительно опыта и

совершенно не принимает его во внимание. Оно должно бы было быть истинно и в том случае, если бы даже не могло существовать никакого опыта» (Фихте. Избр. соч. Т. I. 1917. С. 317).

Первые раскаты грома французской революции 18 в. немецкие передовые буржуазные и мелкобуржуазные идеологи приветствовали с восторгом. Но дальнейшее развитие революции – якобинская диктатура и революционный террор в Париже – вселило в сердца немецких бюргеров страх перед революцией. Этот поворот в настроениях немецкого бюргерства сказался и на характере дальнейшего развития немецкого классического идеализма. Совершается переход от действенного этического идеализма Фихте к более созерцательному идеализму Шеллинга (см.) (1775–1854).

Основой объективного идеализма Шеллинга является учение об абсолютном, поглощающем в безразличном единстве объективное и субъективное, природу и дух. Природа, по мнению Шеллинга, представляет собой дух в его бессознательном развитии. Свою диалектику природы Шеллинг строит на идеалистических предпосылках. Положительной заслугой натурфилософской диалектики Шеллинга является то, что она стремится изобразить природу как универсальный динамический процесс, осуществляющийся посредством борьбы противоположностей. Натурфилософская диалектика Шеллинга развивается под непосредственным влиянием крупных открытий в естествознании, выразившихся в новой теории горения Лавуазье, в учении об электричестве Гальвани и Вольта, в электрохимизме Деви и др. Используя эти успехи естествознания, Шеллинг пытался обосновать принцип всеобщего единства и развития природы.

Учение Шеллинга о единстве всех сил природы являлось положительным толчком к дальнейшему развитию естествознания. Так напр., Эрстед, проповедуя принцип монизма всех явлений природы, непосредственно под влиянием Шеллинга открыл (1820) явление электромагнетизма. Натурфилософская диалектика Шеллинга в своем общем методологическом подходе к природе как динамическому процессу явилась предвосхищением целого ряда гениальных гипотез естествознания, но, будучи развита на идеалистической основе, она очень часто действительную связь явлений природы подменяла искусственными и фантастическими построениями. – Шеллинг подвергал критике законы формальной логики с точки зрения идеалистической диалектики, но основная историческая роль его Ф. – не столько в дальнейшем развитии диалектического метода, сколько в применении его к природе. В остальных своих философских построениях Шеллинг развивал реакционно-идеалистические концепции, скатившись в конце своей деятельности к прямому мистицизму, к проповеди мистической интуиции, яростно нападая на революционную диалектику Гегеля. Энгельс, указывая, что мы гордимся тем, что приходим по прямой линии от Канта, Фихте, Гегеля, не упоминает в числе философских предшественников марксизма Шеллинга.

Новым этапом в развитии метода идеалистической диалектики является философия Гегеля, представляющая собой, как указал Энгельс, заключительный фазис философского движения со времени Канта. Философия Гегеля (1770–1831) представляет универсальную философскую систему, в которой действительность изображена в виде процесса. Поэтому гегелевская систе-

ма стремится охватить все стороны действительности и включить в себя все отрасли человеческого знания. «Феноменология духа» (которую можно было бы назвать, параллельно эмбриологии и палеонтологии духа, развитием индивидуального сознания на различных его ступенях, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием), логика, философия природы, философия духа, разработанная в ее отдельных исторических подразделениях, философия истории, права, религии, история философии, эстетика и т. д., – в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития» (Энгельс. Людвиг Фейербах // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 639). Основой и носителем процесса развития у Гегеля является абсолютная идея. Логическое развитие идеи предшествует природе, которая есть лишь ее инобытие. В природе абсолютная идея развивается в виде естественной необходимости. В духе, т. е. в мышлении и истории, совершается процесс самопознания абсолютной идеи и находит свое завершение в гегелевской Ф. С точки зрения Гегеля Ф., как выражение абсолютного духа на каждой исторической ступени познает отдельные его стороны.

В мистифицированной и идеалистической форме Гегель подходит к пониманию внутренней закономерности процесса развития Ф. В своей истории Ф. он указывает, что собственно существует лишь одна Ф. и что отдельные философские учения являются только различными ступенями развития этой Ф. Историческая последовательность философских учений не есть случайная смена субъективных мнений, а представляет

собой внутренне необходимый процесс становления Ф. Каждая философская система выдвигает какой-нибудь отдельный принцип, который не отвергается целиком последующим развитием, а включается в новое учение как подчиненный момент.

Философия Гегеля поэтому поставила перед собой задачу осуществить синтез всех основных принципов, проявившихся в истории философии. Эту задачу и пытается решить Гегель в своей «Логике». Его «Логика» является обобщением истории философии и науки. Определенное место категории в логике соответствует определенной ступени развития человеческого знания. Познание, по Гегелю, начинается с изучения внешних связей в предметах и явлениях и переходит к раскрытию внутренних связей и законов. Познание, выражаясь гегелевским языком, движется от бытия к сущности. «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc.) – таков действительно общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и естествознания и политической экономии [и истории]. Диалектика Гегеля есть, постольку, обобщение истории мысли» (Ленин. Философские тетради. С. 240). Категории качества, количества, меры и т. д. выражают у Гегеля определенные ступени развития Ф. и науки. Понятие в процессе своего развития в гегелевской логике совершает восхождение от абстрактного к конкретному. Процесс поступательного логического развития обусловлен борьбой противоположностей, неустанным возникновением и разрешением противоречий.

Гегель в своей «Науке логики» осуществляет тождество диалектики, логики и теории познания на идеали-

стической основе. Логика у него должна представлять «метафизику» или умозрительную Ф. Гегель подверг методологической критике старую метафизику, но содержание ее перенес в свою логику. Тождество законов мышления и бытия у Гегеля основано на идеалистическом положении, что «мышление, как всеобщее начало всех предметов естественного и духовного мира, объемлет в себе всех их и образует основу всего существующего» (Гегель. Логика. С. 42). Но в результате идеалистической мистификации реальный исторический процесс действительности растворяется у Гегеля в логическом процессе мысли. Логическое движение превращается у Гегеля в творца природы и истории. Природа и история – лишь прикладная логика. В своем идеалистически-диалектическом методе Гегель придал историческому ходу развития познания абстрактную и спекулятивную форму, но, несмотря на эту идеалистическую маскировку, «развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию мировой истории» (Энгельс. Рецензия на кн. Маркса «К критике политической экономии»). Логика у Гегеля вырастает из истории познания. На этом пути Гегель намечает единство логики и теории познания. Гегелевская логика, изучая формы мышления в их историческом развитии, раскрывает вместе с тем до известной степени их реальное содержание и доказывает возможность объективного познания. Категории в «Логике» Гегеля являются выражением отдельных сторон «реального бытия», понимаемого, как мы указали, чисто идеалистически. Требование Гегелем «содержательной» логики было вызвано тем, что формальная логика и основанный на ней метафизический способ мышления не в состоянии выразить процесс изменения

и развития действительности. Формальная логика (см.) имеет дело с пустыми формами мышления и отвлекается от всякого содержания. Диалектическая логика Гегеля требует изучения содержания. Ленин указывает, что Гегель «требует логики, в коей формы были бы содержательными формами, формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» (Ленин. Философские тетради. С. 93). Но само содержание понимается Гегелем с духовной стороны. Гегель лишь в идеалистической, извращенной форме угадал, что логика не есть учение о внешних формах мышления, а представляет собой науку о законах развития действительного мира и процесса познания. Основной идеалистический порок Гегеля заключается в том, что у него законы диалектики не выведены из природы и истории, а навязаны последним как законы мышления.

Гегель считает, что изучение бесконечной, всеобщей связи всех вещей и явлений может обеспечить только Ф., а не частные науки. Частные науки имеют дело с конечными предметами и явлениями, оставаясь в пределах рассудка. Частным наукам Гегель отводит, в сущности, ту роль, которую они играли в период, когда основной задачей являлся анализ и расчленение природы, собиране и накопление материала. По мнению Гегеля, задача Ф. – показать их единство в процессе развития конкретного целого, понимаемого Гегелем как процесс саморазвития понятия. Различие между Ф. и частными науками сводится к различию употребляемых ими категорий. Отдельная наука доводит свое исследование до определенного предела, за которым в свои права вступает Ф. «Философия природы подхватывает материал, изготовленный физикой на основании опыта,

в том пункте, до которого довела его физика, и в свою очередь преобразовывает его дальше, не кладя в основание опыта как последнего подтверждения. Физика таким образом должна помогать философии, подготавливать для нее материал, чтобы она перевела на язык понятия полученное ею от физики рассудочное всеобщее, показывала, каким образом это последнее происходит из понятия как некое в самом себе необходимое целое» (Гегель. Соч. Т. II. С. 16). В каждую науку и область исследования Ф. была призвана вносить внутреннюю и необходимую связь, и соответственно отдельным областям знания Гегель и разрабатывал философию природы, истории, права и т. д., создавая всеобъемлющую философскую систему, возвышающуюся над отдельными науками.

Идеалистическая диалектика Гегеля черпала свой материал в диалектике форм сознания, развертывавшейся в процессе превращения феодального общества в буржуазно-капиталистическое. Осознание и выражение в идеалистической форме сдвигов, порожденных развитием капиталистических форм хозяйства в недрах феодализма, и качественных изменений в структуре общества, явившихся результатом французской революции 18 в., составляют исходную точку и движущий мотив гегелевской идеалистической диалектики.

Рост капиталистического способа производства преодолевал провинциальную ограниченность и замкнутость отдельных народов и создавал общую экономическую основу всемирной истории. Рост производительных сил и победоносная буржуазная революция во Франции указывали на поступательный ход развития исторического процесса и отмечали переход от низших

к более высоким ступеням развития. Маркс на основе материалистического понимания истории показал, что превращение истории во всемирную историю является результатом особенностей капиталистического способа производства, а не порождением метафизических признаков – абстрактного самосознания и мирового духа. У Гегеля в центре внимания стоит проблема всемирной истории. Гегелевская «абсолютная идея», «мировой дух», в идеалистической и телеологической форме выражает процесс становления всемирной истории. Эта мистификация порождена тем, что формы общественного сознания в условиях товарно-капиталистического общества приобретают характер внешней объективной силы, господствующей над человеком наряду с продуктами его материального труда. Гегель в своей «Феноменологии духа» рассматривает государство, право и все формы общественного сознания как результат человеческого труда, понимаемого, однако, им исключительно как духовный труд. Будучи идеалистом и стоя на буржуазно-ограниченной точке зрения, противопоставляющей физический и духовный труд, он не был в состоянии постичь материальное единство исторического процесса и показать, что формы сознания определены историческими формами материального труда, уровнем развития производительных сил и борьбы классов.

Основное противоречие философии Гегеля, как указывает Энгельс, это – противоречие между революционным методом и консервативной системой, подавлявшей и ограничивавшей этот метод. Но метод и система у Гегеля не являются чуждыми друг другу. Это – противоречие внутри идеализма: между идеалистической системой и идеалистическим же методом. Маркс указывал, что его

материалистическая диалектика коренным образом отличается от гегелевской.

Буржуазная Ф. после возникновения марксизма.

Философия Гегеля оказалась последним мощным синтезом в истории буржуазной Ф. После того как буржуазия в Англии и Франции завоевала политическую власть и пролетариат в ряде классовых битв выступил как самостоятельный исторический фактор (июльская революция 1830 во Франции; Лионское восстание 1831 и 1833; чартистское движение 1830–40-х годов в Англии; революция 1848), классовая борьба между буржуазией и пролетариатом в практической и теоретической области начинает принимать острые и угрожающие для капитализма формы. Сложился марксизм как мировоззрение пролетариата. Задачей буржуазной Ф. становится не более или менее беспристрастное исследование действительности, а фальшивая защита и освящение основ буржуазно-капиталистического общества. Энгельс отмечает распад и вырождение философского мышления в Германии после революции 1848. «Что же касается исторических наук, до философии включительно, то здесь, вместе с классической философией, совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли бессмысленный эклектизм, заботы о доходных местечках, об успехах по службе и даже самое низкое лакейство. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, в то время как и та, и другое вступили в открытую борьбу с рабочим классом. Только в среде рабочего класса продолжают теперь жить старые немецкие теоре-

тические интересы... Немецкое рабочее движение является наследником классической немецкой философии» (Энгельс. Людвиг Фейербах // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 677, 678).

В послегегелевский период буржуазная Ф. стала на путь отказа от научного познания и не ставила вопроса о дальнейшем развитии диалектического метода. На буржуазной Ф. послегегелевского периода лежит печать эклектизма и реакционного воинствующего идеализма. Свою главную задачу современная буржуазная Ф. усматривает в борьбе против материализма. Отождествляя диалектический материализм с механическим, буржуазные идеалисты занимаются тем, что опровергают метафизический материализм, выдавая его за материализм Маркса–Ленина.

Великие философские системы классиков буржуазной Ф. сменяются бесконечным числом мелких и плоских школок. Расцветает пышным цветом казенная университетская «профессорская» эклектическая Ф. Содержанием этой измельчавшей буржуазной Ф. является, прежде всего, самое реакционное эпигонство, повторение на разные лады и вариации наиболее слабых и реакционных сторон философского развития прошлого, пережевывание давно отвергнутых систем Беркли, Юма, Канта. Одна за другой выступают различные школы «неоюмизма», «неокантианства», «неоспинозизма», «неогегельянства» и т. д. Все они, в соответствии с общей реакционно-идеалистической тенденцией современной буржуазии, берут худшие, слабейшие стороны Канта, Спинозы, Гегеля и др.

Отказ от познания мира в целом, признание невозможности познания сущности вещей, махровый идеа-

лизм составляют существенную черту позитивизма, эмпириокритицизма (см.) и неокантианства.

Позитивизм Конта и Спенсера (см.) сложился в период, когда буржуазия еще была заинтересована в развитии естественных наук, но уже испытывала страх перед материалистическими выводами естествознания. У Конта и Спенсера задача Ф. сводится к эклектическому суммированию результатов науки и к примирению науки с религией. Рассматривая понятия движения, пространства, времени, силы, причинности и противоречия, связанные с их механистическим и метафизическим толкованием, Спенсер не ставит вопроса о выходе за пределы метафизики и формальной логики, а делает отсюда вывод о непознаваемости сущности вещей и требует примирения религии и науки.

Эмпириокритики Авенариус и Мах, подобно Беркли и Юму, стремятся свести процесс человеческого познания к субъективно-психологическому «опыту». Реальная действительность отождествляется с чувственным восприятием. Подвергая критике механическую причинность, которую механический материализм изображает как единственную форму всеобщей связи, Мах и Авенариус отрицают объективную причинность и закономерность вообще, заменяя ее кондиционализмом и функциональной зависимостью, к-рая приводит к отказу от познания действительной внутренней связи между явлениями природы. Близко к эмпириокритицизму примыкает имманентная Ф. Шуппе (см.), которая стремится сочетать психологизм Беркли и Юма с априоризмом Канта. В настоящее время эта тенденция проявляется у неомахистов (Карнап, Рейхенбах и др.), стремящихся сочетать махизм с логистикой (см.).

Неокантианство (см.) отбрасывает материалистическую вещь в себе, признаваемую Кантом, и все свое внимание сосредоточивает на обосновании априорных форм познания. Вождь Марбургской школы неокантианства, Герман Коген (см.), рассматривает предмет чистого познания исключительно как продукт мышления. «Чистое знание» у Когена в отличие от кантовского «чистого» мышления творит не только «чистую» форму, но и «чистое» содержание предмета. Коген устранил ощущение и восприятие как исходную точку познания и довел формализм и априоризм Канта до крайних пределов. С точки зрения Когена, мышление не получает никакого материала извне, а творит его из самого себя. Коген растворяет бытие в мышлении и выводит все содержание науки из логики. Коген пытается сочетать реакционные стороны гегелевской и кантовской систем, заимствуя у Канта априоризм и у Гегеля его абсолютную самостоятельность логического мышления. Коген в обосновании кантовского априоризма опирается на формализм современной математической физики. По поводу попытки Когена обосновать априоризм Ленин замечает: «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки. Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. „Материя исчезает“, остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе» (Ленин. Соч. Т. XIII. С. 251–252). Представители Фрейбургской школы (см.) неокантианства Риккерт и Виндельбанд (см.), также отвергая кантовскую вещь в себе,

стремятся обосновать идеализм в истории, противопоставляют историю природе и создают метафизическую противоположность между естественными и общественными науками.

Углубление кризиса метафизического способа мышления заставило буржуазных философов еще во второй половине 19 в. прибегнуть к сочетанию учений Канта и Гегеля. Неогегельянство в Англии во второй половине 19 в. (Стерлинг, Брэдли, Мак-Таггарт и др.) представляет собой попытку приспособления Гегеля к Канту. Основная мысль произведения Стерлинга «Секрет Гегеля» сводится к тому, что секрет Гегеля является, в сущности, секретом Канта. У Брэдли сохраняется противоположность между миром явлений и абсолютной действительностью, к-рая лишена всяких противоречий. Для них характерно полное непонимание диалектического метода Гегеля.

После империалистической войны в условиях всеобщего кризиса капитализма в ряде стран выдвигается лозунг «назад к Гегелю». Начинают говорить о «новой диалектике» (Ионас Кон). А. Либерт требует создания «трагической диалектики», выражающей якобы неразрешимые противоречия современной эпохи. Неокантианец Э. Кассирер стремится примирить историзм гегелевской диалектики с априоризмом Канта. Признание противоречий только в пределах познания и сведение их к кантовским антиномиям составляет сущность этой «новой диалектики». В случае обнаружения противоречий в реальной действительности они рассматриваются как неподвижные и неразрешимые противоположности. Неогегельянство в эпоху империализма и всеобщего кризиса капитализма сомкнулось с иррационалистиче-

скими, по существу – религиозными и мистическими, тенденциями буржуазной Ф. Диалектический метод Гегеля сводится к интуитивному и иррациональному познанию (Кронер, Глокнер и др.).

Мистицизм и иррационализм в обстановке обострения всех противоречий капитализма и непосредственной угрозы пролетарской революции становятся господствующими в буржуазной Ф. Уже прагматизм, который своим релятивизмом и сведением сознания к психологическому «опыту» сближается с махизмом, означал полный отказ от всякого объективного познания и переход на путь религиозного Мистицизма.

Прагматизм (Пирс, Джемс) (см.) зародился как Ф. американской, деляческой буржуазии. Нет объективной истины. Истинное это – лишь удобное в образе нашего мышления. Истинно, что практически полезно. Познание объективных законов действительности стало для буржуазии неприемлемым и невозможным. «Вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет» (Маркс. Капитал. Т. 1. 8-е изд. 1935. С. XIX). Отказ реакционной буржуазии от познания объективной истины прагматизм превратил в основной принцип своей теории познания. Прагматизм не довольствуется простым разграничением сферы «влияния» науки и религии, которое мы имеем у Спенсера. Прагматизм настаивает на том, что религия должна пропитать самые основы мировоззрения и проникнуть внутрь научного познания.

Уже Ницше (см.), подрывая рассудочное познание, стал на путь иррационализма. Он откровенно провоз-

глашал принципы организации классового общества основным законом природы. «Порядок каст, иерархия, формулирует только высший закон самой природы» (Ницше. Антихрист. С. 57). Мистификация биологического процесса жизни служит у него для этой же цели. Живое должно расти, расширять свою власть и поглощать чужие силы. Высший принцип жизнедеятельности – воля к власти. Добром Ницше считает все то, что помогает касте господ властвовать над кастой рабов. Философия Ницше с ее культом силы и «высшей» расы широко используется фашизмом.

В дальнейшем логизм и априоризм перерастают у Гуссерля (см.) в интуитивизм. Гуссерль считает теоретические ценности вневременными. Ф. у Гуссерля – наука об истинных началах, о сущности. Но сущность у Гуссерля недоступна рассудочному познанию. Методом Ф. является феноменологическое постижение сущности, т. е. непосредственное интуитивное созерцание. У Гуссерля формализм в логике, доведенный до крайних пределов, превращается в интуитивизм, алогизм и подрывает основы логики. Антиинтеллектуализм современной буржуазной Ф. свое яркое выражение нашел в интуитивизме Бергсона (см.). Кризис механического мировоззрения и метафизического, формально-логического способа мышления используется Бергсоном в реакционных целях подрыва основ материалистического научного познания и подмены его интуицией. – Наиболее ярко все эти черты и тенденции современной буржуазной философии выражены в фашистской философии. Полный отказ от научного исследования, яростный поход против диалектического материализма, откровенная проповедь мракобесия, мистицизма и поповщины, шовинизма и

расовой теории, культ войны и грубой силы – вот что представляет Ф. фашизма. Фашистские философы, неспособные создать никакой цельной системы, используют и эклектически соединяют все реакционные течения в Ф., все реакционные моменты у самых разных представителей Ф.

Гегелевская диалектика оказалась последней серьезной попыткой в истории буржуазной Ф. выйти за пределы метафизического способа мышления. Буржуазная Ф. в послегегелевский период пользуется кризисом метафизического способа мышления в целях подрыва научного познания вообще. Кризис, охвативший конкретные естественные науки и являющийся отражением в науке общего кризиса капитализма, выражается в противоречии между новыми открытиями естествознания и старой метафизической формой теоретического мышления. Новые открытия ведут к пониманию природы как великого целого, находящегося в процессе диалектического развития. Они вскрывают диалектический характер процесса развития. Старый метафизический способ сведения всех явлений к абстрактному тождеству потерпел окончательный крах. Величайшие открытия современного естествознания дают возможность показать внутреннюю связь не только между отдельными явлениями природы, но и между целыми крупными областями природы. 1) Атом перестал быть неделимым и разложен. Разложено и атомное ядро. Уничтожена догма о неизменности химических элементов. Историзм, проникает в физику и химию. 2) Пространство и время утратили свою неподвижность и внешность по отношению к материи. Стало возможным показать единство пространства, времени, материи и изменение их форм в процессе

универсального движения и развития материи. 3) Установление эквивалентности массы и энергии, открытие инертной массы энергии, уничтожило метафизическую противоположность между массой и энергией и показало их как различные формы движения материи. На этой основе закон сохранения массы и закон сохранения и превращения энергии сливаются в единый общий закон. 4) Новое учение о материи установило единство волны и частицы, непрерывности и прерывности. – Эти открытия могут быть поняты и осмыслены только на основе метода материалистической диалектики.

Что распад и анархия буржуазного философского мышления обостряют кризис отдельных наук, доходит до сознания нек-рых буржуазных философов. «Наше время можно назвать, – говорит Кронер, – эпохой кризисов. О них говорят почти во всех областях науки и культуры. Кризис так наз. наук о духе, о теологии и истории, вплоть до права, уже давно является острым и не миновал, по указаниям Бюлера и Дриша, также психологии. От тяжелого потрясения основ не уцелели и наиболее точные из наук – математика и физика. О причинах такого кризисного положения много рассуждают. Считают даже нужным говорить о „крушении науки“. Однако глубочайшей причиной всех этих кризисов является борьба основных философских принципов, которые оказывают влияние на отдельные проблемы науки и всей культуры... Действительный скандал философии попросту состоит в анархии философских систем, в бесчисленном множестве философских воззрений и их безобразной постановке» (Kroner F. Die Anarchie der philosophischen Systeme). Но кризис капиталистического хозяйства и коренных основ буржуазной культуры делает буржуазную

Ф. неспособной предпринять новый всеобъемлющий философский синтез. Будучи не в состоянии на основе диалектического метода привести в реальную, внутреннюю связь великие открытия современного естествознания, многочисленные школы и системы реакционного идеализма трудятся над религиозно-идеалистическим истолкованием достижений естествознания.

III. Проблема Ф. в марксизме-ленинизме

Диалектический материализм – философия пролетариата – «не представляет собой простого воскрешения старого материализма, но к прочным основам последнего присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, равно как и самой этой двухтысячелетней истории» (Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 138). Диалектический материализм опирается на все научные достижения и открытия, являясь их теоретическим обобщением. Диалектический материализм как философское мировоззрение пролетариата мог сложиться только на основе выступления на мировую арену рабочего класса, осознающего свои революционные исторические цели и задачи по преобразованию старого общественного строя и созданию бесклассового коммунистического общества. Только с точки зрения этого нового, последовательно-революционного класса, уясняющего себе свое положение в капиталистическом обществе и свои исторические задачи, стало возможным осознать материалистическое единство истории, обобщить в теории итоги всей предыдущей всемирно-исторической практики человечества и сделать теорию руководством к действию, направлен-

ному к революционному изменению мира. Этот переворот в философии и науке совершили Маркс и Энгельс и в новых исторических условиях развил дальше Ленин. Маркс и Энгельс указали, что выступление на историческую арену пролетариата ставит в порядок дня всестороннее преобразование общества как сознательную революционную задачу.

Пролетарская социалистическая революция с самого начала ставит своей задачей ниспровергнуть власть буржуазии и установить диктатуру пролетариата, уничтожить капиталистический способ производства и организовать построение социалистического общества, сознательно овладеть ходом технико-экономического развития общества, уничтожить классы, преодолеть весь мир идей, выросших на основе старого классового общества. Пролетарская революция выступает как революция социалистическая, планомерно переделывающая все стороны общества, жизни: Проблема пролетарской революции и диктатуры пролетариата является исходным и центральным пунктом всего теоретического мышления и всей практической деятельности Маркса и Энгельса. Естественно, что марксистская философия выражает целеустремленную действенность пролетариата, его активность в постановке и решении исторических задач. Диалектический материализм требует не только объяснения, но и изменения мира. Диалектический материализм, осознав тенденции исторического развития, требует признания коммунизма.

Ф. в классовом обществе носит ярко выраженный классовый и партийный характер. Классовая борьба происходит не только в экономической и политической области, но и в области идеологии, Диалектический ма-

териализм является наследником всего лучшего, что было создано предшествующим развитием Ф. и науки, но этим лучшим пролетариат овладевает на основе последовательной революционной критики классово ограниченной всех прежних форм эксплуататорской идеологии. Диалектический материализм органически включает в себя принцип партийности. «Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (Ленин. Соч. Т. I. С. 276). В борьбе за пролетарскую революцию и в условиях диктатуры пролетариата диалектический материализм требует защиты большевистской партийности от всякого рода оппортунистических извращений. Таким образом, диалектический материализм является самым передовым, самым последовательным мировоззрением человечества, не терпящим никакой метафизической ограниченности, никакой мистики и поповщины, в каких бы формах они ни выражались.

Диалектический материализм представляет принципиально новую ступень в понимании задач, предмета и структуры Ф. Диалектический материализм, материалистическая диалектика, выводит Ф. из лабиринта догматических философских систем, устраняет Ф. как науку наук и уничтожает метафизику как учение о вечных и неизменных началах бытия и сознания. Изменение прежнего понимания предмета и задач Ф. связано с новым пониманием природы и общественной истории. Маркс и Энгельс рассматривают природу и общество как единый исторический процесс. Материалистическое понимание истории дало возможность Марксу и Энгельсу уничтожить метафизическую противополож-

ность между природой и историей. Игнорирование способа производства материальной жизни, как реальной основы истории, приводило к тому, что исторический процесс человеческого общества измерялся внешними масштабами, и единство этого процесса понималось идеалистически. Исторический материализм (см.), рассматривая материальное производство как основу, создающую реальную связь в процессе всемирной истории, опровергнул идеалистический взгляд на самосознание как последнюю причину общественного развития. Исключение процесса развития производительных сил из истории приводит к тому, что «из истории исключается отношение людей к природе и тем самым создается противоположность между природой и историей» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. IV. С. 29). Исторический материализм в противовес идеалистическому пониманию истории устанавливает, что «уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, которая обусловлена потребностями и способом производства и... которая принимает все новые формы, а, следовательно, совершает „историю“, не нуждаясь даже в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того связывала бы людей» (Там же. С. 20).

Исторический материализм, впервые превращая историю в науку, объясняющую происхождение и развитие различных форм идеологии на основе процесса развития производительных сил и классово борьбы, уничтожает философию истории, права, религии и т. д. «Философия истории, права, религии и т. д. состояла в том, что место действительной связи явлений, обнаруживаемой самими явлениями, занимала связь, измыш-

ленная философами; что на историю, – и в ее целом, и в отдельных частях, – смотрели как на постепенное осуществление идей, разумеется, любимых идей каждого данного философа. С этой точки зрения выходило, что история бессознательно, но необходимо вела к исполнению известной идеальной, заранее поставленной цели; у Гегеля, например, такую целью являлось осуществление абсолютной идеи, неуклонное стремление к этой цели составляло, по его мнению, внутреннюю связь всех исторических событий» (Энгельс. Людвиг Фейербах // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 666).

Исторический материализм, открывая законы движения человеческой истории, устраняет Ф. истории, пытающуюся установить между историческими событиями искусственную и вымышленную связь. Исторический материализм складывается на основе конкретного изучения истории и, представляя собой учение о законах развития действительной человеческой истории, становится логикой и теорией познания истории и ее отдельных областей. – Развитие отдельных естественных наук, успехи астрономии, физики, геологии, палеонтологии, анатомии, эмбриологии и физиологии в первой половине 19 в. все больше и больше подрывали основы метафизического представления о неизменности природы и открывали взаимную связь между явлениями природы в процессе их исторического развития. В естествознании проявились революционные сдвиги, требовавшие перехода от метафизического способа мышления и идеалистической диалектики Гегеля к материалистической диалектике Маркса и Энгельса. «До конца последнего столетия естествознание было преимущественно собирающей наукой, наукой о законченных предметах; в на-

шем же [19] веке оно стало наукой, упорядочивающей наукой о явлениях природы, наукой о происхождении и развитии предметов и о связи, соединяющей явления в одно великое целое» (Там же. С. 665).

Энгельс указывает три великих открытия, давших возможность познания взаимной связи процессов природы. Открытие клетки показало, что процесс развития высших организмов подчинен одному общему закону, и приводило к мысли об изменении видов. Открытие превращения энергии привело к тому, что «неизменные виды физики» – механическая сила, теплота, электричество, магнетизм – превратились в определенные формы движения материи, которые переходят друг в друга в известных количественных соотношениях. Дарвин показал, что все органические формы, в т. ч. и человек, возникли в процессе длинного развития из одноклеточных зародышей, и нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу. Эти открытия дали возможность обнаруживать внутреннюю связь не только между отдельными явлениями, но и между отдельными крупными областями природы. Вскрывалась внутренняя зависимость между механикой, физикой, химией, биологией и общественными науками. Эта связь и взаимозависимость между науками лишь отражают связь и взаимозависимость отдельных форм движения материи. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса преодолела ограниченное механическое понимание движения как простого перемещения в пространстве и рассматривает его как процесс изменения и диалектического развития, охватывающего все формы движения материи, начиная с простого перемещения и кончая мышлением.

Задача познания сводится к изучению процесса развития и взаимодействия различных форм движения материи. «Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия, ибо позади него нет ничего познаваемого» (Энгельс. Диалектика природы // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 407). Метафизика как учение о «конечных» и неизменных причинах всякого движения устраняется и уничтожается навсегда. Универсальное движение и изменение материи, проявляющееся в различных формах, открываемых наукой в процессе ее развития, исчерпывают всю действительность.

Из указанных решающих открытий последовательные диалектико-материалистические выводы сделали только идеологи пролетариата – Маркс и Энгельс. Ряд блестящих стихийно-диалектических обобщений у естествоиспытателей этой эпохи (Майер, Либих, Шлейден, Дарвин и др.) не мог быть доведен до конца вследствие преобладания в их головах методов мышления, сложившихся в метафизический период развития естествознания. У Гельмгольца закон сохранения и превращения энергии получил одностороннюю механистическую трактовку. Вирхов, исходя из клеточной теории, рассматривал организм как федерацию самостоятельных клеток. Среди буржуазных естествоиспытателей идея развития принимала форму плоского и вульгарного эволюционизма. Поэтому Энгельс указывает: «Маркс и я были единственными, которые из немецкой идеалистической философии спасли сознательную диалектику, перенесли ее в материалистическое понимание природы и истории» (Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 8).

Стала ненужной натурфилософия (философия природы), которая заменяла действительную связь между

явлениями фантастической, вымышленной связью. Диалектика природы как особая наука, обобщая законы движения природы, является логикой и теорией познания естественных наук, вскрывающих действительную связь между явлениями природы. Философия, предъявляющая претензию стать выше других наук, становится излишней. «Когда к каждой отдельной науке применяется требование выяснить свое место в общей системе вещей и знаний, какая-либо особая наука об этой общей их связи становится излишней. Из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет лишь наука о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика, все же остальное входит в положительные науки о природе и истории» (Энгельс. Анти-Дюринг // Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 25). Материалистическая диалектика как философская наука марксизма представляет собой науку об общих законах развития природы, человеческого общества и мышления. Материалистическая диалектика – одновременно логика и теория познания марксизма. Логика диалектического материализма не является учением о внешних формах мышления, лишенных всякого содержания. «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей“, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира» (Ленин. Философские тетради. С. 94). Логика становится исторической наукой, которая рассматривает основные ступени мышления как ступени все расширяющегося и углубляющегося познания природы. Логический ход мыслей в последовательной и обобщенной форме отражает исторический ход процесса познания. Задача

логики сводится не к тому, чтобы передавать все детали зигзагообразного исторического пути человеческой мысли; ее задачей является охватить основные его вехи и понять их как прогрессивные ступени познавательного процесса. Практика человека и человеческой истории опровергает иллюзии и ошибки, свойственные отдельным ступеням познания, сохраняет и накапливает элементы истинного, объективного познания и поднимает их на высшую ступень. Логика, обобщая историю мысли и человеческой практики, показывает исторический процесс развития науки. Логика становится теорией происхождения и развития познания. «Диалектика, в понимании Маркса, согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию» (Ленин. Соч. Т. XVIII. С. 11).

Логика диалектического материализма показывает, что познание, мышление отражает объективную реальность. Противопоставление логики и теории познания покоилось на формальной логике, которая рассматривала формы мышления, отрывая их от содержания. Вопрос об истинности познания и условиях такого познания должна была решать отличная от логики теория познания. Классическим примером в истории философии такого разрыва логики и теории познания является кантовская философия, которая внесла глубокий раскол между формой и содержанием познания и. этим еще более углубила разрыв между логикой и теорией познания. Гегель поставил перед собой задачу преодолеть разрыв диалектики, логики и теории познания. Гегелевская

«Наука логики» дает нам тождество диалектики, логики и теории познания на почве объективного идеализма, на почве тождества бытия и мышления, субъекта и объекта. Однако на почве идеализма дать действительное решение этого вопроса невозможно, что приводит к целому ряду ограниченностей и внутренних противоречий. Исторической заслугой марксистско-ленинской философии является то, что она дала окончательное и глубокое решение этого вопроса на почве материализма. Логика диалектического материализма, рассматривая процесс исторического развития знания, изучает вместе с тем и процесс развития различных форм субъекта и объекта и характер их связи. «Если рассматривать отношение субъекта к объекту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия конкретного субъекта (=жизнь человека) в объективной обстановке» (Ленин. Философские тетради. С. 194). Объект и субъект перестают быть неподвижными, метафизическими сущностями и становятся историческими категориями.

Субъект перестает быть логической абстракцией и теряет свой индивидуалистический характер. Субъект берется не как абстрактная сущность изолированного индивида, а как совокупность общественных классовых отношений на определенном этапе исторического развития. – Объект-природа существует и развивается независимо от человеческого сознания, но объект-природа познается человеком не сразу, а обнаруживает свои отдельные стороны и качества лишь в процессе расширения производственной практики. Развитие производительных сил определяет исторический характер объекта познания. Маркс, критикуя созерцательный материализм Фейербаха, указывает, что Фейербах «не

замечает, что окружающий его чувственный мир – все не некая, непосредственно от века данная, всегда себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. IV. С. 33). Материалистическая диалектика, давая совершенно новое понимание субъекта и объекта, вопрос об истинности и объективности познания решает на основе общественно-исторической практики. Общественная производственная практика людей является доказательством и критерием объективности и истинности человеческого познания. В процессе исторического развития человеческое познание на основе объективных относительных истин постигает абсолютную истину. Вопрос об абсолютных границах в пределах познания снимается и превращается в исторический вопрос об уровне наших знаний на каждом данном историческом этапе.

Ленин, изучая закономерности новой эпохи и обобщая итоги естествознания, развил дальше Марксову диалектику. Учение о партийности философии, глубокая разработка вопроса о единстве диалектики, логики и теории познания, теория отражения, закон единства противоположностей как сути и ядра диалектики, – вот те вопросы, на которые Ленин обратил особенное внимание в своей разработке диалектического материализма.

Ленин, определяя характер материалистической диалектики как философской науки марксизма, считает в ней самым существенным тождество диалектики, логики и теории познания. «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую „сторону“ дела (это не „сторона“ дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» (Ленин. Философские тетради. С. 327). Эта «суть дела» была совер-

шенно искажена и не понята социал-демократическими теоретиками. Ленин, разрабатывая и поднимая на высшую ступень теорию материалистической диалектики, конкретно показывает, что у Маркса «в „Капитале” применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма (не надо 3-х слов: это одно и то же)» (Там же. С. 241). Плеханов в отличие от других официальных теоретиков 2-го Интернационала вел борьбу с философским ревизионизмом, опиравшимся на неокантианство и махизм. Ленин, отмечая заслуги Плеханова в борьбе с философским ревизионизмом, вскрыл его ошибки в критике кантианства и махизма. В своем понимании диалектики Плеханов, как указывает Ленин, не обратил внимания на тождество логики и теории познания, на эту суть дела, определяющую характер материалистической диалектики как философской науки марксизма. Ленин со всей отчетливостью показал, что материалистическая диалектика, включающая в себе логику и теорию познания, должна быть основана на истории мысли и всей совокупности человеческого познания. История философии следовательно: история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история умственного развития животных, история языка + психология + физиология органов чувств (кратко, история познания вообще, вся область знания) – вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» (Там же. С. 321). Дело идет не о простом суммировании результатов отдельных наук и описательном пересказе истории мысли, а об обобщении в категориях логики основных этапов развития. «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий Логике – вот что нужно!» (Там же. С. 172).

Одно из основных требований материалистической диалектики – это требование конкретности в подходе и рассмотрении любого явления. Ленин подчеркивает, что «подменять конкретное абстрактным – один из самых... опасных грехов в революции» (Ленин. Соч. Т. XXI. С. 38). В статье «Еще раз о профсоюзах» Ленин формулирует четыре основных требования диалектической логики: 1) «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования”». 2) «Брать предмет в его развитии, „самодвижении” (как говорит иногда Гегель), изменении». 3) «Вся человеческая практика должна войти в полное „определение” предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку». 4) «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» (Ленин. Соч. Т. XXVI. С. 134–135).

Лит.: **Классики марксизма-ленинизма:** Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. I. М.–Л., 1928; *Его же.* [Статьи] из «Рейнской газеты» // Там же. Тт. I и II. М.–Л., 1928–29; *Его же.* К критике гегелевской философии права // Там же. Т. I. М.–Л., 1928; *Его же.* Критика философии государственного права Гегеля // Там же; *Его же.* Капитал. Тт. I–III. 8 изд. М.–Л., 1935; *Энгельс Ф.* Шеллинг о Гегеле; Шеллинг и откровение; Шеллинг философ во Христе // Там же. Т. II. М.–Л., 1929; *Маркс К. и Энгельс Ф.* Святое семейство // Там же. Т. III. М.–Л., 1929; *Их же.* Немецкая идеология // Там же. Т. IV. М., 1933; Маркс о Фейербахе // Там же; *Маркс К.* Ницета философии // Там же. Т. V. М.–Л., 1929; *Маркс К. и Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Там же; *Маркс К.* Математические рукописи // Под знаменем марксизма. 1933. № 1; *Маркс К. и Энгельс Ф.* Переписка. Соч. Т. XXIV. М.–Л., 1931; *Энгельс Ф.* Диалектика приро-

ды // Там же. Т. XIV. М.–Л., 1931; *Его же.* Анти-Дюринг // Там же; *Его же.* Людвиг Фейербах // Там же; *Ленин В. И.* Сочинения. 3-е изд. Т. I («Фридрих Энгельс», «Что такое „друзья народа”...», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»), Т. XIII («Материализм и эмпириокритицизм», «К вопросу о диалектике»), Т. XVI («Три источника и три составных части марксизма», «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Марксизм и ревизионизм», «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена»), Т. XVIII («Карл Маркс»), Т. XIX («Империализм, как высшая стадия капитализма»), Т. XXI («Государство и революция»), Т. XXVII («О значении воинствующего материализма»); *Его же.* Философские тетради. [Л.], 1934.

Марксистская лит.: Плеханов Г. Основные вопросы марксизма. 4-е изд. М.–Л., 1931; *Его же.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. [Л.], 1933; *Его же.* Очерки по истории материализма. М.–Л., 1931; *Его же.* Materialismus militans (Воинствующий материализм). 2-е изд. М.–Л., 1931; *Дицген И.* Сущность головной работы человека. 2-е изд. М., 1913; *Его же.* Аквизит философии. 3-е изд. М., 1913; *Меринг Ф.* История германской социал-демократии. В 4-х тт. 2-е изд. М.–Л., 1923–24; *Лафарг П.* Экономический детерминизм Карла Маркса. 2-е изд. М.–Л., 1928; *Стецкий А.* Об упрощенстве и упрощенцах. М., 1932.

Античная философия: Гераклит Ефесский. Фрагменты. М., 1910; Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. М., 1935; *Платон.* Полное собрание сочинений. Тт. I, V, IX, XIII, XIV. Пг., 1922–24; *Аристотель.* Метафизика. М.–Л., 1934; *Его же.* Физика. М., 1936; *Его же.* Первая Аналитика. СПб., 1894; *Лукреций Кар.* О природе вещей. М., 1933.

Философия эпохи Возрождения: Бруно Дж. О причине, начале и едином. [М.], 1934.

Английская философия 17 и 18 вв.: Бэкон Ф. Новый Органон. М., 1935; *Гоббс Т.* Избр. соч. М.–Л., 1926; *Его же.*

Левиафан. СПб., 1868; *Толанд Дж.* Избр. соч. М.–Л., 1827; *Пристли Д.* Избр. соч. М., 1934; *Локк Дж.* Опыт о человеческом разуме. М., 1898; *Беркли Дж.* Трактат о началах человеческого знания. СПб., 1905, *Юм Д.* Исследования человеческого разума. СПб., 1902; *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. Л., 1929; *Спиноза Б.* Трактат об усовершенствовании разума. Одесса, 1893; *Его же.* Богословско-политический трактат. М., 1935; *Его же.* Этика. М.–Л., 1932; *Его же.* Переписка. М., 1932.

Французская философия 17 и 18 вв.: *Декарт Р.* Космогония. М.–Л., 1934; *Его же.* Рассуждение о методе. [М.], 1925; *Его же.* Начала философии. Соч. Т. I. Казань, 1914, *Его же.* Разыскание истины // Там же; *Его же.* Страсти души // Там же; *Дидро Д.* Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. I–II. М., 1935; *Гольбах П.* Здравый смысл. М., 1924; *Его же.* Избранные антирелигиозные произведения. Т. I. М., 1934; *Его же.* Разоблаченное христианство. М., 1924; *Его же.* Карманный богословский словарь. М., 1930; *Его же.* Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., 1924; *Гельвеций.* Бог–природа–человек. Харьков, 1922; *Его же.* Истинный смысл системы природы. М., 1923; *Его же.* Об уме (Труды Петроградского философского общества. Вып. 15). Пг., 1917; *Ламетри.* Человек-машина. СПб., 1911; *Его же.* Избр. соч. М., 1925; *Робинз.* Избр. соч. М., 1936.

Немецкая философия: *Лейбниц Г.В.*, Новые опыты. М., 1936; *Кант И.* Критика чистого разума. 2-е изд. Пг., 1915; *Его же.* Критика практического разума. 2-е изд. СПб., 1908; *Его же.* Критика способности суждения. СПб., 1898; *Его же.* Прологомены. М.–Л., 1934; *Фихте И.Г.* Избр. соч. Т. I. М., 1916; *Его же.* О назначении ученого. [М.], 1935; *Шеллинг.* Трансцендентальная философия. М.–Л., 1936; *Гегель Г.В.* Соч. Т. I – Энциклопедия философских наук. Ч. 1 – Логика. 3-е изд. М., 1930; *Его же.* Соч. Т. II – Философия природы. М., 1934; *Его же.* Феноменология духа. СПб., 1913; *Его же.* Наука логики. Ч. 1-2. М., 1929; *Его*

же. Философия права. М., [1934]; *Его же.* Энциклопедия философских наук. Ч. 3 – Философия духа. М., 1864; *Его же.* Лекции по истории философии. Соч. Т. IX–X. М.–Л., 1932; *Его же.* Курс эстетики или наука изящного. Кн. 1–3. М., 1859–1860; *Его же.* Введение в философию (Философская пропедевтика). М., 1927; *Фейербах Л.* Соч. Т. I–III. М.–Л., 1923–1926; *Его же.* Принципы материалистической теории познания. М., 1923; *Его же.* К критике гегелевской философии. Соч. Т. I. М.–Пг., 1923.

«Естественнонаучный» материализм: *Фогт К.* Физиологические письма. Вып. 1–2. 2-е изд. СПб., 1867; *Его же.* Vorlesungen über den Menschen. 2 Bde. [Frankfurt], 1863; *Его же.* Zoologische Briefe. 2 Bde. Frankfurt, 1851–1852; *Бюхнер Л.* Сила и материя. СПб., 1907; *Геккель Э.* Мировые загадки. М., 1935; *Его же.* Борьба за идею развития. СПб., 1907; *Его же.* Естественная история миротворения. Пг., 1915.

Русская философия: *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. Т. I–II. СПб., 1907; *Белинский В.Г.* [Рец. на кн.: А. Дроздова:] Опыт системы нравственной философии. Соч. Т. I. СПб., 1911; *Его же.* [Рец. на кн.: А. П. Татаринова:] Руководство к познанию теоретической материальной философии // Там же. Т. IV. 1900; *Его же.* Рец. на кн.: Ф. Надеждина:] Опыт науки философии // Полное собр. соч. Т. IX. СПб., 1910; *Его же.* [Рец. на кн.:] Сочинения Платона. Ч. 2 // Там же. Т. VII. 1904 (Рец. на 1-ю ч. Соч. Платона см.: Т. XII. М.–Л., 1926); *Его же.* [Рец. на кн.:] Лексикон философских предметов / сост. А. Галич. Т. 1 // Там же. Т. X. 1914; *Его же.* [Рец. на кн.:] Н. Кошанский Общая риторика // Там же. Т. VII. 1904; *Добролюбов Н. А.* Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни. Соч. В. Берви // Первое полное собр. соч. Т. I. СПб., 1911; *Его же.* Об истинности понятий или достоверности человеческих знаний. Соч. А. Кусакова // Там же; *Его же.* Роберт Овен и его попытки общественных реформ // Там же. Т. II; *Его же.* Что такое об-

ломовщина? // Там же. Т. III; *Его же*. [Рец. на кн.:] Сватовство Ченского или материализм и идеализм // Там же; *Его же*. Темное царство // Там же; *Его же*. Когда же придет настоящий день? // Там же. Т. IV; *Его же*. Луч света в темном царстве // Там же; *Его же*. Забитые люди // Там же; *Писарев Д. И.*, Мыслящий пролетариат // Избр. соч. Т. II. М., 1935; *Его же*. Реалисты // Там же; *Его же*. Разрушение эстетики // Там же; *Его же*. Схоластика XIX века // Там же. Т. I. М., 1934; *Его же*. Идеализм Платона // Соч. Т. I. СПб., 1894; *Его же*. Физиологические эскизы Молешотта // Там же; *Его же*. Исторические идеи Огюста Конта // Там же. Т. V; *Герцен А. И.* Дилетантизм в науке // Полное собр. соч. и писем. Т. III. Пг., 1915; *Его же*. Письма об изучении природы // Там же. Т. IV; *Его же*. Капризы и раздумье // Там же. Тт. III–V; *Его же*. Доктор Крупов // Там же. Т. V; *Чернышевский Н. Г.* Антропологический принцип в философии // Полное собрание сочинений. СПб., 1906. Т. VI; *Его же*. Критика философских предубеждений против общинного владения // Там же. Т. IV; *Его же*. Очерки гоголевского периода русской литературы // Там же. Т. II; *Его же*. Эстетические отношения искусства к действительности // Там же. Т. X. Ч. 2; *Его же*. Полемические красоты // Там же. Т. VIII.

Курсы истории философии: *Фишер Куно*. История новой философии. Т. I–VIII. СПб., 1902–1910; *Виндельбанд В.* История новой философии. Т. I–II. 3-е изд. СПб., 1913; *Гейдинг*. Учебник истории новой философии. М., 1924; *Ибервег-Гейнце*. История новой философии в сжатом очерке. СПб., 1890; *Форлендер К.* Общедоступная история философии. [М.], 1922; *Гомперц Т.* Греческие мыслители. Т. I–II. СПб., 1911–1913; *Маковельский А. О.* Досократики. Ч. 1–3. Казань, 1914–1919.

Раздел III

В БОРЬБЕ СО СТАЛИНИЗАЦИЕЙ ФИЛОСОФИИ

Реплика на Объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 22 апреля 1929 г.

Сталин. ...Кажется ясно, в чём тут дело, и в какую полуанархическую лужу угодил Бухарин!

Стэн. Ленин тогда в развёрнутом виде ещё не формулировал необходимость «взрыва» государства. Бухарин, давая анархистские ошибки, подходил к формулировке этого вопроса.

Сталин. Нет, речь идёт сейчас не об этом, речь идёт об отношении к государству вообще, речь идёт о том, что, по мнению Бухарина, рабочий класс должен быть принципиально враждебен ко всякому государству, в том числе и к государству рабочего класса.

Стэн. Ленин тогда говорил только об использовании государства, ничего не говоря в критике Бухарина о «взрыве».

Сталин. Ошибаетесь: «взрыв» государства есть не марксистская, а анархистская формула. Смее заверить вас, что речь идёт здесь о том, что рабочие должны подчеркнуть, по мнению Бухарина (и анархистов), свою принципиальную враждебность ко всякому государству, стало быть, и к государству переходного периода, к государству рабочего класса.

Без революционной теории нет революционной практики

Рабочий класс и рабочая молодежь заняты сейчас социалистическим строительством. Подрыв внутренней основы капитализма и создание фундамента социалистической экономики стоят сейчас в центре внимания. Величайшей важности всемирно-историческая задача, когда-то в дореволюционные времена светившая в качестве «далекой звезды», проникает в практику сегодняшнего дня, расчленяется на десятки и тысячи более частных и конкретных задач, решением которых занят рабочий класс под руководством коммунистической партии.

Отдельные группы товарищей работают в особых областях, специализируются, приобретают практические навыки в разных отраслях хозяйственной и культурно-политической работы. Трудности социалистического строительства, необходимость быстрого и напряженного темпа движения, сильное мелко-буржуазное давление в условиях обостренной классовой борьбы и необходимость практически, по-деловому обучаться частным видам работы – создают опасность разрыва между повседневной практикой в отдельных отраслях работы и общими задачами социалистического строительства.

В условиях такой опасности в особенности надо обратить внимание на то, чтобы практическое и деловое из-

учение своей «специальности» основывалось бы на правильном теоретическом понимании общих тенденций нашего и мирового развития. Тот коммунист и комсомолец, который хочет стать только узким специалистом в своей области, не может стать сознательным участником великого социалистического строительства. Нам более чем когда-либо, в условиях технической реконструкции нашего хозяйства, нужны свои деловые специалисты, но именно сейчас необходимо подчеркнуть всю исключительную важность для каждого коммуниста, практика-организатора, хозяйственника и техника – изучать теоретические основы марксизма. Иначе практичность и деловитость вырождаются в «практицизм» и «делячество».

В практически-политическом действии никакое правильное предвидение невозможно без революционной марксистской теории. Живое беспокойство действительности, развивающейся в противоречиях, можно осознать только на основе материалистической диалектики. Ползучий эмпиризм, разьедаемый духом практицизма, видит только поверхность явлений, сосредоточивается только на видимой, бросающейся в глаза стороне действительности, не вникнув в их суть.

В революционную эпоху это «видимое» весьма подвижно и изменчиво. Поэтому ползучий эмпирик всегда ходом событий оказывается застигнутым врасплох. Его со всех сторон теснят приятные и неприятные неожиданности, и он беспомощно мечется из стороны в сторону.

Как же должно мыслиться правильное взаимоотношение теории и практики с точки зрения диалектического материализма?

I. Теория и практика с точки зрения диалектического материализма

Диалектический материализм отвергает созерцательное отношение к миру. «Главный недостаток всего предшествовавшего материализма – до фейербаховского включительно – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность рассматривается только в форме объекта или в форме созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, не в форме практики, не субъективно» (Маркс).

По мнению Маркса, философы до него объясняли мир так или иначе, но дело заключается в том, чтобы изменить его. Это изменение возможно только на основе революционной практики. Диалектический материализм необходимо включает в себя момент революционно-практического отношения к действительности. Недостаточно вскрывать объективность движения общественно-исторических процессов, требуется вместе с тем обнаружить основные противоречивые отношения в этих процессах и отыскать ту общественно-классовую силу, которая, разрешая эти противоречия, поднимает общественное развитие на следующую высшую ступень. Точку зрения голого объективизма провел в своей критике народничества П. Струве. Поэтому Ленин называл эту точку зрения струвизмом.

Давая критику Струве, Ленин отчетливо наметил различие между подходом диалектического материалиста и подходом объективиста к изучению действительности.

«Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с

точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит «о непреодолимых исторических тенденциях», материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов».

«Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость»... «Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (Ленин. Т. II. С. 65).

Диалектический материализм, требуя революционно-практического отношения к действительности, вместе с тем усиленно подчеркивает, что такое отношение возможно только на основе глубокого и проницательного изучения объективных законов развития действительности.

Социалистический идеал не приносился в общественно-историческое развитие извне, а вырастает из общественно-экономических отношений капиталистического общества. Если упустить из виду это обстоятельство, то становится невозможным научное, матери-

алистическое обоснование неизбежности социализма. Эта неизбежность не может быть уподоблена астрономической неизбежности солнечных и лунных затмений. В объективно-историческом процессе возникновения социализма субъективно-революционная практика пролетариата и его партии играет существенную роль.

Известный немецкий ревизионист Бернштейн выдвинул формулу: «движение – все, цель – ничто». Эта формула является выражением глубочайшего разрыва между общественно-историческими задачами пролетариата и его повседневным практическим движением. Теоретически же это является последствием того, что конечная историческая цель превращена в абстрактную противоположность конкретно-историческому движению, а не рассматривается как сознательное выражение стихийных тенденций самого исторического процесса. Разорвав диалектическую связь между историческим движением и целью, социал-демократические ревизионисты оказались вынужденными находить в истории этические конечные цели (Макс Адлер, Карл Форлендер и др.). У Бернштейна обоснование практического оппортунизма самым непосредственным образом строится на отказе от революционной диалектики Маркса и Энгельса. По мнению Бернштейна, если бы сам Энгельс взялся за пересмотр теории, то «он, безусловно, если не на словах, то на деле, должен был бы разделаться с гегелевской диалектикой. Она – предательский элемент марксистской доктрины, ловушка, лежащая на пути всякого последовательного рассмотрения вещей... Логические сальто-мортале гегельянства отливают радикализмом и остроумием. Подобно блуждающим огонькам, они нам показывают в неясных контурах потусторон-

ние перспективы. Но если мы доверчиво направимся по пути, ими указанному, мы непременно попадаем в трясины. То, что Маркс и Энгельс дали нам великого – они дали не при помощи гегелевской диалектики, а вопреки ей» (Бернштейн).

Бернштейн оппортунистически извращает ту простую истину, что Маркс и Энгельс были единственными, которые из немецкой «идеалистической философии спасли сознательную диалектику, перенесли ее в материалистическое понимание природы и истории» (Энгельс). Этим диалектика была поднята на высшую ступень и превращена из идеалистической в материалистическую.

Все оппортунистические грехи Бернштейна методологически вытекают из того факта, что он оказался не в состоянии понять, в чем заключается гениальный шаг вперед в истории революционной мысли, сделанный Марксом и Энгельсом. Этот шаг вперед заключается в том, что они переработали на основе материалистической диалектики политическую экономию и применили ее к истории, к философии, к естествознанию, к политике и тактике рабочего класса. В этом заключается то существенно новое, что дали Маркс и Энгельс.

Материалистическая диалектика перекидывает мост между всеобщим и единичным, между абстрактным и конкретным, между теорией и практикой. Общие категории диалектического метода и законы общественного развития не являются пустыми абстракциями, а выражают действительные отношения вещей и процессов. «Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д. Одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к

абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» (Ленин. Т. IX. С. 184–185).

Революционной практике приносят пользу только правильные абстракции. Что-нибудь полезно потому, что истинно (правильно отражает действительность), а не истинно потому, что полезно. Эту сторону дела необходимо подчеркнуть в нашей обстановке, когда едкая пыль практицизма и делячества проникает во все щели и мало по малу на отдельных участках разлагает цемент социалистической стройки.

Если знание не раскрывает нам объективных законов развития действительности, как это утверждают многие буржуазные философы, то найти правильный подход к изменению мира оказалось бы невозможным и нам пришлось бы согласиться с тем, «что наука имеет только практическое значение для одной области человеческих действий, а религия имеет не менее действительное значение, чем наука, для другой области действий» (Джемс, Леруа, Бергсон).

Наше познание не дает нам сразу абсолютную истину, но и не превращает достигнутую истину при новых успехах науки в субъективную иллюзию.

«С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны пределы приближений наших знаний к объективной истине, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней...». «...Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа» (Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. 1919. С. 131).

Отрицание объективности познания неизбежно ведет к софистике и к скептицизму. Решительная и последовательная революционная практика возникает на основе диалектически-материалистического познания действительности.

Но сама практика вводится Марксом и Энгельсом в теорию познания материализма как критерий истины. Возможность объективного познания обосновывается не теоретически, а практически. Практика здесь понимается в разрезе всемирной истории и в широком социально-производственном смысле. Совершенно неправильно проверять истинность того или другого общетеоретического положения с точки зрения его непосредственной пользы для выполнения какой-нибудь частной практической задачи. Это неизбежно должно привести к растворению теории в практике.

Так, например, тов. Степанов, под давлением мелкобуржуазного делячества, следующим образом пытается отстоять правоту механической философии против материалистической диалектики: «А что деборинщина способна дать для нашей производственной практики? Не должна ли она сказать: не слушай этих ограниченных практиков, которые ничего, ровнехонько ничего не знают, кроме своих грубых физико-химических методов и упорно не хотят считаться со “специфичностью” жизни редьки, картошки, свиньи и коровы. Не приведет ли пустая болтовня деборинцев даже просто о “недостаточности” физико-химического подхода к явлениям жизни, – не приведет ли она к тому, что агроном и зоотехник будут дискредитированы в глазах крестьянина? И чем предложат деборинцы “дополнить” этот подход? Чем сумеют они обогатить практику сельского хозяина, – прак-

тику, которой, по утверждению Энгельса, принадлежит решающее слово в философских спорах» (Степанов И. Диалектический материализм и деборинская школа. 1928. С. 21).

Такое грязно-свинское понимание практики не может иметь «решающего слова в философских спорах» и дает совершенно искаженное представление о роли практики как критерия истины. «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания... Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» (Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. 1919. С. 159).

Диалектический материализм обогащает практику и сам обогащается на основе общественно-исторической практики. Революционная теория освещает путь революционной практике, но сама складывается и развивается в тесной связи с практикой революционного массового движения.

Сейчас нам надлежит рассмотреть те конкретные взаимоотношения, которые складываются между теорией и практикой, исходя из того особого периода, в котором находится наша революция, и указать на основные извращения, порождаемые текущей социально-экономической и политической обстановкой. Необходимо раскрыть тот теоретический и обще-

методологический источник, из которого берет начало мелко-буржуазная оппортунистическая платформа в нашей партии. Но об этом в дальнейшем.

II. Теория и практика в эпоху перехода от капитализма к социализму

Революционная теория всегда должна освещать путь нашей практике, направленной к изменению мира. Роль революционной теории в особенности повышается в обстановке эпохи крупных изломов, сдвигов и быстрой смены ситуаций. Теоретическое мышление, будучи продуктом общественного бытия, вовсе не является чем-то пассивным в отношении дальнейшего развития этого бытия. «Но определенное бытие мышление, в свою очередь, является силой, необходимой для дальнейшего развития бытия. И чем больше развивается бытие, чем выше та ступень, на которую оно поднимается в своем историческом движении, тем необходимее становится для его дальнейшего развития им же определяемое мышление. Особенно важной станет роль определяемого бытием мышления в эпоху перехода от капитализма к социализму» (Плеханов).

Сейчас, когда мы создаем технико-экономические основы социализма в нашей стране и на место стихийно-экономического развития ставим сознательное и планомерное регулирование хозяйственных процессов, всякому должен быть ясен смысл плехановских слов о том, что «особенно важной станет роль определяемого бытием мышления в эпоху перехода от капитализма к социализму». Приходится перестраивать все общественное здание снизу доверху. Приходится марксистской

теоретической мысли проникать во все области работы и во все частные науки. Задача переустройства всего общественно-экономического здания не может быть рассматриваема, как простая технико-экономическая задача. Дана известная сумма рабочих сил общества. Дана наличная сумма средств производства. Существует сумма идей, выросшая на данном уровне развития средств производства. Нужно все эти элементы слить в некоторое новое единство, создав новую цельную триединую организацию – вещей, людей, идей.

Если бы задача построения социализма носила бы такой технико-экономический, голо организационный характер, то эта задача была бы не такая уж сложная и не такая уж трудная. Но общественно-историческое развитие не предоставляет в наше распоряжение строительной площадки, на которой в готовом виде свезен весь необходимый строительный материал. Историческое движение дает неравномерное развитие отдельных сторон общественной жизни. Ленин в 1918 г. в споре с левыми коммунистами указывал, что Бухарин впал в ошибку, не поняв того своеобразия момента, что «...пролетариат России, впереди любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем позади самого отсталого из западно-европейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма» (Ленин. Т. XVIII. Ч. I. С. 211).

Это несоответствие между материально-производственным уровнем страны и «скачком» к высшей форме демократизма, к пролетарской демократии, если

не понять настоящего источника этого несоответствия, и путей его преодоления ведет к крупнейшим и вреднейшим политическим ошибкам. Несоответствие уровня развития разных сторон общественной жизни является характернейшей чертой капитализма. «Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: вероятен ли равномерный или гармонически пропорциональный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата – ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту или группу свойств у капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно». (Ленин. Т. XVI. С. 183).

Ни в одной, даже самой развитой капиталистической стране, мы не имеем в готовом виде всех технико-экономических и идеологических элементов для построения полного и законченного социалистического общества. Социалистической революции приходится решать глубочайшие экономические, политические и культурно-идеологические противоречия. Решение этих противоречий проходит через горнило острейших социально-классовых, противоречий. Задача не сводится к тому, чтобы сорвать полотно с изваяния, вчерне уже готового. Приходится строить социализм из неравномерно развитых общественно-экономических элементов.

В таких условиях правильно уяснить всю внутреннюю противоречивость развития действительности и

своевременно замечать социально-классовые сдвиги можно только при помощи материалистической диалектики. Это наше важнейшее теоретическое оружие, помогающее раскрывать противоречивые тенденции развития, надо твердо отстаивать и умело применять, чтобы не сбиться с революционного пути. В условиях нэпа в нашей среде начала процветать беззаботность к теоретическим вопросам. У нас сложилось целое активное ревизионистское течение, отвергающее диалектический материализм. Основное ядро ревизионистского течения составляют механические материалисты. Они пересматривают диалектическое понимание движения и процесса развития. Отчетливое и выпуклое размежевание двух концепций развития дает Ленин в своем известном отрывке о диалектике.

«Тождество противоположностей («единство» их может быть, вернее сказать, хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные) или две в истории наблюдающиеся концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения оста-

ется в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне – бог, субъект, и так далее). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника самодвижения. Первая тенденция мертва, бедна, суха. Вторая – жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового. Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» (Ленин. Т. XIII. ГИЗ, 1928. С. 301–302).

Ленин резко подчеркивает, что самодвижение составляет неотъемлемый признак материальной природы. Движение заключено внутри самой природы и не может быть привнесено извне. Покой и равновесие лишь моменты движения. Этой существенной стороны диалектики не понимает тов. Бухарин, утверждающий, что теоретико-систематическое обоснование диалектики может быть дано на основе механики, и теория диалектики может быть представлена, как теория равновесия. По мнению тов. Бухарина, «в мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравниваются друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние покоя», т. е. их действительная борьба остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же «внутренние противоречия» обнаруживаются, происходит нарушение равновесия, и если на момент установится новое равновесие,

оно установится на новой основе... А отсюда и следует, что «борьба», «противоречия, т. е. антагонизмы различно направленных сил и обуславливают движение». (Бухарин. Теория исторического материализма. ГИЗ, 1928. 5-е изд. С. 75). Здесь внутреннее противоречие изображается в виде противоположности различно направленных сил. Мир составлен из различных сил, между собою сталкивающихся. Все, что происходит в мире, есть результат изменения количественных соотношений между различными силами. Если перевешивает одна сила – имеем одно «качество», перевешивает другая – разворачивается другое «качество». Внутренняя качественная природа действующих сил не меняется, меняется лишь их количественное соотношение. В природе мы имеем не процесс развития, а голое механическое перемещение. Такого рода понимание противоречий и движения дает т. Бухарину возможность свести диалектику к механике.

«...Нельзя современную механику противопоставлять диалектике. Если механика не диалектична, т. е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики? Наоборот. Движение составляет, если так можно выразиться, материальную душу диалектического метода и его объективную основу... Маркс и Энгельс освободили диалектику, от ее мистической шелухи в действительности, т. е. материалистически применяя диалектический метод при исследовании различных областей природы и «общества. Речь идет теперь о теоретико-систематическом изложении этого метода и его, такого же теоретико-систематического обоснования. Это и дается теорией равновесия». (Бухарин. Теория исторического материализма. ГИЗ, 1928. 5-е изд. С. 362).

Тов. Бухарин не заметил, что диалектический материализм не исчерпывает все движения материальной природы механическим движением. Энгельс решительным образом протестует против попыток естествоиспытателей понимать движение, как перемещение, как простую переменную места. По мнению Энгельса, движение в широком смысле слова, как способ существования материи – это изменение вообще. Оно обнимает все происходящие во вселенной процессы, начиная от перемещения и кончая мышлением. «Всякое движение заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи; познать эти механические движения является первой задачей науки, однако, лишь первой. Само же это механическое движение во все не исчерпывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также и изменением качества» (Энгельс. Диалектика природы // Архив Маркса и Энгельса. Кн. II. С. 143).

Если механическое движение не исчерпывает всех форм движения, то никоим образом нельзя «теоретико-систематическое» изложение и обоснование диалектики строить на основе механики. Теория равновесия отрицает внутреннее противоречие в развитии явлений и выбрасывает за борт самодвижение и саморазвитие процессов. Единство противоположностей понимается механически, как равновесие или нарушение равновесия между двумя самостоятельными силами. Единство противоположностей, как признание противоречивых и взаимоисключающих тенденций во всех явлениях и процессах природы исчезает и вместе с тем исчезает подлинная и единственная основа саморазвития и самодвижения.

В этом основа и вся суть непонимания тов. Бухариным марксистско-ленинской диалектики. Неправильное антидиалектическое понимание движения вообще порождает у тов. Бухарина неправильное понимание нашего движения к социализму. Подвергши выше охарактеризованной обработке материалистическую диалектику, тов. Бухарин, оказывается не в состоянии охватить все внутренние противоречия переходного периода от капитализма к социализму.

Во время спора с «левыми коммунистами», в 1918 г. Ленин, давая анализ различных общественно-экономических укладов, имевшихся налицо в России, указывал на то, что в мелкокрестьянской стране преобладает мелкий товаропроизводитель, мелкобуржуазная стихия. Чтобы подчинить государственному контролю мелкобуржуазную стихию, Ленин в качестве промежуточной ступени к социализму предлагал использовать государственный капитализм. «Левые коммунисты» считали это изменой социализму. «Левые коммунисты» исходили из абстрактной противоположности капитализма и социализма и не понимали всей противоречивости экономики переходного периода, не понимали того, что она не может быть сделана из одного цельного и гладкого куска.

Обобщенное теоретическое выражение это непонимание нашло в книге т. Бухарина «Экономика переходного периода». Тов. Бухарин вместо того, чтобы подойти к конкретно-экономическому рассмотрению экономики переходного периода, доказывает абстрактно-теоретически невозможность существования капиталистических производственных отношений при политическом господстве рабочего класса. «Если

бы производственные отношения воплощали в себе один тип связи, а отношения другого порядка (например, государственная организация) были бы построены по другому типу, то система в целом была бы абсолютно неустойчивой. Капиталистические производственные отношения немислимы при политическом господстве рабочего класса, а социалистические отношения в производстве были бы немислимы при политическом господстве капитала. Следовательно, каждый тип общества неизбежно должен отличаться монизмом своей структуры, который есть основное условие существования всякой системы». (Бухарин. Экономика переходного периода. ГИЗ, 1920. С. 4).

Тов. Бухарин совершенно не задается вопросом, откуда взяться такому равновесию между различными сторонами общественно-экономической жизни в переходный период, если социализм должен возникать из экономики, в которой имеется налицо: 1) патриархальное или натуральное крестьянское хозяйство, 2) мелкое товарное производство, 3) частно-хозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм, 5) социализм.

Отказываясь рассматривать противоречивый процесс становления социализма, который нельзя выразить никакой формулой равновесия, тов. Бухарин отрицает государственный капитализм в условиях диктатуры пролетариата. Тов. Бухарину известно, что государственный капитализм в буржуазном обществе означает сращивание буржуазного государства с капиталистическими трестами, а поэтому тут все обстоит благополучно, ибо искомое равновесие налицо. Но, когда пролетариат захватывает власть, то тов. Бухарин оказывается не в состоянии уяснить те своеобразные формы государствен-

ного капитализма, которые проявляются в пролетарском государстве. «Так как государственный капитализм есть сращение буржуазного государства с капиталистическими трестами, то, очевидно, что не может быть и речи о каком бы то ни было «государственном капитализме» при диктатуре пролетариата, которая принципиально исключает такого рода возможность». (Бухарин. Экономика переходного периода. С. 107).

Мы здесь с полной очевидностью можем заметить, каким образом тов. Бухарин, подходя на основе своей теории равновесия к анализу переходного периода, затушевывает коренные внутренние противоречия экономики переходного периода. Это затушевывание происходит по внешности в левой, но по сути дела в мелкобуржуазной форме.

Те же методологические ошибки в другой социально-политической обстановке приводят тов. Бухарина к оппортунистическим выводам. Если понимать переходный период согласно книге тов. Бухарина «Экономика переходного периода», то НЭП оказывается невозможным, ибо НЭП означает допущение известной свободы капиталистических отношений. Но, когда совершился переход к НЭП'у и когда тов. Бухарин начал осознавать экономические пути строительства социализма в условиях НЭП'а, он начал доказывать, что развитие в условиях НЭП'а ведет к все возрастающему сокращению социально-классовых противоречий и выдвинул теорию вращающегося кулака в социализм. В своей книге «Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок», опираясь на опыт НЭП'а, тов. Бухарин пытается дать новую теорию экономики переходного периода, которая страдает теми же недостатками, только с другого конца, что и первая

теория. Здесь он следующим образом излагает теорию вращающегося кулака в социализм. «Кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же, через банки и т. д., вращаться в эту же систему, но они будут до известной степени чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям»... «Кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет поддаться, ибо общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры и уже в значительной степени выросшей мощью хозяйственных организаций этой диктатуры». (Бухарин. Путь к социализму. ГИЗ, 1925. С. 49).

Тов. Бухарин упускает из виду, что НЭП означает не плавное движение к социализму, а неизбежно приводит к острому столкновению социализма с капиталистическими элементами, выросшими в условиях НЭП'а, факт существования диктатуры пролетариата сам по себе не обеспечивает победы социализма. Эта победа может явиться только результатом отчаянной и бешеной борьбы между социализмом и капитализмом. Ленин, вводя НЭП, не предполагал, что удастся прийти к социализму, минуя острую классовую борьбу. Ленин указывал, что с НЭП'ом мы вступаем в полосу серьезного и решающего сореживания. «Много у нас было всяких ходов и выходов из наших политических и экономических трудностей, и мы можем с гордостью похвастаться, что мы до сих пор умеем все эти ходы и выходы в разных сочетаниях, применительно к разным обстоятельствам, использовать, но больше у нас никаких выходов нет. Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле, действительно, «последний и решительный бой» не с международным капитализмом, — там еще много будет «последних и решительных боев», —

нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить» (Ленин. Т. XVIII. Ч. II. С. 33–34).

Эти слова Ленина, сказанные им на XI съезде партии, ясно указывают на то, что в условиях НЭП'а должна наступить полоса решительной войны с русским капитализмом, растущим из мелкого крестьянского хозяйства. Наша революция в настоящий момент вступила в эту полосу и величайшей опасностью является в теперешней обстановке замазывать нарастающие социально-классовые противоречия. Классовая борьба не может сама по себе отмереть. Классы могут быть уничтожены только долгой и упорной классовой борьбой.

Мы видим, что и на этом этапе революции у тов. Бухарина получается оппортунистическое замазывание основных противоречий переходного периода.

Механическая ревизия материалистической диалектики, в зависимости от различной социально-классовой обстановки, приводит к «ультра-левым» или к «правым» ошибкам. Чтобы избегнуть этих ошибок в теоретическом анализе экономики переходного периода, надо твердо бороться за материалистическую диалектику, надо сочетать революционную теорию с революционной политикой и ясно обозреть все участки нашего пути к социалистической победе.

Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма

В текущий период нашей революции мы не можем ограничиться голым агитационным подходом к вопросам теории. У нас сейчас имеются крупные преимущества в сравнении с дореволюционными годами для изучения основных вопросов теории марксизма. Эволюция Маркса и Энгельса может быть отображена и передана во всех своих основных этапах. Тому, кто хочет изучить теорию марксизма, научиться по-настоящему работать инструментом марксистской теории, несомненно, нужно вникнуть в исторический процесс возникновения марксизма.

Без знания того, из каких предшествовавших идеологических элементов возник и формировался марксизм, без понимания того, каким образом марксистская теория синтетически во всем объеме впитала в себя всё предыдущее развитие человеческой науки и все результаты всемирно-исторической практики – без этого нельзя по-настоящему, самостоятельно браться за анализ конкретных исторических событий.

Механическое изучение текстов может украсить нас внешней учёностью, но не может дать ничего для революционной практики. Только проникнув в историческую лабораторию возникновения марксизма и сами, как бы вкратце, пробегая путь, пройденный Марксом, мы по-

лучим отчётливое представление о том, как сложилось грандиозное и прочное здание научного коммунизма, и вооружим себя теоретически для того, чтобы разобраться в теперешней исключительно сложной внутренней и международной обстановке.

Без самостоятельного и глубокого изучения вопросов теории мы не выработаем ни одного ясного понятия и не заложим прочной основы для наших политических убеждений. А когда столкнёмся с острыми и трудными вопросами современности, будем подходить к их решению с завязанными глазами, окажемся не в состоянии вовремя заметить сдвиги и переломы в историческом развитии, не приобретём способности улавливать быструю смену позиций отдельных лиц и политических течений. Тот, кто не замечает таких существенных перемен, превращает политику в игру в жмурки и способствует тому, чтобы она, политика, утратила революционное содержание.

Как учиться революционной теории и применять её на практике, лучше всего показывает Владимир Ильич.

Владимир Ильич не был отвлечённым академическим теоретиком. Он всегда в политике старался найти то звено, за которое нужно ухватиться, чтобы вытянуть цепь. Отыскать такое звено ему удавалось потому, что он каждую полосу общественно-исторического развития пронизывал лучами марксистской теории, раскрывал общие характерные черты этой полосы, устанавливал её особенности по отношению к предыдущей полосе и схватывал в каждой полосе единство всеобщей стороны с частными и конкретными «чёрточками». От его острого теоретического внимания не ускользало глубокое сплетение жил, связывающих живое мясо каждой исторической ситуации со всем её организмом. Ленин,

как гениальный представитель материалистической диалектики, глубоко понимал диалектику всеобщего и частного, абстрактного и конкретного.

«Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее... Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами и явлениями, процессами) и т.д.» (Ленин. К вопросу о диалектике // Собр. соч. ГИЗ, 1928. Т. XIII. С. 303).

Отдельное существует в связи с общим, случайное в связи с необходимым. Для практического действия мало иметь общее представление о тенденциях развития, но иметь его обязательно надо. Иначе никак не удастся нащупать «основное звено», которое связано и переплетается с общей тенденцией развития.

Отыскивая это основное звено, не надо забывать, что каждое звено находится в связи с другими звеньями и что эта связь «не так проста и не так глупа, как в обыкновенной сделанной кузнецом цепи» (Ленин). Это обстоятельство у нас очень часто упускается из виду.

Раскрыть внутреннюю связь между отдельными звеньями исторической цепи событий можно только на основе острой и напряжённой работы марксистско-ленинской мысли. Надо всё время оттачивать и воспитывать наш коллективный теоретический разум и не допускать, чтобы он покрывался ржавчиной и плесенью. Малейшие признаки его «поглощения» должны вызывать в нас возмущение и толкать к решительному противодействию. Необходимо сейчас всеми силами поддержать

и поощрять инициативу комсомольцев, направленную к тому, чтобы вызвать в рядах комсомола широкий интерес к вопросам теории и организовать массовое теоретическое движение. Величайшая важность такого движения становится ясной, когда мы вспоминаем роль теории в ленинском анализе конкретно-исторических ситуаций и наблюдаем в наше время в известных слоях наших практиков пренебрежение к теории, способствующее мелкобуржуазной распущенности в основных вопросах марксистского мировоззрения.

У Ленина с каждым большим историческим периодом связана определённая крупная теоретическая работа. Укажу здесь в общей форме только на отдельные примеры. Когда нужно было разделаться с народническим пониманием тенденций развития России и на основе конкретного анализа российской экономики создать теоретическую основу революционного социал-демократического движения, Ленин пишет «Развитие капитализма в России».

Когда нужно было конкретизировать на основе дальнейшего исторического опыта вопрос о тенденциях развития России, Ленин установил два типа аграрной эволюции (прусская и американская) и в теоретически обобщённом виде выразил это в своей блестящей книге «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905–1907 гг.». Ленинские «Две тактики», устанавливавшие стратегический и тактический план действия для революционной партии пролетариата в условиях русской буржуазно-демократической революции, самым непосредственным образом увязываются с ленинским анализом двух тенденций развития русского аграрного капитализма.

После революции 1905 года, когда в условиях реакции массы переваривали приобретённый опыт, когда в порядке дня стали проблемы общего мировоззрения и внутри марксизма возникали всякие антиматериалистические настроения, подрывающие основы философии марксизма, Ленин пишет: «Материализм и эмпириокритицизм». Когда нужно было осознать особенности развития капитализма в связи с его переходом в империалистическую стадию, резко проявившиеся в начале мировой войны, Ленин пишет свою книгу «Империализм». Мировая война актуально поставила вопрос о захвате власти пролетариатом. Ленин во всём теоретическом объёме разрабатывает учение марксизма о государстве, диктатуре пролетариата и готовит свою книгу «Государство и революция».

То же самое имеет место и после захвата власти пролетариатом в нашей стране. Ленин на каждом этапе даёт отчётливый теоретический анализ, на котором строит свою политическую тактику. Эту ленинскую традицию надо продолжать и усиливать, объявив беспощадную войну всяким попыткам подменить теоретическое мышление хрестоматиями и «настольными книгами», в которых одни и те же цитаты с неуловимой быстротой переселяются из одной главы в другую, покорно выполняя указанную им роль.

Какое исключительное значение придавал Ленин революционной теории, видно из того факта, что в начале мировой войны, когда обозначился крах II Интернационала, и нужно было давать ответы на неотложные практические вопросы, Ленин находит время для изучения Гегеля и готовит работу о диалектике. Опубликованный в девятом «Ленинском сборнике» конспект «Науки ло-

гики» Гегеля содержит в себе целый ряд драгоценных камней, которые лягут прочной основой в здание теории материалистической диалектики, построение которой стало актуальнейшей задачей теоретической мысли в нашу эпоху. Приведённые примеры нам говорят о том, как Ленин сочетал революционную теорию с революционной практикой.

Найти практически-политическое звено Ленину удавалось потому, что он умел находить «теоретическое звено» в каждом конкретном периоде. После Ленина у нас не осталось людей, совмещающих в себе в таком диалектическом единстве теоретический и «практический» разум. Этот существенный пробел может заполнить только коллективная теоретическая мысль, развивающаяся в тесной связи с практическими задачами нашего социалистического строительства. Не надо допускать, чтобы теоретическая мысль впала в состояние самоудовлетворённости и подвергалась процессу «ожирения».

Теоретическая мысль должна постоянно погружаться в живой и шумный поток обострённой классово-борьбы и растущего социалистического строительства в нашей стране. Тогда будет меньше пустых и ненужных обобщений, вытравливающих и высушивающих всю живую конкретность из действительности и превращающих её в бесформенную всеобщность. Вместе с тем надо выжечь «дух самомнения» у некоторых наших практиков, презрительно третирующих теорию и в этом самонении не замечающих, что рост теоретической головы в их организме непропорционально отстаёт от роста конечностей и «хватательных органов».

Комсомольская молодёжь не должна становиться на путь абстрактного академического изучения теории.

Нужно это изучение связать с повседневной практикой. Но в настоящих условиях напора на нас мелкобуржуазной стихии нужна решительная борьба с гнусным и ползучим эмпиризмом, тянущим нас в болото оппортунистического практицизма и делячества.

Каждый комсомолец должен на своём примере прорабатывать серьёзно все вопросы и таким путём убеждаться в правильности генеральной линии нашей партии. Только такая убеждённость, приобретённая на своём собственном опыте, путём самостоятельного продумывания всех основных вопросов, может иметь вес и ударную силу в практической деятельности. Без этого условия практическая деятельность превращается в «службу», в чиновничье отношение к социалистическому строительству.

Развернуть широкое теоретическое движение и вовлечь в изучение теории марксизма-ленинизма широкие массы комсомола – это задача большого масштаба и исключительной важности. За её решение надо взяться серьёзно и продуманно, не дав с самого начала выродиться этому движению в деляческое служение минутным интересам, и не допустить того, чтобы это движение запряталось в тихие теоретические уголки, в которых будет происходить таинственная мистерия «поклонения великим абстракциям» и спасения себя от «грехов» практической и земной жизни.

Если комсомол по-настоящему возьмётся за изучение вопросов теории марксизма, увязывая их с практикой, то его кадры выкуют теоретическое оружие, которым осознают новый этап нэпа внутри страны, намечающий конкретные пути непосредственной перedelки России нэповской в Россию социалистическую, выставят на-

стоящее содержание крупного сдвига в международном рабочем движении, извлекут нужные политические уроки из первомайских событий в Германии, поймут, о чём напоминают и о чём предупреждают последние выборы в Англии, бесстрашно продумают опыт разгромленной китайской революции и многому научатся на этом опыте, чтобы правильно проследить путь индийской революции, дающей о себе знать своими первыми подземными толчками.

Выше теоретическое знамя марксизма-ленинизма! – вот лозунг дня для нашей комсомольской молодёжи.

Надо бодро и уверенно взяться за дело осознания процессов нашего внутреннего и международного развития и, вооружившись теоретически, обезопасить себя от всяких неожиданностей в политике, всегда существующих для ползучих эмпириков.

**Выступление на заседании
Президиума Коммунистической академии.
20 октября 1930 г.**

Поскольку в философской области работы целый ряд важнейших вопросов поставлен весьма остро, требуется в первую очередь сформулировать основные разногласия. Надо отбросить в сторону все частности, мелочи, всякого рода личные и посторонние наслоения. Все всюду и везде говорят, что необходим поворот в области разработки проблем философии у нас. Когда ставится вопрос о повороте, надо с самого начала выяснить, почему необходим этот поворот, чем он вызван и обусловлен. Необходимость поворота создана не субъективной прихотью, не субъективной склонностью отдельных работников на философском участке марксистско-ленинской теории. Эта необходимость порождена характером и содержанием задач нового этапа социалистической революции.

Вообще для нас, марксистов, для нас, революционеров-большевиков, нет отвлеченных теорий, которые разрабатываются в надзвездных пространствах.

Сама революционная практика, ход революционных событий каждый раз выдвигают очередные теоретические звенья, подобно тому, как всплывают практические звенья в области повседневной политики на каждом новом этапе нашего развития. Мы знаем, что Ленин в каждый период своей деятельности имел свое особое теоре-

тическое звено. В определенный период Ленин написал «Развитие капитализма в России». В споре с народниками вопрос об исторических путях развития России имел не отвлеченное теоретическое значение, а являлся вопросом, от которого зависел характер решения основных задач революционной практической деятельности. Ответы на вопросы практической полноты упирались в проблему о тенденциях общего экономического развития России.

То же самое, когда Ленин боролся в 1905 г. с меньшевиками когда он противопоставил свою стратегическую и тактическую концепцию меньшевистской концепции. Ленин обосновал это на глубоком теоретическом анализе аграрного вопроса, показал, что тактическая концепция меньшевиков упирается в непонимание особенностей развития России, в непонимание того, что российская буржуазно-демократическая революция является крестьянской революцией.

«Материализм и эмпириокритицизм» Ленин написал вовсе не из голого интереса к отвлеченным философским проблемам, – это тоже не случайно. После разгрома революции 1905 г., когда массами переваривался громадный революционный опыт, в порядке дня стали вопросы общего мировоззрения. В рядах пролетарского движения начали нарождаться реакционные, идеалистические течения.

Ленин поставил своей задачей дать отпор этим антиматериалистическим, идеалистическим тенденциям, подрывавшим диалектико-материалистическую основу революционной политики.

Свой «Империализм» Ленин писал не случайно, а потому, что нужно было осознать характерные особен-

ности империалистической стадии капитализма. Не случайно ленинская книга «Государство и революция» поставила основные проблемы диктатуры пролетариата, поставила вопрос об отношении марксизма к государству, потому что Ленин знал, что зреющая революция выдвинет все эти вопросы с небывалой практической остротой.

Поэтому, когда мы сейчас выясняем круг наших задач в области философии марксизма, то эти задачи в первую очередь мы должны рассматривать под углом зрения тех практических задач, которые поставлены перед нами текущей борьбой рабочего класса и содержанием нового этапа нашей революции.

Почему понадобилось нам на философском фронте сейчас говорить о повороте. На философском фронте нам понадобилось говорить о повороте потому, что быстрый ход революционного развития, быстрое продвижение наше в области социалистического строительства поставили целый ряд таких проблем, которые не нашли еще теоретического освещения. Если попытаться в общей форме подыскать тот корень, тот первоисточник, из которого вытекает необходимость поворота на философском фронте, то нужно ответить, что этот первоисточник заключается в том, что наша революция сейчас вступила в свою решающую фазу, в решающую фазу в том смысле, что сейчас решается вторая половина основных задач социалистической революции. Когда мы в Октябре взяли власть, мы национализировали крупную промышленность, создали основные предпосылки для ведения планового хозяйства, но многомиллионное крестьянское море продолжало нас окружать, стихия этого крестьянского мелкобуржуазного, мелко-

товарного хозяйства, из которого ежедневно, ежечасно, как говорит Ленин, растет капитализм, продолжало нас окружать, и мы не сразу могли приступить к переделке этого мелкого товарного хозяйства, мы не сразу могли уничтожить и пресечь в корне рост капитализма в сельском хозяйстве. Нам в нашей политике пришлось пройти целый ряд этапов перед тем как вступить в решительный бой с русским капитализмом. Когда наша партия поставила вопрос о ликвидации кулачества как класса, когда она поставила вопрос о сплошной коллективизации, то это означало, что мы вступили в решительную фазу преодоления мелкособственнической стихии, окружающей крупную социалистическую промышленность. Это означает создание решающих всеобщих предпосылок для социалистического планового ведения хозяйства. Но это, товарищи, не простой вопрос. Этот вопрос связан с переделкой всей нашей техники, с переделкой всех старых производственных и общественных отношений, с преодолением всех старых форм общественного сознания. Это колоссальный сдвиг, глубочайшая революция во всех областях. Это означает, что мы в своей общественно-исторической практике переделываем, переплавляем исторические закономерности. Наша практика – это не ползучая эмпирическая практика, которая заполнена частностями, эмпирическими мелочами, наша общественно-историческая практика на настоящей ступени есть реконструкция всеобщих общественно-исторических закономерностей, определявших развитие в прошлом. В этом основной, главный вопрос. Если стихийность исторического развития была основной характерной чертой всех предшествовавших общественно-экономических формаций, то сейчас, ког-

да поставлен вопрос о преодолении мелкого товарного хозяйства, о введении плановости в социалистическом хозяйстве на широких и глубоких основах, это означает, что создаются предпосылки для сознательного воздействия на исторический процесс. Это не значит, что мы уже преодолели стихию, но мы сейчас вступили в полосу ее решительного преодоления. Это самое характерное, самое главное, что накладывает отпечаток на; всю нашу общественно-историческую практику. И вот эта общественно-историческая практика занята решительной переделкой всех прежних оставшихся общественно-исторических укладов. В то время, говорит Маркс, как все прежние революции не полностью уничтожали старые общественно-экономические уклады, а включали их как частные моменты в новую хозяйственную систему, в то время как прежние революции не полностью устраняли старые идеологические формы, предшествовавшие формы общественного сознания, а включали их в новые идеологические образования, – коммунистическая революция от прежних революций отличается тем, что она ставит вопрос о коренной, решительной переделке всех общественно-экономических укладов, о коренном, решительном устранении всех фетишистских форм общественного сознания. Наша общественно-историческая практика подошла к решению этих задач, а это, товарищи, означает, что мы вскапываем и поднимаем в области экономики, политики и идеологии такие исторические напластования, которые являются продуктом векового развития. Эта гигантская историческая работа возбуждает сопротивление мелкобуржуазной стихии, работающей на реставрацию капитализма. В этих условиях мелкобуржуазная опасность встает перед рабочим классом и

его партией решительно во всех областях как, в области идеологии, так и в области политики. Поэтому работу по постановке и решению положительных теоретических задач необходимо увязать с борьбой против тех мелкобуржуазных шатаний и кулацко-капиталистических влияний, которые возникают в области политики и теории. Это важнейшая и существеннейшая задача.

Мне хочется здесь устранить одно недоразумение, которое создают некоторые товарищи, выступающие в нашей дискуссии. Эти товарищи очень часто отказываются спорить по существу, заявляя, что у нас ведь не теоретические разногласия, у нас разногласия политические. Конечно всякое теоретическое разногласие имеет политический смысл. Но не об этом здесь речь. Дело идет о том, что высказывается мнение, иногда открыто, иногда завулировано, что как же вы можете вообще рассуждать о философии марксизма, какое вы имеете право выступать по этим вопросам, ведь вы политически ошибались, ведь у вас были политические ошибки. Обсуждение теоретических вопросов сводят к политическому шельмованию. Этот прием должен найти самое резкое осуждение, ибо он мешает нашей теоретической работе.

Затем мне кажется, что нельзя подходить к другому партийцу-большевику таким образом, что если он выступает с трибуны и говорит одно, то предполагается, что думает он другое. Если есть такие факты, то нужно их рассмотреть и расследовать, — это совершенно особый вопрос; но если партиец делает определенные заявления, и у вас нет никаких фактических данных их опровергнуть, то не имеете права не верить этим ясным определенным политическим заявлениям. Мне, товари-

щи, по поводу моих политических ошибок приходилось говорить не раз. Да, я ошибался, но я исправлял свои ошибки. Я сейчас стою на той политической линии, которую проводит наша партия, я другой политической линии сейчас не вижу. Политическая линия нашей партии правильна потому, что только на ее основе можно преодолеть те хозяйственные и политические трудности, которые имеют место в период, когда мы переходим самый высокий исторический перевал. Поэтому, товарищи, указанные приемы полемики с самого начала надо отбросить. Они ни к чему не ведут, они не ведут ни к политической, ни к теоретической ясности.

Когда говорят об актуализации и политизации нашей философской работы, то в первую очередь выдвигают проблему партийности философии и обвиняют «философское руководство» в непонимании партийности философии, хотя так называемое философское руководство, я должен заявить, является существом мифическим. Кто составляет это руководство? Деборин, Карев, Стэн, Луппол? Но ни одно философское учреждение не находится в их руках. Назвать их руководством только потому, что они руководят философскими семинарами, никак нельзя. (Смех). Прозвище «философское руководство» придумано в специальных прагматических целях.

Голоса: «А статья десяти?» — «А платформа?».

Стэн. Вот это так называемое «философское руководство» обвиняют в отрыве от партии, в непонимании партийности философии. Я считаю необходимым на этом вопросе остановиться, потому что в самом деле этот вопрос весьма важен, и если на него не иметь определенного и ясного ответа, то двинуть-

ся вперед в деле разработки конкретных теоретических проблем, которые связаны с социалистическим строительством, чрезвычайно трудно. Но в этом вопросе как раз те, кто больше всего кричит о партийности философии, искажают ленинское понимание партийности философии. В теперешней напряженной обстановке, когда все наше внимание сосредоточено на острых политических и экономических вопросах, создается опасность упустить из виду своеобразные теоретические задачи, вытекающие из социалистической практики, когда мы ее охватываем диалектически как конкретную целостность. Создается опасность в области теории вульгарно-эмпирически обобщать и фотографировать поверхностные явления повседневной политической практики. Вульгарно-практическое сознание некоторых товарищей хочет казаться весьма революционным, когда оно заявляет, что существуют только политика и политические проблемы. Это есть результат непонимания основных форм классовой борьбы пролетариата и их диалектического соотношения. Ленин вслед за Энгельсом указывал, что наряду с экономической и политической формой борьбы существует теоретическая форма борьбы.

Что горит Ленин о соотношении теоретической, политической и экономической борьбы пролетариата?

«Энгельс признает, – говорит Ленин, – не две формы великой борьбы социал-демократии (тогда все назывались социал-демократами, когда Ленин писал): политическую и экономическую, как это принято делать у нас. – а три, ставя наряду с ними теоретическую борьбу¹.

¹ Ленин. Что делать?

Вы все наверняка помните, что Энгельс в предисловии к «Крестьянской войне в Германии», где он высказывается по этому вопросу, подчеркивает, что «немецкие» рабочие имеют два существенных преимущества перед рабочими остальной Европы. Первое – то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля никогда не создался бы немецкий научный социализм – единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесел, а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме – у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна – трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учения, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин,

правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала: в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практическо-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом так сказать концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения»¹.

Что это означает? Это означает, что пролетариат ведет борьбу в трех основных формах: в теоретической, политической и экономической. Все эти формы борьбы суть формы классовой борьбы пролетариата, они являются производными от соотношения классовых сил в каждой данной исторической ситуации.

Коммунистическая партия синтезирует в себе все эти формы борьбы, она одинаково руководит как теоретической, так и экономической и политической борьбой пролетариата. Но это не означает, что нет своеобразия

¹ *Энгельс*. Предисловие к «Крестьянской войне в Германии».

положения, своеобразия задач в теоретической, в политической и в экономической областях борьбы рабочего класса. Те, кто не в состоянии охватить в целом весь исторический смысл нашей практики, не понимают объема и содержания новых теоретических задач, а под давлением острой злобы дня произвольно выхватывают отдельные частные задачи и их механически суммируют. И все это делается под флагом того вывода, что философия марксизма есть частный момент политики, частная форма политики. Такие рассуждения неизбежно приводят к теоретическому ликвидаторству. (Шум). Это есть ликвидация теоретической формы борьбы рабочего класса, в этом надо дать себе отчет.

Можно говорить о политике в области философии, но нельзя рассматривать философию, как частную форму политики. Политика это своеобразная надстройка, это форма деятельности пролетариата, форма классовой борьбы. Политическая борьба есть форма классовой борьбы. Теоретическая борьба имеет политический смысл, потому что она связана с классовыми задачами пролетариата, но теоретическая борьба вовсе не сводится к политической борьбе и не исчерпывается ею.

Если исходить из того, что теоретическая форма борьбы тождественна с политической, то становится непонятным очень многое в поведении Ленина. Методологические ошибки всегда дают знать себя в области политики, но в последнем счете не сразу, не непосредственно. Например, у Ленина были философские разногласия с Богдановым до того, как он с ним разошелся политически. Пока философские разногласия не сказывались непосредственно на практической политике, Ленин не рвал с Богдановым.

В самый острый период борьбы с плехановской, стратегической и тактической концепцией русской революции Ленин, подчеркивая заслуги Плеханова в деле защиты философии марксизма, расходился с Плехановым. Резко критикуя Плеханова в политической и тактической областях, Ленин указывал, что не надо забывать, что в философской области Плеханов выполнял правильное революционное дело критики ревизионизма. Ленин прямо заявляет: «Какое действительное классовое значение имели подобные «поправки» к Марксу, об этом не приходится говорить – дело ясно само собой. Мы отметим только, что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных, пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова»¹.

Товарищи, это не означает, что Ленин не критиковал Плеханова как философа. Но надо исторически относиться к вещам, а здесь некоторые товарищи страдают величайшим антиисторизмом, они вырывают из конкретной исторической обстановки явления и весь вопрос сводят к тому: кто больше – Плеханов или Ленин? Что за детская постановка вопроса: кто больше, кто меньше. Разве в этом суть дела, разве Ленин нуждается в такой защите, чтобы, обращаясь к прошлой деятельности, к

¹ Ленин. Марксизм и ревизионизм.

философской работе Плеханова, спрашивать: кто больше – Плеханов или Ленин. Ленин сделал кое-что такое в области философии марксизма, что если систематически осознать это, то величие Ленина как философа-марксиста, как материалиста-диалектика вырисовывается без этой вульгарной антиисторической защиты.

В самом деле, возьмем вопрос о соотношении Плеханова и Ленина. Это важный вопрос. Я не скажу, что на философском фронте это основной вопрос, что сейчас главная опасность в области философии – Плеханов. Это чепуха и чушь, это непонимание тех опасностей, которые связаны с ростом у нас вульгарно-материалистических тенденций (механизм), как главной опасности, и ростом формалистических тенденций. Думать, что Плеханов сейчас в области философии марксизма – главная опасность, – это чепуха, так дело не обстоит. Но конечно между Плехановым и Лениным есть громадное различие, потому что Ленин дал осознание нового периода всемирной истории, который связан с империалистической стадией капитализма. Он это проделывал на основе философии диалектического материализма и вместе с тем самостоятельно разрабатывал дальше эту философию диалектического материализма. Изучая кризис современного теоретического естествознания, подходя к вопросу о материалистической переработке Гегеля, он выдвинул новые стороны теории материалистической диалектики, новые отношения и связи в самой действительности, новые категории. Если отметить недостатки и слабые стороны Плеханова как философа, то нужно сказать, что в плехановский материализм, который в основном является диалектическим материализмом, просачивались элементы вульгарного механистического

материализма. Стоит взять такую важную работу Плеханова, как «Основные вопросы марксизма», и посмотреть, что он там говорит о теории познания марксизма, чтобы заметить, что в понимании проблемы субъекта и объекта Плеханов не поднимается над уровнем фейербаховской точки зрения. Плеханов вслед за Фейербахом понимает субъект и объект чисто физиологически, в смысле соотношения «я» и «ты». Те, кто знают отрывок из «Немецкой идеологии» о Фейербахе, опубликованный в первом номере «Архива Маркса и Энгельса», помнят, что Маркс критикует Фейербаха именно за абстрактное понимание чувственности, на непонимание того, что внешние органы чувства человека выросли, сложились исторически, что физиология внешних органов чувства человека не может быть взята просто как физиология внешних органов чувств животных, что историческая обстановка, социальное развитие человека наложило отпечаток на структуру чувственных восприятий человека, что чувственное восприятие субъекта и другие формы его познания, которые надстраиваются над чувственным восприятием, надо изучать конкретно, как они складывались в различные исторические эпохи на основе изменения человеком окружающей природы. Совершенно неправильно заявление Плеханова, что теория познания Маркса есть теория познания Фейербаха плюс активность субъекта по отношению к объекту. Это ни в коей мере не передает существенного качественно-нового содержания теории познания диалектического материализма. Вторым важным недостатком плехановского материализма является непонимание соотношения основных форм движения материи. Вы все знаете, что Плеханов любил ссылаться на французских материалистов, ссылаться на то, что ма-

терии в первичной форме присуще ощущение, т. е. он стоял в известной степени на точке зрения гилозоизма. Если вы возьмете Маркса и Энгельса, то вы этого у них не найдете по той простой причине, что они подходили к вопросу с точки зрения диалектического материализма, потому что они понимали диалектически соотношение форм движения материи и могли показать, как связывается механическая форма движения с физической, как мы подходим к сознанию, как мы подходим к обществу, к общественному сознанию и т.д.

Можно отметить и перечислить еще целый ряд слабых сторон Плеханова. Крупным недостатком Плеханова как философа является то, что Плеханов не сумел поставить вопроса о диалектике как философской науке в целом. Он не ставил перед собой задачи целостной систематической разработки теории материалистической диалектики. Поэтому Ленин замечает, что Плеханов писал очень много о Гегеле, но ничего не сказал о гегелевской «Науке логики», которая содержит очень много такого, что в материалистически переработанном виде может быть использовано в целях построения теории материалистической диалектики.

Теперь, в новую историческую эпоху, мы можем поставить целый ряд вопросов иначе, ярче, правильнее, чем это делал Плеханов, когда он вел борьбу с различными формами неокантианства, с различными формами ревизионизма. Но это не означает, что над этой борьбой, которую вел Плеханов с этими формами ревизионизма, надо поставить крест. Недаром Ленин еще во время знаменитой профсоюзной дискуссии отметил, что именно философские работы Плеханова, собранные вместе, могут служить учебником коммунизма.

Но Ленин ведь делал это указание, учитывая как раз те свои критические заметки, которые он сделал в конспектах о Гегеле и которые только впоследствии были опубликованы. Постановка и решение тех новых задач в области философии марксизма, которые связаны с новым этапом революции, упираются в разработку ленинского философского наследия. Ленин подчеркнул значение разработки теории материалистической диалектики как науки в целом. Эта задача встает, сейчас перед философами-марксистами как самая главная задача. Ее надо понять и на ее выполнении сосредоточить все силы. У нас иногда с философа спрашивают все. Он должен быть в одинаковой степени экономистом, экономистом-аграрником, естественником-биологом, естественником-физиологом и т. д. Но ведь это же смешно, это несерьезный подход к делу. Когда мы ставим перед собой колоссальные новые теоретические задачи, нам нужна плановая организация научного труда, нам нужно распределить эти задачи. Нам нужно покончить со стихийной организацией научной работы, чтобы не было такого положения, когда каждый работает над чем хочет. Необходимо, чтобы все научные организации были вовлечены соответственным образом в дело решения больших теоретических задач, возложенных на нас нашей эпохой, на основе понимания той главной задачи, которая встает сейчас перед философами-марксистами.

А в чем заключается сейчас самая основная, главная теоретическая задача, которая должна стать перед философами-марксистами? Она заключается в том, что мы должны дать систематическую разработку теории материалистической диалектики. За: что больше всего нас надо ругать? За то, что мы, товарищи, ничтожно

мало сделали в этой области. Ведь в самом деле практика наша подвигается вперед, социалистическое строительство ставит перед нами большие задачи. Все науки должны быть поставлены на службу социалистическому строительству. Но все прежние науки суть результат стихийно-исторического развития. Нам необходимо пересмотреть прежний человеческий опыт под углом зрения диалектического материализма. Это – колоссальная задача, задача перестройки науки. Она связана с разработкой теории материалистической диалектики. И в этом отношении Ленин подвинул нас уже далеко вперед в том смысле, что, если Маркс хотел, как он говорит в одном из своих писем, написать «Логик», в которой собирался изложить рациональное зерно, содержащееся в гегелевской «Логике», и не сделал этого, то Ленин в своих конспектах о Гегеле отмечает новые стороны диалектики, дает новую постановку целого ряда вопросов. Намечает основные направления, основные принципы разработки теории материалистической диалектики. Это колоссальнейший шаг вперед в области философии марксизма. Конечно, это еще не означает, – пусть меня обвинят сейчас в недооценке значения Ленина, – это не означает, что у нас есть уже готовая, систематически разработанная теория материалистической диалектики. Этого у нас еще нет. Эту задачу нам предстоит еще решать. Наша практика решительно из всех областей предъявляет нам это требование. Мы с этой задачей до сих пор справлялись весьма плохо.

Мы все росли и растем и, надеемся, вырастем и окрепнем для решения этой задачи. Если характеризовать нашу философскую работу за прошедший период, то надо сказать, что она носила весьма ученический

характер. Мы все были учениками, не в плохом, а в хорошем смысле этого слова. Но мы не могли подойти к разработке тех больших основных проблем теории диалектики, которые сейчас перед нами стоят во весь рост. У нас подрастают кадры, у нас кристаллизуются философские кадры. Эту главную задачу нам надо поставить в центре нашей работы, вокруг ее решения организовать наши философские кадры, наших философских работников.

Ленин как раз подчеркнул основные особенности, основные стороны теории материалистической диалектики как науки. Если вы возьмете вопрос о соотношении теории познания и логики, эту существенную сторону теории диалектики, то именно ее Ленин отчетливо выяснил. На этом вопросе необходимо остановиться, потому что он связан с возрастающей у нас формалистической опасностью на философском участке.

Когда мы ставим вопрос о формалистической опасности, то мы должны попытаться определить, в чем же заключается эта формалистическая опасность, что такое формализм. Непонимание соотношения между теорией познания и логикой служит главным источником формалистической опасности в области разработки теории диалектики. Ленин, анализируя структуру гегелевской логики, отмечает, что ее основное значение заключается в том, что она является итогом, обобщением истории мысли: «Понятие [познание] в бытии [в непосредственных явлениях] открывает сущность [закон причины, тождество], различ[ие] etc – таков действительно общий ход всего ч[елове]ч[еского] познания [всей науки] вообще. Таков ход и ест[ество] знания и п[олитической] эк[ономии] [и истории]. Диал[екти]ка Г[еге]ля есть, по-

стольку обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на истории отдельных наук. В логике история мысли должна в общем и целом совпадать с законами мышления»¹.

Здесь дана основная линия, главная магистраль разработки теории материалистической диалектики. В логике законы мышления должны в общем и целом совпадать с законами истории мышления. Логическое не есть нечто оторванное от исторического. Логическое есть результат очищения исторического процесса развития от случайных форм проявления.

Когда Маркс а своих подготовительных работах к «Святому семейству» дает оценку значения гегелевской «Феноменологии духа», он подчеркивает именно эту сторону дела. Основное значение гегелевской «Феноменологии духа» заключается в выяснении того, что основной метод гегелевской логики – принцип отрицания – есть вывод из истории форм мышления и форм человеческой практики.

«Феноменология духа» показывает, что внутренняя логическая необходимость, проявляющаяся в связях между категориями логики, есть результат осознания исторической необходимости. В гегелевской логике это соотношение гораздо больше заметно, чем в «Феноменологии духа». В «Логике» историческое подчинено логическому. Разрыв между логическим и историческим, непонимание связи между логикой и теорией познания, непонимание того, что законы логики есть законы истории мышления, – ведет у нас к формализму в области

¹ XII Ленинский сборник. С. 291.

разработки теории материалистической диалектики. По этой же линии проявляется формализм, вырастает и в других областях. Если возьмете, например, рубинские ошибки в области политической экономии, то основной методологический смысл этих ошибок заключается в разрыве между логическим и историческим, в непонимании того, что экономические категории Маркса не есть какие-то абстрактно-логические категории, которые движутся сами по себе, в непонимании того, что они отражают экономическую историю развития. Если возьмете движение форм стоимости у Маркса, то это движение форм стоимости не есть абстрактное движение категорий, это есть воспроизведение целых этапов исторического развития менового общества.

В целом ряде других конкретных областей формализм, формалистическая опасность намечается именно по этой же линии. Наша задача заключается в том, чтобы использовать то ленинское философское наследие и не только специально философское, но и все то, что дал Ленин в своих тактических, экономических и политических работах, и приступить к систематической разработке теории материалистической диалектики. Только это даст нам методологическое оружие для победы над всякого рода формализмом.

Когда мы говорим о значении ленинского философского наследия и ведем борьбу с теми, кто недооценивает Ленина как философа, надо вместе с тем иметь в виду и другую опасность. У нас находятся товарищи, которые утверждают, что ленинская философия в смысле метода является чем-то совершенно новым по отношению к Марксу, что марксова философия есть частный снятый момент в ленинской философии, что надо эволюциони-

ровать от марксизма к ленинизму, что ленинизм не есть марксизм.

Тов. Рудаш в своей книге «Против новейшей ревизии марксизма» ставит вопрос о соотношении марксизма и ленинизма таким образом: «Кто оставляет без внимания то реальное и глубокое движение вперед, которое сообщил марксизму Ленин, тот не признает эволюции от марксизма к ленинизму, тот эволюционирует вспять от марксизма». Но т. Рудаш на этом не останавливается и развивает вульгарно-механистическое понимание марксова материализма. Рудаш заявляет: «Но другого философского материализма, кроме естественнонаучного не существует»¹. Итак, марксизм есть естественно-исторический материализм плюс исторический материализм.

Нам нужно бороться как с теми, кто, недооценивая роль Ленина в философии, не понимает того, что нового дал Ленин, так и с теми, кто отрывает Ленина от Маркса.

Наша задача заключается в том, чтобы осознать те теоретические задачи, которые сейчас перед нами встали в философской области и сплотить все наши философские кадры для дела разработки материалистической диалектики.

Нам бросают обвинение, что мы против самокритики, что мы зажимаем самокритику. Это неправда, мы никогда не были против самокритики. Я не думаю, что эти товарищи, которые здесь выступают, могли бы жаловаться, что их кто-нибудь зажимает. Возражают и возмущаются против резкой теоретической полемики. Но эти товарищи рассуждают весьма односторонне.

¹ Рудаш. Против новейшей ревизии марксизма. С. 128.

Ленин всегда подчеркивал практически политическое значение непримиримой теоретической полемики. Когда просачиваются вредные теоретические тенденции, с ними надо вести беспощадную войну. А я считаю, что эти товарищи выражают теоретически вредную тенденцию. Они являются именно препятствием в области разработки теории материалистической диалектики. Если вы, в самом деле, уверены в тех обвинениях, которые вы нам предъявляете, – что мы оторвались от партии, что мы есть троцкизм, – то надо нас без всякого промедления казнить. Все свои обвинения эта группа товарищей строит на случайно вырванных цитатах. Они берут отдельные неудачные формулировки из первого варианта декларации и устраивают вокруг них дикую пляску. Но когда мы начинаем цитировать их статью, сданную в «Большевик», отшлифованную, отработанную, подписанную, за которую авторы отвечают, они протестуют, не имеете права цитировать. Трудно подобрать на человеческом языке слово для характеристики такого рода явлений.

Нужно во что бы то ни стало ликвидировать ту вредную атмосферу, которая создалась на философском участке нашей работы. Не нужно спекулировать на тех политических ошибках, которые имелись у отдельных товарищей. У меня были политические шибки, у т. Карева имелись политические ошибки, мы эти политические ошибки исправляем, мы идем в ногу с партией и ведем борьбу за осуществление генеральной линии нашей партии. Совершенно недопустимым является такое положение вещей, что, когда мы обсуждаем философские вопросы, нас ставят в неравное положение и заявляют, что вы невыдержанные большевики, а мы вы держанные

большевики и поэтому давайте нам в споре все привилегии. Мы сознаем целый ряд ошибок в прежней нашей политической и в философской работе. Нами допущен целый ряд крупных ошибок, которые могут быть исправлены только на основе большевистской самокритики. Без острой, жестокой самокритики мы не можем идти дальше в области теории. Но тут нужна настоящая самокритика на основе понимания тех больших теоретических задач, которые в настоящее время поставлены перед нами новым этапом революции. Если мы окажемся в состоянии справиться с новыми крупными теоретическими задачами, тогда мы окажемся настоящими представителями партийности в области философии, настоящими партийцами, ибо в области марксистской философии мы должны выполнять те задачи, которые возлагает на нас современная историческая эпоха и практика классовой борьбы пролетариата в настоящий период.

ПРИМЕЧАНИЯ

Раздел I

У ИСТОКОВ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ. ДИАЛЕКТИКИ И МЕХАНИСТЫ

Руднянский. Беседы по философии материализма. Государственное издательство. С предисловием Семковского и примечаниями Л. И. Аксельрод.

Рецензия напечатана: Под знаменем марксизма. 1924. № 8–9. С. 285–289.

Об ошибках Гортера и тов. Степанова. Герман Гортер. Исторический материализм. Приложение: И. Степанов. Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм.

Напечатано: Большевик. 1924. № 11. С. 82–89.

Наша партия и вопросы теории.

Напечатано: Большевик. 1924. № 12–13. С. 10–16.

О том, как т. Степанов заблудился среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса.

Напечатано: Большевик. 1924. № 15–16. С. 115–127.

Выступление в прениях по докладу И. И. Скворцова-Степанова «Что такое политическая экономия?». 31 января 1925 г.

Напечатано: Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. 11. С. 328–331.

Выступление на дискуссии в Институте научной философии РАНИОН. 9 марта 1926 г.

Источник: Архив РАН. Фонд. 355. Описание 1. Дело 45. Листы 20–21.

Выступление на Второй Всероссийской конференции марксистско-ленинских научных учреждений. 9 апреля 1929 г.

Напечатано: Современные проблемы философии марксизма. М., 1929. С. 173–180.

Выступление на научной сессии Института философии Коммунистической академии, посвящённой 25-летию выхода в свет труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» 23 июня 1934 г.

Источник: Архив РАН. Фонд. 355. Описание 1а. Дело 144. Листы: 87–97.

Раздел II

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Ионийская философия.

Напечатано: Большая советская энциклопедия. М., 1935. Т. 29. Стлб. 98–101.

Натурфилософия.
Напечатано: Малая советская энциклопедия. М., 1930.
Т. 5. Стлб. 609–610.

Необходимость.
Напечатано: Малая советская энциклопедия. М., 1930.
Т. 5. Стлб. 708–709.

Причинность.
Напечатано: Малая советская энциклопедия. М., 1930.
Т. 6. Стлб. 872–874.

Толанд.
Напечатано: Малая советская энциклопедия. М., 1930.
Т. 8. Стлб. 836–837.

Философия.
Напечатано: Большая советская энциклопедия.
М., 1936. Т. 57. Стлб. 445–499.

Раздел III

В БОРЬБЕ СО СТАЛИНИЗАЦИЕЙ ФИЛОСОФИИ

Реплика на Объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)
22 апреля 1929 г.
Напечатано: Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 12.
С. 72.

Без революционной теории нет революционной практики.

Напечатано: Юный коммунист. 1929. № 14. С. 37–41;
№ 15. 29–34.

Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма.
Напечатано: Комсомольская правда. 1929. 26 июля.

Выступление на заседании Президиума Коммунистической академии. 20 октября 1930 г.

Напечатано: Вестник Коммунистической академии.
1930. Кн. 40–41. С. 105–117.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3	Выступление на научной сессии Института философии Коммунистической академии, посвящённой 25-летию выхода в свет труда В. И. Ленина «Мате- риализм и эмпириокритицизм». 23 июня 1934 г.	94
Раздел I. У истоков диалектической логики. Диалектики и механисты	9	Раздел II. Энциклопедические статьи	101
Руднянский. Беседы по философии материализма. Госу- дарственное издательство. С предисловием Семков- ского и примечаниями Л. И. Аксельрод	11	Ионийская философия	103
Об ошибках Гортера и тов. Степанова. Герман Гортер. Исторический материализм. Приложение: И. Сте- панов. Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм	21	Натурфилософия	109
Наша партия и вопросы теории	35	Необходимость	112
О том, как т. Степанов заблудился среди нескольких цитат из Маркса и Энгельса	49	Причинность	114
Выступление в прениях по докладу И. Степанова «Что такое политическая экономия?». 31 января 1925 г.	74	Толанд	119
Выступление на дискуссии в Институте научной философии РАНИОН. 9 марта 1926 г.	80	Философия	122
Выступление на Второй Всероссийской конференции марксистско-ленинских научных учреждений. 9 апреля 1929 г.	82	Раздел III. В борьбе со сталинизацией философии	217
		Реплика на Объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 22 апреля 1929 г.	219
		Без революционной теории нет революционной практики	220
		Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма	241
		Выступление на заседании Президиума Коммунисти- ческой академии. 20 октября 1930 г.	249
		Примечания	272

Я. Э. Стэн

**СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ
ПО ФИЛОСОФИИ**

Составители: *С. Н. Корсаков, М. В. Бахтин*
Верстка: *В. В. Дроздов*
Художественное оформление: *В. В. Неклюдов*

Издательский дом «Энциклопедист-Максимум»
123325, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4
E-mail: midk2008@yandex.ru

Издательский дом «Мирь»
198328, Санкт-Петербург, а/я 31
E-mail: mir2003@mail.ru
www.mirspb.ru

Пописано в печать с готового оригинал-макета 01.09.2015 г.
Формат 70x100 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Peterburg.
Печать офсетная. Учет.-изд. л. 00,0. Тираж 1 000 экз.
Заказ

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

**Серия «Библиотека духовной культуры»
(основана М. Бахтиным в 1998 г.)**

1. Бахтин М.В. В поисках счастья: религиозно-этические учения древности. Пенза, 1998.
2. Бахтин М.В. Счастье и блаженство в свете христианской антропологии. СПб., 1999.
3. Бахтин М.В. История философии в конспективном изложении. СПб., 2000.
4. Бахтин М.В. История России в конспективном изложении. СПб., 2000.
5. Найт Дж. Философия и образование. Предисловие, вступ. ст. и прим. М.В. Бахтина. СПб., 2000.
6. Бахтин М.В. Модели истории: социально-антропологический анализ. М., 2004.
7. Бахтин М.В., Клевцов П.Б. Введение в православное богословие. М., 2006.
8. Бахтин М.В. Богословское осмысление истории. М., 2006.
9. Догматическое богословие. Под ред. М.В. Бахтина. М., 2006.
10. Бахтин В.В. Колокольный поэзии звон. Сборник песен. М., 2006.
11. Филькевич И.Э. Новая эра. М., 2006.
12. Праздники Русской православной церкви. М., 2006.
13. Символ веры: его происхождение и краткое содержание. М., 2006.
14. Компакт-диск «Конспекты лекций для семинаристов-заочников». М., 2006.
15. Компакт-диск «Библиотека православного христианина». Т. 1. М., 2006.
16. Компакт-диск «Библиотека православного христианина». Т. 2. М., 2006.

17. Компакт-диск «Библиотека православного христианина». Т. 3. М., 2006.
18. Компакт-диск «Библиотека православного христианина». Т. 4. М., 2006.
19. Компакт-диск «Библиотека православного христианина». Т. 5. М., 2006.
20. Компакт-диск «Библиотека православного христианина». Т. 6. М., 2006.
21. Священное Писание Ветхого Завета (Моисеево Пятикнижие). Под редакцией протоиерея Владимира Иванова. М., 2006.
22. История Христианской церкви (до 1054 года). Под общей редакцией М.В. Бахтина. М., 2007.
23. Протоиерей Серафим Соколов. История восточного и западного христианства. М., 2008.
24. Бахтин В.В. Рапсодия сурских поэтов. Сборник песен. М., 2011.
25. Бахтин В.В. Формирование опыта эмоционально-ценностного отношения младших школьников к музыкальной деятельности в условиях взаимодействия различных видов искусства. М., 2011.
26. Стрельченко В.И., Романенко И.Б. и др. Философия естествознания и гуманитарных наук: учебно-методическое пособие для аспирантов и соискателей. СПб.-М., 2012.
27. Стрельченко В.И., Романенко И.Б. и др. Эпистемология, философия и история науки: учебно-методическое пособие для аспирантов и соискателей. СПб.-М., 2012.
28. Бахтин М.В. Эпистемология исторического знания (модели истории и философско-антропологические репрезентации). М., 2012.
29. Гагаев П.А., Гагаев А.А. Православие и русская литература. М., 2012.
30. Бахтин М.В. История государства и церкви в России. В восьми томах. Том 1. М., 2012.
31. Кузьмина Л.М. Демографический аспект поведения молодежи и поддержка молодых семей в России. М., 2013.
32. Венчая музыку и слово. Под ред. В.В. Бахтина и Г.Е. Горланова. М., 2013.
33. Наполним музыкой сердца. Эпохи и песни. Сост. М.В. Бахтин. М., 2013.
34. Бахтин М.В., Большаков В.П. История мировой культуры. М., 2013.
35. Соколовская И.Э. Религиозность и ее влияние на характер и личность современного человека (Конструктивные и деструктивные аспекты религиозности современной молодежи). М., 2013.
36. Бахтин М.В. Человек и история. Очерки философско-исторических учений. М., 2014.
37. Горланов Г.Е. «В минуту жизни трудную...». К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. М., 2014.
38. Бахтин В.В., Гордеева Л.В., Решетникова Т.К. Формирование музыкальной культуры школьников: культурологический аспект. М., 2014.
39. Белинский В.Г. Литературная критика (подсерия «Библиотека русской классики») / Сост., вступ. ст. Стрельцов В.И. М., 2014.
40. Стрельцов В.И. Лебединые песни. Сборник стихов. М., 2014.
41. Сталин И.В. Сочинения. В пяти томах. Посвящается 135-летию. Том 1. М., 2014.
42. Сталин И.В. Сочинения. В пяти томах. Том 2. М., 2014.
43. Сталин И.В. Сочинения. В пяти томах. Том 3. М., 2014.
44. Сталин И.В. Сочинения. В пяти томах. Том 4. М., 2014.
45. Сталин И.В. Сочинения. В пяти томах. Том 5. М., 2014.

46. Джугашвили И., Бахтин М. Пророк (компакт-диск). М., 2014.
47. Пузырёв А.В. О системном подходе в лингвистике. М., 2014.
48. Лещинский А.Н. Проблемы единства церкви. М., 2014.
49. Абачиев С.К. Православное введение в современный материализм. М., 2014.
50. Субетто А.И. Апостол социализма (к 135-летию И.В. Сталина). М., 2014.
51. Шувалов И.Ф. Факультет общественных отношений как феномен советского образования. М., 2014.
52. Горланов Г.Е. Пиитики. Сборник стихов. М., 2015.
53. Философы современной России. Энциклопедический словарь / Предисл., сост., прилож. М. В. Бахтин. М., 2015.
54. Лукьянчиков Н.Н., Гагут Л.Д. Манифест ноосферного общества. М., 2015.
55. Философы современной России. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. / Предисл., сост., прилож. М. В. Бахтина. М., 2015.
56. Философы современной России. Энциклопедический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. / Пред., сост., прил. М. В. Бахтина. М. 2015
57. Лещинский А.Н. Проблемы единства церкви. Изд. 2-е. М., 2015.
58. Стэн Ян Эрнестович. Статьи и выступления по философии. М., 2015.
59. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. М., 2015.
60. Соколовская И.Э. Проблема религиозной идентичности современной российской молодежи.

В 2015-2070 годах в серии «Ученые России» планируется выход в свет энциклопедических словарей:

Историки современной России. Энциклопедический словарь. Сост., вступ. ст., прил. М.В. Бахтина

Психологи современной России. Энциклопедический словарь. Сост., вступ. ст., прил. М.В. Бахтина, И.Э. Соколовской.

Педагоги современной России. Энциклопедический словарь. Сост., вступ. ст., прил. М.В. Бахтина

Литераторы современной России. Энциклопедический словарь. Сост., вступ. ст., прил. М.В. Бахтина

Музыканты современной России. Энциклопедический словарь. Сост., вступ. ст., прил. М.В. Бахтина

Врачи современной России. Энциклопедический словарь. Сост., вступ. ст., прил. М.В. Бахтина

Юристы современной России. Энциклопедический словарь. Сост., вступ. ст., прил. М.В. Бахтина

Экономисты современной России. Энциклопедический словарь. Сост., вступ. ст., прил. М.В. Бахтина

В 2015-2070 годах в серии «Библиотека духовной культуры» планируется выход в свет следующих изданий:

2015 год

Российская академия наук. К 290-летию со дня основания / Сост. Д.В. Джохадзе.

Круглов А.Г. Признание. 70-летию Великой Победы посвящается.

Кожурин К.Я. Духовные учителя сокровенной Руси.

Евлампиев И.И. Русская философия в поисках Абсолюта. История русской метафизики. В 2-х тт.

Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М., 2015.

Фроянов И.Я. Россия в огне. Октябрь 1917 года. Погружение в бездну.

Бахтин М.В., Соколовская И.Э. Человек и его поступки. Очерки антропологических и этических учений. В 2-х тт. Т. 1.

Бахтин М.В. История государства и церкви в России.
В восьми томах. Том 2.

Бахтин М.В. Очерки истории философии. В 2-х тт.

Есенин С.А. Сочинения в 3-х тт. К 120-летию со дня рождения.

2016 год

Деборин А.М. Очерк истории греческой философии.

Евлампиев И.И. Проблема человека в творчестве
Ф.М. Достоевского

Толстой Л.Н. Сочинения / Сост. Николаева Е.В.

Панибратов В.Н. Мать. Да святится имя твое. Сборник стихов.
К 75-летию юбилею.

Хоружий С.С. После перерыва: пути русской философии.

Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф.М.
Достоевского

Ивин А.А. Апокалипсис любви.

Философия любви / Сост., вступ. ст. А.А. Ивин

Назаров В.Н. «Право на Ад: Введение в этику пороков Данте».

Бахтин М.В. История государства и церкви в России.
В восьми тт. Т. 3.

Лезгина М.Л. Человек в структуре реальности.

2017 год

Стрельченко В.И. Очерки истории и философии науки.

Советские философы о русской идее: Сборник статей и
рецензий.

Русские философы-марксисты XX-XXI вв. (1917-2017 гг.)
/ Сост. М.В. Бахтин. К 100-летию Великой Октябрьской
социалистической революции.

Бахтин М.В. История государства и церкви в России.
В восьми томах. Том 4.

Назаров В.Н. История русской этики.

Прохоров В.Л. От Руси к России: эволюция благотворения.

Бахтин М.В. Человек и его поступки. Очерки
антропологических и этических учений. В 2-х тт. Т. 2.

Титов Н.А. / Сост. Федосеева Т.Н.

Рудаков Л.И. Чаадаев. К 220-летию со дня рождения.

Бахтин М.В. Прорицатели. Кто они?

2018 год

Бахтин М.В. История государства и церкви в России.
В восьми томах. Том 5.

Никонов А.Б. Социология религии. Курс лекций.

Кожурин К.Я. Протопоп Аввакум.

Прохоров Г.М. Древняя Русь как культурный феномен.

Кожурин А.Я. Русская философия науки.

Кушелев В.А. Метафизическое решение парадокса времени
как парадокса субъективности (анатомия рациональности)

Пронин А.М. Полное собрание сочинений. К 65-летию
со дня рождения.

2019 год

Бахтин М.В. История государства и церкви в России.
В восьми томах. Том 6.

Фонвизин Д.И. / Сост. С.А. Джалумов.

Султанов К.В. Социальная философия Н.Я. Данилевского.

Русские народные сказки. / Сост. Д.В. Абашева

Кожурин К.Я. Боярыня Морозова.

Фроянов И.Я. Древняя Русь.

Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород.

Борев Ю.Б. Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника». К 90-летию юбилею.

Корольков А.А. Философия русской духовной культуры.

Сиземская И.Н. Русская философия истории

2020 год

Бранский В.П. Искусство и философия.

Бахтинология. 4-й выпуск. Посвящается 125-летию со дня рождения.

Бахтин М.В. История государства и церкви в России. В восьми томах. Том 7.

Романенко И.Б. Образовательные парадигмы в философии нового и новейшего времени.

Франциск Ассизский и Россия. Антология.

Романенко Ю.М. Онтология мифа.

Лещинский А.Н. Православие в наши дни.

Бахтин М.В. Философия и образование.

Агапов В.Д. Священный зов колоколов. Сборник стихов. К 80-летию со дня рождения.

Островский А.Н. Избранное / Сост., вступ. ст. И.А. Овчинникова.

Бахтин М.В. История государства и церкви в России. В восьми томах. Том 8.

Серия «Русское философское наследие» (основана М. Бахтиным в 2015 г.)

В 2015-2070 гг. планируется выход в свет следующих изданий:

Иларион, митрополит Киевский. Слово о законе и благодати / Сост., вступ. ст. А.Н. Ужанков, Г.К. Овчинников.

Лука Жидята / Сост., вступ. ст. Г.К. Овчинников

Феодосий Печерский / Сост., вступ. ст. В.В. Мильков

Кирилл Туровский / Сост., вступ. ст. В.В. Мильков

Климент Смолятич / Сост., вступ. ст. В.В. Мильков

Кирик Новгородец / Сост., вступ. ст. В.В. Мильков

Никифор, митрополит / Сост., вступ. ст. В.В. Мильков

Владимир Мономах. Поучение / Сост., вступ. ст. В.В. Мильков

Дух. Душа. Тело. Древнерусская аскетика. Антология

Се человек. Древнерусская антропология. Антология

«Иной мир» Древней Руси. Антология

Шестоднев

Палея

Серапион Владимирский

Сергий Радонежский. Жизнь, житие, программа.

Диоптра

Иосиф Волоцкий

Нил Сорский

Максим Грек / Сост., вступ. ст. и комм. М.Н. Громов

Вассиан Патрикеев

Иван Пересветов / Сост., вступ. ст. В.В. Шапошник.
Иван Грозный. Сочинения. К 450-летию введения опричнины /
Сост., вступ. ст. В.В. Шапошник.
Курбский Андрей
Иоанн Дамаскин. Логика
Аввакум, протопоп / Сост., вступ. ст., коммент. К.Я. Кожурин
Петр Великий. Сочинения. К 350-летию со дня рождения /
Сост., вступ. ст. М. Бахтин
Ломоносов М.В. Сочинения.
Григорий Сковорода / Сост., вступ. ст. О.В. Марченко
Чаадаев П.Я. Сочинения / Сост., вступ. ст. Л.И. Рудаков
Галич А.И. Сочинения / Сост., вступ. ст. В.И. Стрельченко
Белинский В.Г. Сочинения / Сост., вступ. ст. М.В. Бахтин
Герцен А.И. Сочинения / Сост., вступ. ст. М.В. Бахтин
Чернышевский Н.Г. Сочинения / Сост., вступ. ст. М.В. Бахтин
Толстой Л.Н. / Сост., вступ. ст. Е.Д. Мелешко
Плеханов Г.В. Сочинения / Сост., вступ. ст. М.В. Бахтин
Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Опавшие листья. /
Сост., вступ. ст. П.П. Апрышко.
Розанов В.В. Об осязательном и осязательном отношении
евреев к крови.
Франк С.Л. Сочинения / Сост., вступ. ст. И.И. Евлампиев
Иван Грозный. Полное собрание сочинений. К 500-летию
со дня рождения / Сост., вступ. ст. В.В. Шапошник.
Неизвестная русская этика (этика русского зарубежья) /
Сост., вступ. ст. В.Н. Назаров